

С.С. Алексеев

ПЕРЕД ВЫБОРОМ ОБНОВЛЕНИЕ ИЛИ КАТАСТРОФА?

Издание второе,
переработанное
и дополненное

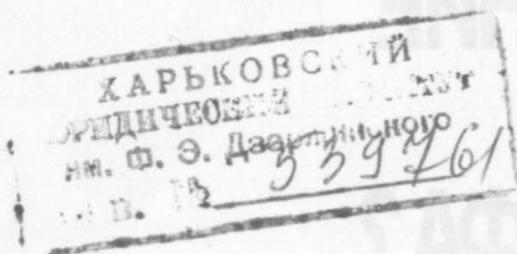
Москва
«Юридическая литература»
1990

Моим внукам — Кате, Алеше, Ане,
Васе и Марине — посвящаю. Будьте
мудрее и мужественнее нас.

67.99(2)

А 47

Редактор Плеханова Л. А.

Алексеев С. С.

А 47 Перед выбором. Обновление или катастрофа? 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрид. лит., 1990. — 288 с.
ISBN 5-7260-0491-4

Во втором издании книги, написанной в жанре научной публицистики и философских размышлений, завершающей цикл работ автора о перестройке, правовом государстве, собственности и социалистической идее, с предельной остротой осознается и всесторонне анализируется ситуация исторического выбора для нашей страны, всего человечества.

Для юристов, философов, для всех интересующихся освещаемыми проблемами.

А 1203000000-153 без объявл.
012(01)-90

67.99(2)

ISBN 5-7260-0491-4

© Издательство «Юридическая литература», 1990

Эта книга — о социализме, о возрождаемой социалистической идее.

И сразу же возникает сомнение: время ли сейчас, когда нашу экономику, другие сферы общества поразил жестокий кризис, рассуждать о социализме, о его новом облике и о его будущем? Дай бог, справиться в недолгие сроки с теми трудностями и бедами, которые разом обрушились на нашу страну.

Время. Самое что ни на есть время!

Ибо именно сейчас, когда существует острая необходимость как можно быстрее преодолеть нынешние трудности, нельзя сбиться с магистрального пути развития цивилизации, и при решении любых, самых тяжелых проблем нужно сверяться с тем, насколько принимаемые меры соотносятся с нашим историческим выбором и общечеловеческими ценностями. Чтобы не потерять перспективу. И чтобы вновь не попасть в тупик, еще более страшный, безвыходный.

Наверное, не случайно, что именно тем, кто пережил годы «триумфов» и трагедий после Октября, выпала нелегкая доля ответить на возникающие ныне вопросы. Всякая истина должна быть выстрадана. Особенно та, значимость которой затенена сиюминутными эмоциями и заботами. На нас обрушился такой поток бед и трудностей, что он снес, смыл многое наносное, фальшивое, — и надо, чтобы это пошло нам впрок, помогло осмыслить наше минувшее и заглянуть в грядущее.

Как бы то ни было, пусть эта книга не будет воспринята как очередное кабинетное сочинение, построенное на цитатах и абстрактных рассужде-

ниях (хотя и их немало). В ней автор стремился показать наш многотрудный опыт, нелегкие шаги к еще неведомым и уже выстраданным нами истинам. И на этой основе в постановочном, подчас дискуссионном порядке высказать соображения о нашем настоящем и будущем.

В отличие от первого издания, в новом варианте книги, с уточненным подзаголовком, наряду с дополнениями мне бы хотелось предельно заострить проблему, стоящую перед нами, быть может, даже несколько драматизировать ее как ситуацию глобального выбора: или совершенствование нашей жизни, обновление социализма, или тупик, катастрофа.

И еще, что существенно отличает настоящую книгу от предыдущего ее издания. Это такая трактовка концепции гуманного, демократического социализма, когда она напрямую связывается с исходными, не искаженными последующими деформациями и наслоениями идеями марксизма — первозданными идеями К. Маркса — с нацеленностью на достижение эпохи положительного гуманизма, истинного «царства свободы». Развернуты недостаточно ранее освещенные грани социалистической идеи, сообразно чему включены две новые главы.

Наконец, во втором издании сделан еще больший акцент на правах человека, на благополучии души, счастье людей — на том венце развития, к которому устремлен гуманный, демократический социализм.

Автор выражает глубокую благодарность кандидату философских наук М. В. Горбунову за помощь при подготовке и второго издания книги, всем, кто дружеской поддержкой, советом, критическими замечаниями способствовал работе над ней.

А БЫЛ ЛИ СОЦИАЛИЗМ?

Есть вопрос

Да — был!

Нет — не был!

Возникновение тоталитарного режима

Противовеса не оказалось

Деформация исходных позиций,
начальных основ социализма

Так что же это за строй?

«Социализм» в капиталистическом мире

О «конце Истории»

«Шведский социализм»

Несколько слов о конвергенции

Книга в книге. Размышления

ЕСТЬ ВОПРОС

Мы уже давно о социалистическом строе, о социалистическом

государстве, о социализме говорим, как о реальности, как о достигнутом и завоеванном. Пусть в отношении названия страны, государства с самого начала было определено, что речь идет главным образом об устремленности, о поставленной цели. И это в общем оправданно: надо ведь как-то обозначить страны, вставшие на путь социализма. Но мы прилагали термин «социалистический» и к фактам живой действительности и тем самым давали понять, что перед нами уже реальность, причем что-то иное, более высокое и значительное, чем существовало ранее. К этому надо добавить формулировки официальных документов о «победе социализма в основном» или построении «основ социализма» (какой был яростный спор между приверженцами той и другой формулировки!), о «полной и окончательной» победе социализма, о переходе нашего общества в эпоху «развитого социализма».

А был ли вообще в нашем обществе социализм?

В нашей стране социализм был.

ДА — БЫЛ!

Был в том отношении и в той мере, в какой в результате революции, последующего развития наметились стартовые, исходные позиции социализма, созданы его начальные экономические, политические, идейные основы и некоторые его элементы. То есть был взят курс на преобразование общества «по Марксу» — курс на устранение антигуманного отчуждения человека от средств производства, от труда, его результатов, от власти, на то главное, что выражает Марксову идею социализма.

Для нашей страны, для ее исторического выбора решающее значение имели декреты Октяб-

ря, открывшие экономические и политические пути для последующего социалистического развития, а также те элементы социалистического хозяйствования и жизнедеятельности, которые стали складываться в условиях нэпа.

Самое главное здесь заключается вот в чем.

С декретов Октября, прежде всего о земле, о национализации основных отраслей промышленности, банков, транспорта, начала осуществляться вековая социалистическая мечта, центральная идея всех истинных социалистических учений — уничтожение частной собственности и, следовательно, устранение антигуманного отчуждения производителя от средств производства. Причем в первые месяцы, да и в первые годы после Октября было стремление довести реализацию этого социалистического замысла до конца, до предела, распространив отмену частной собственности на все собственные отношения — наследование, дарение.

Далее. После Октября общество твердо ориентировалось на то, чтобы исключить из социальной жизни эксплуатацию человека человеком — порядок, в соответствии с которым человек, обладающий имуществом, мог жить за счет труда другого человека. То есть на то, чтобы осуществился издревле, со времен раннего христианства известный жесткий лозунг социальной справедливости: «Кто не работает, тот не ест».

Отвечали социалистическому замыслу упразднение прежних государственно-правовых структур, слом старого аппарата и утверждение принципа самоуправления, полномочия Советов рабочих, крестьянских, солдатских депутатов, осуществлявшиеся в соответствии с лозунгом «диктатуры пролетариата» — лозунгом, приобретшим на практике, да и в теории самодовлеющее значение.

В этом грезились прямое и широкое, не замутненное всякими «парламентскими выкрутасами» фактическое участие трудящихся в управлении делами общества и государства.

После Октября идеи социальной справедливости глубоко проникли в сознание людей. Нет богатых и бедных, все одинаково трудящиеся, все на равных делят тяготы и радости.

Законодательство, практическая деятельность государственных органов, должностных лиц, профсоюзов призваны утверждать действительную социальную защищенность людей труда.

После завершения гражданской войны, в условиях нэпа эти начала, принципы стали обретать реальность в некоторых элементах социалистической практики: через кооперацию, аренду на предприятиях трудящиеся становились обладателями средств производства, их реальными хозяевами, начался процесс освобождения труда, заметно поднялся уровень жизни.

И, наконец, нельзя не принимать в расчет дух энтузиазма, революционного, романтического порыва и подвижничества, охвативших страну в первые десятилетия Советской власти. Отсюда неприятие или даже прямое отторжение всего «классово чуждого», буржуазно-извращенного, аморального.

Увы, мы знаем горькую судьбу этих начал. Но они были. Несмотря на все сложности последующего развития, на возникновение совсем иных, прямо противоположных тенденций, они наметили контуры гуманного, демократического социализма и — что не менее важно — так или иначе благотворно сказывались и сказываются поныне на нашей жизни, непростой, полной противоречий, но в чем-то новой и обнадеживающей.

НЕТ — НЕ БЫЛ! В нашей стране социализм как общественный строй — строй целостный во всем многообразии своих институтов, начал и проявлений — не сложился. Его практически не было.

Что же случилось? Почему, сделав исторический выбор, выйдя на исходные социалистические рубежи, овладев экономическими и политическими рычагами для создания нового социального строя, утвердив некоторые его элементы, общество сбилось с пути, и вместо социализма оказалось построенным нечто другое, в существенных сторонах прямо ему противоположное? И почему мы вновь оказались *перед выбором*?

Ответ на поставленный вопрос и в связи с этим уяснение идейно-мировоззренческой основы такого разворота событий — дальше. А сейчас важно отметить то, в чем конкретно состоял отход от намеченной Октябрем логики созидания социализма, социализма гуманного, демократического.

Принято считать, что наиболее выразительной чертой деформаций в нашем строе является сохранившееся и даже усилившееся отчуждение трудящихся от собственности, от результатов труда и от политической власти. В общем, это верно. Но здесь не схвачено главное — возникновение тоталитарного социально-политического режима, следствием функционирования и выражением которого стало, в частности, принявшее уродливые формы отчуждение трудящихся от собственности, от труда, его результатов и политической власти.

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ТОТАЛИТАРНОГО
РЕЖИМА** Замечу, что наши обычные представления о тоталитаризме узки, сводят, как правило, этот режим к подавлению личности, к всевластию бюрократии, к юридической незащищенности человека перед государством и как

следствие всего этого к репрессиям и беззакониям. Между тем, если рассматривать тоталитаризм — как и на другом полюсе демократию — в качестве социально-политического режима (во всяком случае, применительно к тоталитаризму в нашей стране), то он должен прежде всего охватывать экономику, ее ядро — отношения собственности. Именно тут, в отношениях собственности, нужно искать пружину того социально-политического режима, который устанавливается в обществе.

Что же получилось после Октября, когда в результате революции была отменена частная собственность на средства производства, осуществлена национализация земли, фабрик, заводов, шахт, банков? Перешли ли средства производства непосредственно в руки трудящихся? Нет, этого не произошло, хотя предпринимались попытки, увы, безуспешные, наладить на фабриках и заводах рабочее самоуправление, реализовать лозунг «Фабрики — рабочим!»

Драматизм социально-политической ситуации после Октября заключался в том, что, вопреки исходным теоретическим наметкам и массовым ожиданиям, революционная практика, невероятные трудности послеоктябрьского времени потребовали включения в общественную жизнь мощной аппаратной государственной власти. Для организации управления распадающимся национализированным хозяйством. Для развертывания многомиллионной Красной Армии, ведения войны. Для осуществления продразверстки, военно-коммунистического, карточного распределения. Все это и обусловило нарастающее развитие аппарата, «комбюрократии»: наркоматов, главков, многочисленных совучреждений. Этому способствовали и определенные постулаты теории (о диктатуре пролетариата, о монопо-

листическом капитализме как непосредственной предпосылке социализма, о высших формах обобществления). К тому же стал бурно расти и постоянный партийный аппарат, который, срастаясь с государственным аппаратом, утвердился в качестве властного центра политической жизни. Вспомним о неугасающей тревоге В. И. Ленина, предупреждавшего об опасности бюрократии, «комчванства», сосредоточения в руках Сталина как генсека «необъятной власти», власти, которая стала возможной в результате формирования могущественного партийно-государственного аппарата.

Ожесточенная борьба за нее, вспыхнувшая в верхнем эшелоне партийно-государственного руководства после смерти В. И. Ленина, не позволила трезво оценить сам факт создания всесильного партийно-государственного аппарата, подменила эту грозную для судьбы социализма проблему обюрокрачивания перипетиями схватки Сталина, Троцкого, Зиновьева, Рыкова и других лидеров за завоевание господствующих позиций в аппарате, в его руководящих органах.

Да и на словах, в официально провозглашаемых формулах и декларациях все как будто бы оставалось так, как было задумано и осуществлялось с первых дней Октября, — «вся власть Советам», «полновластие трудящихся», «пролетарская диктатура» и т. п.

Так вот, решающим экономическим основанием для образования всесильного партийно-государственного аппарата было поступление национализированных средств производства не непосредственно в руки трудящихся, а в неконтролируемое обладание аппарата, ведомств, причем так, что и руководящие партийные органы (или «пропустив

через демократию», или напрямую) стали распоряжаться государственным имуществом.

На этой почве разросся и репрессивный аппарат — система карательных органов, характерных для тоталитарного режима, гигантский спрут ГУЛАГа, — аппарат, сложившийся в обстановке гражданской войны, военно-коммунистических порядков, классового ожесточения, но получивший ныне собственную, подпитывающую его экономическую базу.

ПРОТИВОВЕСА НЕ ОКАЗАЛОСЬ Характеризуя возникновение тоталитарного режима, важно учитывать и то обстоятельство, что в условиях нашей страны для него не оказалось достойного противовеса. После Октября, заложившего первые кирпичики, устои социализма, общественная система страны не получила развития, не все ее элементы сложились, в ней оказались не только гипертрофированные части (непомерно разросшийся аппарат власти), но и пустоты, плохо работающие или не работающие элементы.

Таким неразвившимся элементом в социалистической общественной системе оказалось прежде всего право.

Как так? — может возникнуть вопрос. Ведь уже в 1918, а затем в 1924 году были приняты конституции, закрепившие завоевания революции, издано столько декретов. К 1923 году действовало довольно много кодексов — о браке и семье, о труде, земельный, уголовный, гражданский.

И все же можно с полным основанием утверждать, что право оказалось неразвившимся элементом советской общественной системы. В чем это выразилось? В первую очередь в том, что

законы, суды, иные юридические формы, к сожалению, уживались с общим, широко распространенным неуважением к праву, с применением в условиях гражданской войны, а с середины 20-х годов и в мирное время внесудебных репрессий. Недаром у В. И. Ленина в последних его работах и высказываниях все более четко звучит мысль о необходимости строжайшей законности — мысль, которая вместе с нэпом к концу 20-х годов, по сути дела, была отброшена.

Главное же в том, что во всей этой массе законов, постановлений, иных юридических форм не было решающего, на мой взгляд, для признания права правом — строгой, притом четко ограничительной, разрешительной регламентации деятельности властных государственных органов.

И не было еще более существенного — нравственно-политической основы всего этого — нерушимых, признанных обществом и государством прав человека, являющихся решающим условием свободы людей и действенным фактором, противостоящим тоталитарному режиму.

Поэтому обширное, казалось бы, право было бессильно, немощно перед лицом могущественной государственной власти, партийно-государственного аппарата.

Несовершенство советского права лишило силы и другое средство, способное упорядочить государственную власть, — демократию. Сделав крупный шаг вперед в вовлечении в политическую жизнь людей труда, советская демократия не вылилась в упорядоченные стабильные формы (что возможно только при помощи закона, права) — формы, которые связали бы осуществление государственной власти жестко контролируемым, подвластным закону порядком.

Словом, не оказалось в советской общественной системе сил, которые бы позволили сдержать

мощную власть в рамках, определяемых потребностями создания строя демократического социализма. Вот и открылась дорога к беспрепятственной узурпации власти. К злоупотреблению ею, к формированию всесильной тоталитарной административно-бюрократической системы.

Не сработал в позитивном плане, как ожидалось, и такой новый фактор контроля над государственной властью, который виделся в кадровой политике партии. Напротив, реальное сращение государственного и партийного аппарата преопределило фактическое главенство одного человека в партийном аппарате, держащего в своих руках все нити власти (читатель знает, что до конца 30-х годов всесильный Сталин не занимал никакой государственной должности).

ДЕФОРМАЦИЯ ИСХОДНЫХ ПОЗИЦИЙ, НАЧАЛЬНЫХ ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА

Возникновение тоталитарного социально-политического режима — это не только удар по делу социализма, но и причина искажения, деформаций тех реальных начал и элементов социализма, которые были рождены Октябрем и которые, казалось бы, начали реально осуществляться на практике.

Это прежде всего относится к частной собственности. Отмененная юридически революционными декретами, она фактически возродилась уже в годы гражданской войны в виде нелегальных кустарничества, коммерческой деятельности, натурального обмена и т. д. В ходе гигантского роста национализированного хозяйства возникла и стала разрастаться раковой опухолью паразитирующая на общественном хозяйстве теневая экономика с ее гангстерскими нравами, с организованной преступностью и коррупцией.

В общем-то недалеко ушла от частной собственности и бюрократическая государственная собственность, попавшая в неконтролируемое, произвольное обладание ведомств.

По сути дела, она и осталась частной собственностью, тем более что функционировала с использованием наемного труда и, следовательно, с сохранением возможности присвоения владельцем имущества — ведомствами — чужого неоплаченного труда. Отчуждение тружеников-производителей от средств производства так и не было устранено. Да и к тому же жестко связанная в процессе функционирования детальной юридической регламентацией национализированная собственность превратилась в застывшую громаду — нединамичную и неэффективную.

Трудная судьба и у такого основополагающего начала социализма, как недопустимость эксплуатации, того, чтобы один человек жил за счет труда другого. В условиях, когда чуть ли не единственным, монопольным работодателем является государство и когда привлечение к труду осуществляется на основе найма, именно государство стало присваивать значительную часть прибавочного продукта. Не поворачивается язык произнести здесь слово «эксплуатация» (против этого, казалось бы, вопиет весь строй и весь образ жизни нашего общества). Но как скажешь иначе, когда речь идет о том, что государство, присваивая все возрастающую долю прибавочного продукта, создавало привилегированные условия для определенного слоя людей, преимущественно для партийно-государственного аппарата?

Деформирован был и принцип социального равенства: в отношении большинства трудящихся он обернулся грубой неравномерностью, недопустимостью сколь-нибудь высокого материального бла-

гополучия, пусть и основанного на личной активности в труде.

«Перевертышем» обернулись и начала социальной защищенности: распределение через общественные фонды потребления, социальное страхование и обеспечение, бесплатное и всеобщее здравоохранение, образование, забота о детстве, материнстве и пр. Здесь дискредитирующую и разрушающую роль сыграли не только низкий, порой нищенский уровень «гарантий», резко контрастирующий с высокими стандартами жизни для привилегированных слоев, но и, главное, то, что на определенном этапе законодательство и деятельность государства, профсоюзов, направленные на социальную защиту трудящихся, вдруг соскользнули с плоскости социалистических отношений и выродились в гарантии бездеятельности, в защищенность от активного труда, сплошь и рядом порождали иждивенчество, психологию «дай-дай». Так что фундаментальная идея социализма — *освобождение труда* — на деле приобрела характер освобождения *от* труда.

Особо разительно деформирующие процессы затронули политическую сферу — ту сферу жизни общества, где функционирование тоталитарной административно-бюрократической системы, несмотря на величественные словесные заверения и декларации, подчас проявлялось напрямую, откровенно и обнаженно. Островки прогрессивных законодательно-демократических, судебных форм остались лишь на поверхности политической структуры, чуть прикрывая и внешне облагораживая командно-приказные, карательно-репрессивные реалии (выразительный пример тому — широковетательные декларативные формулы сталинской — да, именно сталинской! — Конституции 1936 года). Ничуть, буквально ни в чем не препятствуя функционированию колоссальной тоталитарной

системы, эти островки создавали видимость сохранения заложенных Октябрем демократических, гуманистических начал. В целом же реальная политическая жизнь общества строилась так, что человек становился беззащитным, совершенно беспомощным перед неукротимым чудовищем тоталитарной системы, ее карательно-репрессивным аппаратом.

Тут уместно сказать несколько слов об идее, или лозунге, диктатуры пролетариата. Мельком проскользнувшая в некоторых произведениях Маркса формула «диктатура пролетариата» в условиях левокоммунистической, радикальной ориентации приобрела самодовлеющее, всепоглощающее значение, значение показателя истинной революционности. В работах В. И. Ленина эта идея была облагорожена, возведена в ранг высшей демократии (власти по-новому диктаторской против буржуазии и по-новому демократической для пролетариата, всех трудящихся). Но в таком облагороженном виде диктатура пролетариата на практике не состоялась. Реально она выразилась в актах насилия, революционных действиях, имевших подчас характер массовых расправ, а затем при Сталине исключительно в произвольной диктатуре партийно-государственного аппарата и его «вождя». В мировоззренческом же плане идея диктатуры пролетариата служила высокочтимым обоснованием возможности «решительных революционных действий», «границ законности», «приоритета революционной целесообразности» и других будто бы революционных постулатов, неотвратимо ведущих к тоталитарному режиму.

И последнее. В обстановке террора и репрессий начала мало-помалу рассеиваться рожденная революцией атмосфера возвышенного энтузиазма, подвижничества, революционной романтики и гражданственности. Ее вытеснял дух цинизма, нетерпи-

мости, враждебности, страха, лжи, двойной морали — всего того, чему сопутствует растление людей, моральное разложение, резкое падение нравов.

И все же, как это ни покажется удивительным, чистота социалистической идеи, социалистических принципов в какой-то мере продолжала (и продолжает) благотворно сказываться на жизни общества. И что особо важно, в душе человека продолжал (и продолжает) светить зажженный Октябрем огонек Надежды, неотделимой от идеалов и ценностей социализма. Не означает ли этот феномен, который нередко упорно сбрасывается со счетов, что социализм своей демократической и гуманной сущностью касается глубоких и благородных начал души человеческой, всего человеческого бытия?

ТАК ЧТО ЖЕ

Как же можно определить сло-

ЭТО ЗА СТРОЙ!

жившийся в нашей стране после

Октября социально-политичес-

кий строй? В особенности в последние десятилетия, когда он более или менее сформировался и даже по-своему стабилизировался, устоялся (отсюда есть известный смысл в обозначающем эти годы термине «период застоя» и даже в терминах «развитой», «зрелый»). Для читателя, думается, уже очевидно, что односложным ответом — «да» или «нет» — на поставленный вопрос «а был ли социализм?» проблему не исчерпать.

Сначала два замечания.

Во-первых, вряд ли оправданно использовать для обозначения сути и природы рассматриваемого периода слово «социализм» с теми или иными эпитетами. Ныне получили широкое хождение такие, в частности, формулировки: «бюрократический социализм», «феодальный социализм», «адми-

нистративный социализм», «тоталитарный социализм», «государственно-монополистический социализм». Эти эпитеты, девальвируя и искажая понятие «социализм», сразу же переводят характеристику социально-политического строя в плоскость, никакого отношения кроме терминологического к социализму не имеющую. Достаточно вспомнить суть и природу порядков, сопровождавшихся в гитлеровской Германии определением «национал-социалистические», как некорректность приведенных формулировок, их бессодержательность и даже дезориентирующий характер станут вполне очевидными. Для того чтобы не размыты, не растерять исконный изначальный смысл этого понятия, необходимо с предельной строгостью и последовательностью признать: социализм по своей природе и сути может быть только — только! — демократическим, только — только! — гуманным строем. И лишь потому, что сейчас, увы, термин «социализм» пошел вразнос, употребляется вкривь и вкось, я вынужден в последующем изложении добавлять в соответствующих случаях эпитет «гуманный, демократический».

Во-вторых, едва ли возможно каким-то одним термином, одной краткой формулировкой охарактеризовать социально-политический строй, сложившийся в условиях сталинизма. В нем, судя по всему, имеется несколько слоев, элементов, во многом несовместимых и потому не сводимых в какую-либо одну сжатую формулировку. Четкое обозначение каждого из этих слоев, элементов важно не только для того, чтобы полнее уяснить проблему (как и в других случаях, — и это мы увидим дальше — *дифференцированный подход* к фактам является методологическим ключом), но и для того, чтобы в ходе перестройки не все

«ломать и крушить», а по-разному определять свое отношение к преобразованию сложившихся порядков. Какие же это элементы?

Первый элемент. Это социалистические начала Октября: нацеленность на устранение антигуманного отчуждения производителя от средств производства (то, что выражается в лозунге «землю — крестьянам, фабрики — рабочим»), передача политической власти Советам, рабочее самоуправление, освобождение труда и др. Все то, что, как и социалистическая устремленность общества, вполне оправдывает терминологическое обозначение нашего строя и государства «социалистическими». Смее утверждать, что эти революционные начала, дух Октября, несмотря на все сложности и трудности развития, светили в обществе пусть порой и слабомерцающим, но все же огоньком, придавали силы последователям Октября в самых тяжелых условиях несправедливости и террора. С пониманием поэтому отнесемся к озабоченности, к опасениям людей старшего поколения: они живые носители идей Октября. Весьма существенно, что начала Октября сложились и воспринимались не как коммунистические, а именно как социалистические; тем более, что они формировались — важный момент! — под эгидой революционных демократических сил — не только социал-демократов — ленинцев, но и, в частности, партии социалистов-революционеров (эсеров), ее левого крыла, т. е. в условиях зародившейся (но, увы, не состоявшейся) социалистической многопартийности.

Второй элемент. Это принципы организации и функционирования социализма: «от каждого — по способностям, каждому — по труду», самоопределение наций и народностей, социальное равенство людей, планирование народнохозяйственной деятельности и др. Нужно сказать прямо — именно эти принципы, в особенности со второй

половины 20-х годов, утратили исконный смысл и значение, подверглись наиболее серьезной деформации, искажению, превратились в ряде случаев в словесную оболочку, прикрывающую отношения и порядки, прямо противоположные их сущности. Так, социальное равенство людей, имеющее благородный общечеловеческий смысл, вылилось в систему уравниловки, в практику, пресекающую эффективную высокодоходную работу; планирование народнохозяйственной деятельности — в военно-командный диктат многочисленных вышестоящих инстанций, в ограничение инициативы и самостоятельности производителей.

Почему так получилось? Ответ надо искать в следующем, третьем, доминирующем элементе социально-политической организации общества, который, собственно говоря, и можно назвать режимом сталинщины.

Итак, третий элемент. Это тоталитарный, диктаторский режим, режим неограниченной власти, узурпированной партийным лидером — Сталиным, его окружением и осуществляемой методами прямого принуждения, репрессий, а также методами культовой идеологии, невиданной фальсификации, лжи и мифов. Этот режим деформировал принципы социализма и в какой-то мере оттеснил на периферию социальной жизни действительные, исходные начала Октября.

Но откуда он взялся, такой страшный режим? И как он, хотя бы внешне, уживался с началами Октября, с социалистическими (пусть и деформированными) принципами? Вот здесь весьма кратко нужно сказать об идеологии сталинщины, о сталинизме, причем не с точки зрения его культовых характеристик, а с позиций его мировоззренческой основы.

Дело в том, что мировоззренческой основой сталинщины является не сам по себе марксизм,

а его особая, левокоммунистическая или ультракоммунистическая версия, которая возобладала среди социал-демократов (большевиков) в канун Октября и в последующие годы.

Об истоках и содержании этой ответвившейся или даже отклонившейся от марксизма доктрины — разговор особый. А в данном месте лишь вот о чем. Поскольку мировоззренческой основой тоталитарного режима является радикальная утопическая левокоммунистическая доктрина, представляющая собой версию или течение марксизма, то создалась возможность прикрывать этот режим величественными лозунгами марксизма, выдавать его за реализацию идей «марксизма-ленинизма», «идей Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина» (а в Китае — «идей Мао Цзэдуна», в Румынии — «идей Чаушеску» и т. д.). Хотя, конечно, во всем этом есть ложь, неправда — и большая, — так как после Октября в ходе строительства нового общества, в особенности в условиях нэпа, в идеях В. И. Ленина произошла немалая эволюция, приведшая его к осознанию необходимости изменения «всей точки зрения нашей на социализм», т. е., по сути дела, к разрыву с левокоммунистической версией. Да и сталинская доктрина все более проявляла себя как учение, по своей сути противоположное марксизму, несовместимое с ним. Тем не менее сталинский тоталитарный режим оказался идеологически окрашенным в красные цвета Революции, заслонен благородными именами К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Разумеется, нужно иметь в виду, что сталинский тоталитарный режим питался не одной лишь левокоммунистической доктриной. Получив известное развитие, он обрел, как и всякие сложившиеся системы, — прошу внимания! — *собственное основание*. В экономическом отношении — бюрократическое предельно огосударствленное народное хо-

зьяйство, в социальном отношении — военно-чиновничью бюрократию, гигантский, все более разбухающий партийно-государственный аппарат.

В условиях гражданской войны этот режим вылился в систему военного коммунизма, казарменных, административно-командных порядков. После краткой «нэповской весны» его прикрывали внешне облагороженные формы «социалистической демократии», «хозрасчета», «принципиально нового права», другие мифы, но по своему содержанию он оставался административно-командным режимом военно-коммунистического толка. Более того, в процессе функционирования этот многоликий режим, охватывающий все сферы общества, стабилизировался, все его части притерлись друг к другу, приобрели отработанные формы и процедуры. И вовсе не для красного словца используется ныне термин «революция», когда речь идет о решительном отказе от тоталитарного режима: и перестройка в СССР, и разрыв с тоталитарными режимами в Восточной Европе на пороге последнего десятилетия XX века, действительно имеющие характер революционного процесса, а порой и взрыва, — наглядное тому подтверждение.

Так что если учитывать реально доминирующую особенность общественно-политического строя социалистических стран, то (не упуская из поля зрения другие его элементы) этот строй может быть определен в качестве *бюрократической административно-командной системы военного коммунизма*.

Противники социализма демонстрируют известную проницательность, когда вопреки нашим официальным лозунгам объявляют социалистические страны коммунистическими, а социалистическую идею коммунизмом. Вытащив на свет радикальную левокоммунистическую доктрину, созданные на ее основе общественные и государственные

структуры, они ныне в обстановке перестройки, отказа от этой доктрины, заведшей на практике социалистические страны в тупик, заявляют о «большом провале»... Нет, не левокоммунистической доктрины, а всего социалистического учения, социалистической идеи в целом. Увы, таким настроениям поддались и многие люди в социалистических странах.

Поторопились! Или слухавили? Действительный — гуманный, демократический — социализм, по сути дела, всерьез еще не начинался. Его еще не было. Он только-только в дни Октября сделал самые первые шаги, и эти первые шаги уже основательно «потрясли мир». Он чуть-чуть продолжил свой путь в годы нэпа, и мир увидел прогресс во всех сферах общества. Так что окончательные выводы будем делать позже, когда начнет разворачиваться и претворяться в жизнь потенциал гуманного, демократического социализма.

«СОЦИАЛИЗМ» В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ МИРЕ

Вопреки многочисленным прогнозам современный капитализм не только продемонстрировал свою жизнеспособность, но и выявил немалые резервы как эффективная экономико-общественная система.

Вот несколько штрихов из экономической жизни и жизни людей, иллюстрирующих эту мысль.

Предсказанного, казалось с математической точностью, обнищания большинства людей не произошло. Хотя на планете сохранились миллионы обездоленных и униженных, тысячи нищих и бездомных, в развитых странах мира поднялся общий уровень благосостояния, стерлись и потеряли былую разрушительную силу экономические кризисы, в витринах магазинов засверкало товар-

ное изобилие. Доминирующее место в общественной структуре занял «средний класс», точнее, обеспеченный слой людей из разных классов.

И, что еще более важно, комфортней, беззаботней стала жизнь человека. Быстрый, доступный транспорт и внутри городов, и между дальними районами, и между континентами. В городах — армады легковых машин. Теплые, залитые светом жилища. Кухонные, стиральные и невесть еще какие домашние машины. Всеисцеляющие лекарства. Миниатюрные радиоприемники и переносные телевизоры, звуковые и видеомагнитофоны. И одновременно нарастающий поток веселья, море музыки, бесконечные шоу, шумные дискотеки, искрящиеся аттракционы, доступная любовь.

Плюс к этому торжество либеральной демократии. И тут — несколько штрихов.

Если пристально взглядеться в мозаику общественной жизни последнего времени, то в потоке сложных противоречивых процессов, всплесков национальных страстей, резких поворотов то в сторону отчаянного «авангарда», то «далеко назад», — во всем этом политическом и социальном многоголосии выделяются в качестве доминирующей тенденции, своего рода общего мирового процесса, и с каждым годом все заметнее и определенной, начала демократического либерализма (что по сути своей — разговор об этом дальше — представляет собой глобальный процесс нарастающего движения человечества к свободе).

В какой-то мере это затронуло и социалистические страны. В этом убеждает все сметающая антитоталитарная (пусть и с движением вспять, с каким-то зигзагом в логике общественного развития), в основном мирная революция в странах Восточной Европы, тем более впечатляющая,

что произошла она в условиях сравнительно высокого уровня материального благополучия этих стран.

Так что же? Не означает ли все это, что те рубежи развития общества, которые мы связываем с социализмом, достигнуты вот здесь, в развитых капиталистических странах?

Просто положительный или отрицательный ответ на поставленный вопрос едва ли был бы точен. Более корректным представляется мне иной ответ. В развитых капиталистических странах происходят процессы, которые — даже тогда, когда не изменяется сама природа капитализма, — могут привести к результатам, однопорядковым с результатами, намечаемыми социализмом (эффективная экономическая система: благоденствие большинства граждан, осуществление начал социальной справедливости, частичное включение трудящихся в отношения собственности на средства производства и др.).

Конечно, в такой модернизации капитализма, по сути дела в появлении неокapитализма, в немалой мере «повинен» Октябрь, после которого уже нельзя не учитывать так или иначе потребности и интересы трудящихся, общества в целом. Да к тому же к середине нынешнего века и сам капитализм напрямую использовал ряд действительных ценностей социализма, связанных с регулированием и социализацией общественных отношений. Здесь налицо, думается, широкое всепланетное явление в жизни человечества. Это наряду с энергичными акциями по предотвращению гибели капитализма — возрастающее влияние общечеловеческих интересов и ценностей на все без исключения общественные структуры и институты. Отсюда такое развитие экономических и социаль-

ных отношений, которое и делает капитализм (в тех, разумеется, пределах, в которых позволяет его природа) регулируемым и социальным. Основное тут — включение в оптимальных дозах в экономику, в общественно-политическую жизнь позитивной энергии правового государства, его потенциала; отсюда — государственные законодательные антимонопольные меры, экономическая и социальная ориентация на «средний класс», повышение его благосостояния, что приводит к неиссякаемому потребительскому рынку и в связи с этим к резкому наращиванию оборотов всего товарно-рыночного механизма, делает устойчивой его динамику. А также общие меры по развитию системы социальных услуг, экологического благополучия страны.

Словом, в 1930—1950-х годах на Западе — быть может, не очень зримо (хотя и довольно определенно — вспомним «новый курс» Рузвельта) — в экономической и социальной жизни капиталистического общества, по существу, произошла революция, в ходе которой и были заимствованы (увы, в то время утраченные нами) действительные социалистические ценности. В результате этой революции была предотвращена, казалось бы, неминуемая гибель капиталистической системы, которая переросла в неокapитализм, пожалуй, даже с известными элементами обобществления. Впрочем (пока?) сама основа строя — частнокапиталистическая собственность — не была затронута. Как бы то ни было, к середине второй половины XX века бурно развивающаяся экономика передовых капиталистических стран, вбирая поистине сказочные результаты научно-технического прогресса, резко ускорила свой бег.

Вдобавок к этому — исключительно благопри-

ятные условия для развитых стран в системе международного разделения труда, сырьевая профилизация и задолженность развивающихся стран, многомиллиардные вложения военных ведомств и стран-потребителей военной продукции. Общеизвестны, в частности, факты, свидетельствующие о создании весьма благоприятных, привилегированных экономических условий в промышленно развитых странах «Севера», когда они, скупая в развивающихся странах сырье по умеренным мировым ценам, затем продают населению этих стран готовую продукцию по довольно высоким ценам да плюс к тому используют в филиалах своих предприятий дешевую рабочую силу.

Да, современный регулируемый, в чем-то даже социализированный капитализм (неокапитализм) может обеспечить высокий материальный уровень, упорядочить жизнь большинства людей, во многом создать атмосферу удовлетворенности и довольства.

Но это не социализм. Не тот гуманитарный строй справедливости, благополучия души и счастья человека, который связывается со словом «социализм».

И дело не только в том, что неуничтожимыми остаются безработица и обездоленность многих людей. И даже не в том (хотя это очень существенно), что человек продолжает быть «винтиком» рыночной экономики. Он в непрестанной гонке за принятым и в собственной стране, и за рубежом «стандартом» потребления, он пребывает в непрестанном напряжении. И вдобавок к этому, в принципе, остается свойственная рыночной экономике, пусть и смягчаемая социальными мерами атмосфера безжалостного эгоизма, беспощадности к проигравшему, безразличия к неудачнику, выброшенному за борт.

И если даже попытаться закрыть глаза на все это (к сожалению, так поступают сейчас многие), достоин внимания вот какой момент. При всей материальной комфортности, при высоком уровне жизни человека наступает кризис идентичности — душевный разлад, — когда он уже не способен справиться с темпом и жесткостью неведь куда мчащегося века, с отрывом от природы, с валом информации, с ритмом урбанизации. Отсюда (в сочетании с некоторыми другими факторами) процессы моральной деградации людей, небывалый рост психических заболеваний, самоубийств, наркомании, алкоголизма, преступности, уход в мистику, в иллюзорный мир примитивных, стандартизированных форм массовой культуры. При этом коварную роль играют и удовольствия, наслаждения (что, казалось бы, оправдывает и перекрывает все негативы): непрерывный их рост, оказывается, нередко приводит к опустошению души, потере интереса к самой жизни, к скуке, заводит в тупик.

Ну, а что потом? Что дальше?

В итоге люди при всех вроде бы благах не становятся счастливее. Во всяком случае, продолжающийся рост потребления никак не адекватен, не пропорционален (а порой и обратно пропорционален) росту числа счастливых людей. К тому же, положение человека в развитых странах не может быть отделено от судьбы других людей планеты. Ведь общее количество обездоленных людей в мировом сообществе, скажем прямо, не уменьшилось. Если держать в поле зрения все континенты, то нетрудно увидеть: архипелаг островков материального благополучия и довольства высится среди моря стран (Африка, Азия, Латинская Америка) с трудной судьбой, где то и дело свирепо прокатываются голод, истребительные инфекцион-

ные болезни, где жизнь обременена все растущими и растущими долгами. Мир озлобился, раскололся в ожесточенной вражде.

Самое красноречивое и жестокое проявление этого — небывалый рост яростного терроризма с захватами самолетов, заложников, рассчитанными убийствами невинных людей во имя «великих», а то и просто заведомо корыстных целей.

И все же самое главное в другом. Поскольку нетронутой остается сама суть капитализма, его частнособственническая основа, деление людей на собственников и несобственников, система наемного труда, то как ни модернизируй и даже как ни социализируй под напором общечеловеческих тенденций отношения капиталистического общества, оно продолжает развиваться, в принципе, по глобальным меркам стихийно, что ведет к нарастающему конфликту с природой, глубокому кризису, который со временем, а то и в ближайшие годы поставит человечество на грань непоправимой беды.

Впрочем, приведенные соображения не хотелось бы формулировать с безусловной категоричностью. Нельзя все же исключить такой вариант дальнейшей эволюции капиталистического строя, когда начала регулирования и социализации затронут саму его экономическую основу — частнокапиталистическую собственность и когда при таком повороте дел будет снята возможность присвоения собственником чужого неоплаченного труда, возникнут условия для освобождения труда. Симптомы этого есть, они не столько в движении к экологически чистому рыночному хозяйству, сколько в появлении коллективных предприятий с групповой трудовой собственностью (и дальше об этом будет еще сказано). Пойдет ли эволюция в этом направлении, пока неясно. Но если пойдет, то это будет означать переход неокapитализма

в посткапитализм, который, судя по всему, окажется близким к строю, соответствующему принципам гуманного, демократического социализма.

О «КОНЦЕ ИСТОРИИ»

Чтобы показать, что стихийное развитие общества, не меняющего своей экономической основы, ведет к тупику, вот такая иллюстрация.

В минувшем году в одном из журналов США, посвященных внешнеполитическим вопросам, появилась статья американского профессора Френсиса Фукоямы под интригующим названием-вопросом «Конец Истории?». Статья наделала много шума, стала популярной на Западе. В ней с опорой на К. Маркса, а еще более на Гегеля обосновывается мысль о том, что История имеет свое начало, свою середину и свой конец. И вот, по мнению автора, История как битва идей, целей, политических страстей и тому подобного ныне завершается. И завершается, полагает Фукояма, «смертью коммунизма» и полной «победой западной либеральной демократии». Отсюда понятен успех статьи среди правых, консервативных и неоконсервативных кругов, она, как написал один из газетных ее рецензентов, «попала в яблочко» — подвела желанную философскую базу под крупные сдвиги в развитии общества последних десятилетий.

Настроение торжества, преждевременного торжества, наверное, заслонило действительно фундаментальное положение, сформулированное автором, — положение о «конце». И хотя речь здесь идет о «конце Истории», а под Историей понимается в основном идеологическая борьба, противоборство политических властей и политических режимов, но это все же не что иное, как конец, завершение, финал в развитии человеческой цивилизации.

Автор говорит о «широко распространенной неудовлетворенности обезличенностью и духовной опустошенностью, порожденными либеральными потребительскими обществами», о том, что «конец Истории явит собой весьма грустное время», когда дерзновение, мужество, воображение, идеализм «уступят место экономическому расчету, бесконечным процессам решения технических проблем, озабоченности состоянием окружающей среды и удовлетворению утонченных требований потребителей». Автор заключает: «В постисторическую эпоху не будет ни искусства, ни философии... останется перспектива многовековой скуки».

Кстати сказать, гораздо раньше и обобщеннее этот простой парадокс выразил О. Хаксли: как раз те, чья жизнь проходит в погоне за наслаждениями, не только не спасаются от скуки, а острее других страдают от нее. Близкую мысль, и тоже гораздо раньше, высказывал и Н. А. Бердяев.

Что к этому добавить? Разве то, что «открытия» Фукоямы сделаны под грохот литавр, оповещающих о «смерти марксизма» и торжестве либеральной демократии Запада, когда «все предшествующие противоречия разрешены и все человеческие потребности удовлетворены».

Было бы очень грустно, если бы кто-то рискнул назвать все это счастливой эпохой жизни людей — той, которую мы связываем с идеалами будущего человечества.

«ШВЕДСКИЙ СОЦИАЛИЗМ» Особо нужно остановиться на «шведском» варианте развития капиталистической системы, а точнее, преимущественно «скандинавском». Ряд небольших по территории стран Северной и Центральной Европы (Швеция, Норвегия, Финляндия,

Австрия, Дания, Нидерланды) как бы отклонились от магистрального потока развития капитализма — в них напрямую формируются отношения социалистического характера или, во всяком случае, близкие к ним.

Решающее тут — не просто внимание к социальным вопросам, известная социализация всей системы, а такое направление общественного развития, когда социальные проблемы (здоровье населения, детство, школьное обучение и воспитание, доступное высшее образование, организация достойной жизни престарелых, одиноких, инвалидов) ставятся в центр жизни общества.

В Швеции, например, это — бесплатное здравоохранение и образование, высокий уровень пенсий и материальных пособий инвалидам, семьям, имеющим детей, решение в основном жилищной проблемы и др.

Не меньшее значение приобретает определенная гармонизация (внимание — *гармонизация!*) отношений людей всех классов, наций, поколений друг с другом, а также с природой. Привлекает в современной шведской жизни то, что в качестве одной из центральных в деятельности государства ставится задача создания условий для того, чтобы в стране не было обездоленных людей. И — что особенно существенно — регулирование на началах справедливости отношений, близких к самой экономической основе, к отношениям собственности: полная занятость трудоспособного населения, одинаковая плата за одинаковый труд, строгое регулирование соотношения заработка и доходов (в Швеции самая низкая в мире дифференциация доходов: после уплаты налогов для всех категорий населения соотношение доходов не должно превышать 1:2).

Такая существенная смена акцентов в обществе неизбежно в той или иной мере непосредственно затрагивает частнособственническую основу экономики, в материальной и социальной жизни возникают весомые элементы обобществления, намечается общая гармонизация всех звеньев общественного организма.

Безусловно, в этих странах в целом остается система наемного труда и возможность присвоения лицом, обладающим имуществом, результатов труда другого человека. Но все же в эту область врываются социализирующие моменты, которые устраняют однопланово стихийный характер общественного развития.

Здесь — в странах Скандинавии и в некоторых других странах Северной и Центральной Европы, — судя по всему, идут процессы, которые свидетельствуют о действительном осуществлении отмеченной ранее возможности реально-социалистических преобразований и отсюда с учетом тенденции развития коллективных предприятий о формировании своеобразной, самобытной формы (модели) социализма.

Что это? Удел небольших, с национально однородным населением стран? Может быть. Этот момент, думается, нужно взять на заметку при определении государственной структуры обширных многонациональных государств, уровня суверенитета их составных частей. Немаловажную роль, следует полагать, сыграло и то, что развитие этих стран на протяжении многих лет осуществлялось под руководством прогрессивно настроенных социал-демократических партий, реализующих в том или ином варианте социалистическую идею. Во всяком случае, опыт этих стран имеет, быть может, историческое значение. Он должен быть тщательно

изучен и все ценное в нем, оправдавшее себя на практике (как и все другое, оправдавшее себя на практике в современных капиталистических странах, в неокapиталистических системах), необходимо использовать при созидании гуманного, демократического социализма.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КОНВЕРГЕНЦИИ Еще совсем недавно саму идею конвергенции, т. е. объединения, соединения всего ценного, что есть в различных социально-экономических системах, прежде всего в капиталистической и социалистической, мы в нашей идеологии и науке отвергали; признание конвергенции официально осуждалось и в наших условиях было актом гражданского подвижничества.

Теперь ветры переменились. Ныне все или почти все за конвергенцию.

А вот мне хотелось бы высказать сомнение на этот счет. Всякое соединение в социальной жизни (как и в органическом мире) требует совместимости социальных «тканей», структур.

Мне думается, что конвергенция между огосударственной общественной системой военно-коммунистического типа и капиталистической системой в условиях потребительского общества, либеральной демократии в принципе невозможна: социальные «ткани» этих двух организмов настолько несовместимы (вторая построена на началах экономической свободы, первая — на несвободе, тоталитаризме), что они отторгнут друг друга или одна из них поглотит другую; это, кстати сказать, и происходит сейчас в Германии, в интеграционных процессах, охвативших ФРГ и ГДР.

Вряд ли возможна конвергенция между общественной системой, развивающейся по пути гу-

манного, демократического социализма, и современным развитым капитализмом при всем возможном сходстве достигаемых здесь результатов. Все же и в современном неокapитализме экономической основой является такая степень «частного», которая (пока еще?) в принципе отторгает коллективистские начала, хотя они начинают просачиваться в эту сферу. В данном случае я считаю верным суждение о том, что капитализм и социализм представляют собой в современных условиях две противоположности одной сущности прогресса человечества. Я бы добавил только: прогресса, который выражается в том, что в социальной жизни все больше воплощаются общечеловеческие интересы и ценности.

А вот конвергенция между складывающимися гуманным, демократическим социализмом и «шведским социализмом» (не в смысле объединения, а в смысле взаимного обогащения путей социального развития) не только возможна, но и была бы в значительной степени оправданна. Оправданна, рискну спрогнозировать, и конвергенция между зарождающимися порядками гуманного, демократического социализма и теми отношениями, которые, видимо, возникнут в условиях посткапитализма, если, разумеется, прогноз о возможности его формирования подтвердится. Но как важен тут кропотливый, дотошный, во всех деталях разбор каждой крупинки опыта, его плюсов и минусов, как важно восприятие всего положительного с учетом особенностей конкретной страны, ее собственного исторического пути и — что, пожалуй, еще важнее — определенных направлений, потоков прогресса (об этом в следующей главе).

И самое существенное. Думается, конвергенция с учетом последнего из приведенных положений —

не некое пожелание, не некое возможное направление политики, а вероятный и благоприятный вариант развития человечества, его оптимистическая перспектива, когда посткапиталистическое общество и общество гуманного, демократического социализма образуют сначала в своем взаимодействии, а затем в структурном и функциональном единении целостную гуманистическую цивилизацию.

КвК — книга в книге

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Эти размышления — своего рода философский подтекст основного содержания книги. Помещенные в конце каждой главы, они перекликаются с некоторыми ее положениями и перекидывают мостик к следующим главам, образуя вместе с тем свою последовательную, связанную единым замыслом цепь фрагментов, т. е. тоже книгу. Книгу в книге. А названо все это размышлениями потому, что представляет собой плод раздумий, не претендующих на законченность и категоричность, а приглашающих читателя поразмышлять вместе с автором. Первые фрагменты — исходные, отправные, относящиеся к фундаментальным положениям философии. Но сначала о самой философии, ее состоянии в нашем обществе.

Слово о «философии»

Я поначалу ставлю слово «философия» в кавычки и этим, не скрою, отдаю некоторую дань сложившемуся в умах и представлениях многих людей недобро-

му отношению к этой вершине и венцу человеческих знаний.

А ведь сам факт пренебрежения философией в мире духовной жизни людей — подлинная трагедия. Еще одно страшное последствие сталинизма. Надо же было так засхематизировать, да еще примитивно изложенные философские положения, возвести их в ранг неких абсолютизированных «черт», глушить и глушить живое философское слово, отодвинуть на периферию философских знаний действительно творческие направления, превратить философию в служанку текущих лозунгов, — надо же было «достигнуть» всего этого, да еще гордиться всем этим как «вершиной философской мысли», чтобы надолго оттолкнуть людей от философии, превратить ее в «обязательный предмет» на экзаменах в вузах и в аспирантуре, прибыльное профессиональное занятие людей, от подлинной философии далеких.

Между тем есть ли что-либо духовно родней для человека, чем философия? Постигнуть самую суть всего сущего, охватить мыслью все мироздание, понять, «откуда Я», «кто Я», «где Я», что ждет меня и все человечество в будущем, да еще к тому же понять и объяснить весь мир, — ну, что еще ближе и важнее для духовного мира каждого человека?

И может быть, уже поэтому в нашем переосмыслении взгляда на философию есть некий резон? Настолько жестко и непререкаемо действовала в последние десятилетия официальная философия, настолько прочно ее положения и формулы утверждались в виде единственно возможных постулатов, хотя они представляли собой не более чем вариант вульгарного материализма сектантского толка, что в нынешнее — революционное, перестроечное — время не настала ли пора разбудить и расшевелить эту закостеневшую философскую громаду официальных и официозных формул, раскрепостить и привести в движение философскую мысль? К тому же, не личностное ли

отношение, не предвзятые подходы смогут сыграть в этом деле роль своего рода возмутителей спокойствия и стать толчком к дальнейшей творческой работе?

Возможно, философские сочинения вообще обязаны быть «субъективными». Ведь на единой мировоззренческой основе, едином потоке философской мысли, в котором марксизм занял достойное, в ряде определяющих моментов центральное место, на исходных философских идеях, концентрированно выражающих интеллектуальные достижения человечества за предшествовавшую историю цивилизации, могут — а на мой взгляд, и должны! — развиваться отличные друг от друга философские концепции, воплощающие авторское, в чем-то оригинальное и неповторимое философское видение мироздания и в особенности понимание человеческого общества, человека, смысла его жизни и его судьбы. Развиваться так, чтобы получили признание возможности взаимообогащающего сосуществования ряда таких концепций в рамках терпимого, а лучше — уважительного отношения к каждой из них.

О сферах мироздания

Мы все — дети своего времени. И в нашем обществе все мы в философском понимании и истолковании окружающего нас мира крутимся в парадигме нескольких привычных, кажущихся нам аксиоматичными и непреложными формул. Мир материален: материя первична, сознание вторично. И саму основу общества, принято считать, составляет материальное — экономический базис, все остальное вторично, образует надстройку над материальной основой. В то же время все в мире находится в движении, развитии и взаимообусловленности.

Так ли это? Во многом, наверное, так. Хотя даже беглый взгляд на окружающий мир заставляет задуматься: а не упрощаем ли мы действительность? Ведь

мир многообразен: бесчисленное множество растений и животных, человек, его душа, весь духовный мир людей... Там же за чертой горизонта — бездна звездной Вселенной, галактик, красное смещение, нарастающая энтропия. Как постичь этот невообразимый по своей сложности и многомерности мир предметов и процессов?

Быть может, общие абстракции заслоняют все богатство окружающего мира? Как подойти к его постижению?

По моему разумению, два момента тут решающие.

Первый. Для действительно основательного постижения окружающего нас мира, всего мироздания следует в качестве первого, начального шага (подчеркну: первого, начального!) попытаться увидеть предметы и процессы в предельно простых их связях и взаимодействиях, мысленно отвлекаясь от их сложности, т. е. в чистом виде. Только в таком случае, можно предположить, удастся вычленить первичные сферы окружающего нас мира, всего мироздания. Мне вспоминаются в связи с этим слова В. И. Ленина о том, что суть диалектики — в раздвоении единого и в познании противоречивых частей его. Но «раздвоение», думается, как раз и нужно для того, чтобы увидеть предметы и явления в относительно чистом виде; лишь после этого можно по-настоящему понять все связи, взаимодействия, всю противоречивость того, что выступает перед нами как единое.

Второй решающий момент, по мнению автора этих строк, — выделение в мироздании сфер (или ступеней), каждая из которых выступает в виде особого, самостоятельного, суверенного, качественно специфического участка мироздания, требующего собственного истолкования.

Они, эти сферы, применяя элементарное образное сравнение, — не кубики, входящие последовательно один в другой так, что в конце концов образуется один большой куб, а как бы живые существа, одно из

которых рождает другое и которые потом находятся всегда вместе, рядом, оставаясь очень разными. И первичная задача — повторюсь — понять их, эти сферы, в чистом виде, не осложненном их взаимодействием между собой.

В этом — суть того, что я называю чисто дифференцированным подходом к действительности (дифференцированной чистой философией).

Таких особых, суверенных сфер в мироздании, судя по всем данным, четыре:

Космос, т. е. неживая природа, вся (почти вся) Вселенная, в сущности мироздание целиком;

Жизнь, т. е. самонастраивающаяся и самовоспроизводящаяся, локально замкнутая система круговорота сложноорганизованного вещества и энергии;

Разум, т. е. идеальная система, обнаруживающаяся в способности человека к особому, знаково-символическому («понятийному»), опережающему реагированию на действительность;

Общество, т. е. саморегулирующаяся замкнутая в биосфере система высокоразвитых существ, наделенных разумом, — система, важной чертой которой является включение в нее вещественных объектов — средств производства, возникающих на их основе производственных и иных отношений.

Особым, самобытным звеном в развитии мироздания, его центром, соединяющим и интегрирующим Разум и Общество, является Человек.

Попытаемся несколькими штрихами обрисовать сферы мироздания.

Мир Космоса — это жесткий и яростный мир господства материи, вещества и энергии, бесконечных пространства и времени. Он характеризуется непреложностью, неумолимостью законов существования и функционирования в виде конечно-бесконечных циклов кругооборота Вселенной.

Жизнь при ее сопоставлении с необозримым и бесконечным миром Космоса — качественный ска-

чок, известное отклонение от его жестких закономерностей. Здесь локальная вещественная система находит «в себе» собственное бытие, свою основу. Эта основа, выраженная в программе непрерывного самосовершенствования, устойчивого приспособления к среде, становится могучим взрывным источником нарастающей эволюции всего живого — такого взаимосвязанного со средой его развития, формирования сверхсложных механизмов и свойств, призванных обеспечить выживание, устойчивое существование и продолжение рода, что живые организмы отделяются от неживой природы, в сущности, непреодолимой гранью. В то же время в масштабах Вселенной жизнь как феномен не более чем небольшой островок в безбрежном океане Космоса — островок, в котором существует «своя жизнь», но который пока неотделим от Космоса.

Появление Разума — гигантский взлет в развитии мироздания, по необычности сравнимый и в чем-то даже превосходящий качественный скачок при возникновении жизни. Здесь, как и при формировании общества, саморазвивающаяся система обрела себе основу в особой идеальной реальности — в системе представлений, понятий, идей. Если жизнь есть саморазвивающийся, эволюционирующий слой на неживой материи, при всей своей суверенности все же с ней нераздельно связанный, от нее неотделимый, то разум дает еще одну, необычную реальность, которая в качестве идеального образует специфическую сферу действительности. Видимо, разум в чем-то подобен огню, вспыхнувшему во Вселенной, где утвердилась и стала развиваться жизнь. Разум загорелся как крохотный светильник в бесконечном мироздании, озаряя затем все шире и шире неживую и живую природу, самого своего носителя, человека, порождая вокруг себя все новые и новые откровения, надежды,

миражи и иллюзии и сжигая через возбужденную им человеческую деятельность частицы окружающей живой и неживой природы, оставляя порой гарь и пепел...

Общество. Его появление выражает не просто качественный скачок, а крутой поворот в развитии мироздания. Такой поворот, когда в саму систему высокоразвитых существ — людей — включается в качестве определяющего фактора вещественная, материальная основа их бытия, функционирования и развития. И это факт, не только сам по себе поразительный, по последствиям своим в чем-то непредсказуемый, но и знаменующий принципиально новую ступень мироздания: Если появление жизни характеризуется как известное отклонение от жестких закономерностей Космоса, а разум по своей собственной (идеальной) основе олицетворяет еще большее отдаление от этих закономерностей, то общество на новом, более высоком витке как бы «поворачивает» назад, в той или иной мере возвращается к вещественному материальному миру, к миру предметов и процессов. На данной стадии когда-то затеплившийся комочек живого вещества, разросшийся, а затем вспыхнувший на более высокой стадии огнем разума, восходит («возвращаясь назад») на такую ступень развития, когда новая реальность — уже материальная — обретает жесткие и неумолимые закономерности, близкие по жесткости и неумолимости к закономерностям Космоса. И быть может, это означает, что жизнь, имеющая характер своего рода отклонения от закономерностей Космоса, здесь, на уровне социальной реальности, в какой-то мере в новой форме вписывается в общий поток развития материального мира. Возможно, это придает существованию и функционированию общества основательность, устойчивость, всеобщность. И не забрезжила ли в связи с этим оптимистическая перспектива

бесконечного существования человечества, его реально космическая перспектива? Чуть подробнее о таком предположении — в конце книги.

О собственных основаниях сфер мироздания

Краткий обзор сфер мироздания, их самобытности потребовался не только для того, чтобы рассмотреть наши земные вопросы в более широком контексте и четче осознать необходимость особого подхода к проблемам общества, но главным образом для того, чтобы в связи с только что сказанным выделить то решающее, от чего зависит жизнь общества, его развитие.

Это собственное основание (базис) каждой из указанных сфер (кроме, разумеется, первой, Космоса, имеющего изначально материально-спонтанное саморазвитие). Ведь наличие такого основания, своего базиса, и предопределяет самостоятельность той или иной сферы, ее несводимость к предшествующей. Каждая сфера (кроме, повторяю, первой) потому-то исторически и обособляется, что, вытекая в своих первичных формах из предшествующей сферы, обретает в какой-то момент собственное специфическое основание. А затем каждая суверенная сфера продолжает в соответствии со своим специфическим основанием саморазвитие с тем, чтобы, наконец, на известном этапе дать импульс новому основанию или даже двум основаниям и, следовательно, новой сфере или сферам, новому, порой весьма сложному витку развития.

Мироздание дало два витка развития: от Космоса (неживой природы) — к Жизни, а от нее — сразу к двум взаимосвязанным и вместе с тем в значитель-

ной мере самостоятельно, суверенно развивающимся сферам — к Разуму и Обществу.

Так, суть жизни заключается в том, что локальный, крошечный кусочек вещества и энергии, относящийся в принципе в своих первичных формах к Космосу, получает своего рода базис, основу в самом себе — начинает существовать и развиваться обособленно, в известной мере независимо от Космоса, от неживой природы (хотя и остается неотделимым от нее). Именно поэтому жизнь как самостоятельная, суверенная система, имеющая сама в себе основу, нуждается в непрерывном самоутверждении, в собственном устойчивом, постоянно приспособляющемся к среде функционировании, во взаимодействии с ней.

Собственным основанием существования и саморазвития разума является порождаемая им (разумом) система понятий, представлений, идей; эта система при всей своей зависимости от внешних факторов (общества, природы и др.) становится новой, качественно своеобразной реальностью, имеющей хотя и решающим образом обусловленные внешними факторами, но все же свои, специфические формы бытия и закономерности развития.

Собственным основанием существования и саморазвития общества служат материальные, порожденные целенаправленной трудовой деятельностью людей вещественные объекты, т. е. средства производства, которые с возникающими на их основе экономическими, властно-управленческими и иными отношениями прямо и остро выходят на исходные потребности и интересы людей, а отсюда и на их разум, и потому становятся самодовлеющей, определяющей силой в существовании, функционировании и развитии общества в целом.

Хочу высказать такое предположение: самое глубокое, быть может, что внес марксизм в общими-

ровой поток развития философской мысли, — это (в связи с чем и сделано ударение на материальном) намеченный им путь к пониманию основ и механизма саморазвития. Соответствующие положения сформулированы в марксизме применительно к обществу. Сама идея отчуждения, в соответствии с которой формы человеческой деятельности, отрываясь от этой деятельности, приобретают собственное бытие, а затем становятся основой дальнейшего движения, служит теоретическим фундаментом, раскрывающим исходные начала и механизм саморазвития. В отношении к обществу решающими здесь являются выводы об определяющей роли в общественной жизни экономического базиса. Положение об экономическом базисе, обоснованное марксизмом, может служить ключом к пониманию особенностей и закономерностей развития явлений действительности, а потому может быть отнесено к открытиям науки, имеющим глобальное философское (еще полностью не оцененное) значение для понимания не только сущности общества, судеб человечества, но и оснований, а также механизма саморазвития в других сферах мироздания.

О переходах от одной сферы к другой

И еще один фрагмент, скажу прямо, не очень обязательный для последующего изложения, но необходимый для того, чтобы придать соображениям о сферах мироздания, о его основах некоторую законченность.

Ну, хорошо, заметит читатель, можно выделить в относительно чистом виде сферы мироздания — Космос, Жизнь, Разум, Общество (хотя, конечно, все они взаимосвязанны, в особенности разум, общество).

Допустим, каждая из них (кроме первой) имеет свой специфический базис, собственную основу существования и саморазвития. Но не означает ли это, что каждая сфера как бы омертвляется, замыкается на самой себе (ведь у нее, так сказать, «свое хозяйство», все свое)? Как в этом случае происходит переход от одной сферы к другой, от данной стадии к следующей?

Это, действительно, ключевая проблема, пожалуй, одна из мировых загадок.

Можно даже придать рассматриваемой ситуации еще большую остроту. По сути дела, каждая сфера как сложившаяся, развернувшаяся ступень мироздания принципиально не выводится из предшествующей. Если не делать натяжек, то совершенно невозможно напрямую вывести живой организм из неживой природы, разум — из жизни как таковой или общество — из простого сообщества животных.

А диалектика переходов от одной сферы к другой при всей их загадочности состоит, судя по всему, в следующем. С развившимися «передовыми» формами более ранней стадии мироздания контактирует лишь начальная, первичная фаза зарождающейся сферы, когда логика более ранней стадии только создает предпосылки для формирования собственного основания нового витка в истории мироздания. Например, для жизни это равномерный, циклический круговорот вещества и энергии на локальных участках Космоса, когда возникает отражение, своего рода забегание вперед, толкающее к суверенному, собственному саморазвитию; для разума это развившаяся из рефлексов элементарная рассудочная деятельность — способность высших животных на образное воссоздание действительности, на опережающую реакцию и простейшую экстраполяцию, а отсюда на выбор вариантов, в последующем же у человека на формирование идеальной реальности; для общества

это не столько усложнение и утончение поведенческих функций в сообществах высокоразвитых, обладающих элементарным рассудком животных, сколько овладение людьми в процессе труда определенными вещественными объектами, присвоение последних в качестве средств производства, что и приводит к формированию собственной основы общества — экономического базиса.

Итак, в относительно чистом виде (хотя в реальной жизни все густо перемешано, деформировано — то искажено, то «облагорожено» взаимодействием) может быть выделено четыре сферы мироздания, они же четыре ступени его развития — Космос, Жизнь, Разум, Общество. В центре двух последних сфер, представляя и интегрируя их, находится Человек.

Именно об этих сферах и о человеке пойдет речь в книге.

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ПРОГРЕССА

Прогресс?

Круги прогресса

Затянувшееся постоянство

Всепроникающая сила

И еще одна мощная сила

Взрыв «сверхновой звезды»

Блистательный XX век

Что же случилось?

А рядом?

Вырвавшийся на свободу «непокорный демон»

Книга в книге. Размышления

ПРОГРЕСС!

Прогресс, как известно, это — восходящее развитие, от низшего к высшему, от менее развитых форм к более развитым формам, от несовершенного к совершенному.

Прогресс, прежде всего прогресс человеческого общества, нередко понимается как нечто само по себе происходящее, из самой природы вещей вытекающее, в них изначально заложенное.

Такой взгляд вызывает у меня немалые сомнения, он отдает некоей мистической предопределенностью бытия, его едва ли не потусторонней разумностью. В самом деле. Почему закономерно только восходящее развитие, одно лишь наращивание совершенства? Почему именно оно заложено в окружающем нас мире? Тут, кстати, помогает уяснить проблему дифференцированный подход к действительности, выделение сфер мироздания. Думается, что в отношении Космоса сама постановка вопроса о прогрессе лишена малейшего смысла (если, разумеется, не исходить из предположения, что во Вселенной, в самой основе ее заложен когда-то возникший, обретший невиданную силу и внедрившийся во Вселенную Мировой Разум — проблема, впрочем, в гипотетическом плане достойная обсуждения). А вот жизнь — та сфера, где прогресс закономерен. Его неизбежность вытекает из самой природы жизни, которая то ли в виде отдельного организма, то ли в виде сообщества животных, популяций не может не наращивать свой потенциал приспособления к меняющейся действительности.

Что же касается общества (и в связи с ним разума), то здесь как раз — вопрос вопросов.

Вроде бы проблема ясна. Выстраивается последовательная цепь общественных формаций: общес-

тво первобытного коммунизма, затем рабовладельческое общество, потом феодальное, за ним буржуазное и наконец социалистическое и коммунистическое. И типы способов производства, форм собственности, казалось бы, точно соответствуют такой исторической последовательности формаций.

Но вот в чем загвоздка: каковы критерии оценки и показатели большего совершенства и большей развитости каждой последующей формации?

Большее счастье каждого человека? Как сказать. Этнографические исследования показывают, что состояние глубокого счастья и искренней радости отмечено у людей, находящихся как раз на «низших» ступенях развития и не вкусивших еще всех прелестей цивилизации.

Быть может, показательны всплески, непревзойденные образцы духовной культуры? Искусства? Науки? И опять даже при беглом обзоре нашей многовековой истории нетрудно заметить, что такого рода всплески, образцы рассыпаны по всем векам и многие из них как раз из детства и юности человечества. Вспомним слова К. Маркса о Древней Греции: «Взрослый человек не может снова стать ребенком, не впадая в детство. Но разве его не радует наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на более высокой ступени воспроизвести присущую ребенку правду? Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его натуральной правде? И почему историческое детство человечества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?»

Тогда, может быть, критерием и показателем прогресса человечества — и это соответствует одному из наиболее признанных положений в нау-

ке — является мера свободы людей? Что ж, тут резоны значительны. Ведь ступени развития способов производства, форм собственности, действительно, характеризуют уровень свободы людей, производителей: низший у раба, полусвободное состояние у крепостного, формально свободный рабочий при капитализме. Сюда можно добавить и свободу в смысле степени овладения внешними, природными силами: она значительна при капиталистическом способе производства и еще более возрастает в социалистическом обществе вплоть до ее перевоплощения в произвол, до волюнтаризма, реализуемого в гигантских разрушительных акциях. Известна Марксова характеристика коммунизма как «царства свободы». Да, движение к свободе — глобальный процесс в жизни людей, охвативший и экономику, и политику, и духовную сферу. Но не касаясь пока всего другого, вспомним слова американского профессора о том, что человечество по пути к свободе (правда, понимаемой в чисто либеральном плане) поджидает «конец Истории» с «многовековой скукой». А как по железной логике восхождения от формации к формации объяснить разворот некоторых социалистических стран к капиталистическим, частнопредпринимательским хозяйственным формам? Ведь они уходят в сторону от возможности обретения человеком свободы в самом глубоком смысле — в смысле освобождения труда. Как объяснить то, что набрали силу исламский фундаментализм, религиозные формы и институты, мистические движения, относящиеся по принятой исторической номенклатуре к прошлому времени?

Нет, не прост, не прямолинеен путь прогресса. И глубоки сомнения в том, что «более совершенное», «восходящее» — это как раз то, что нужно

Америке. Сверкающий непревзойденными достижениями круг цивилизации в древнем Средиземноморье и чуть раньше — в царстве египетских фараонов, вавилонских и ассирийских владык. Ареал прогресса вокруг Киевской Руси. Затянувшийся на тысячелетия устойчиво медленный прогресс культур обширного Азиатского континента — индийской, китайской, арабской. Затем круги прогресса после эпохи Возрождения в Европе, потом на Американском континенте. И так далее.

А ведь это только наиболее известные ареалы прогресса. Наряду с ними на их периферии или в промежутках между ними — «малые» круги прогресса: ханств на Среднем Востоке, хеттских государств, татаро-монгольских и многих других государственных и полугосударственных образований.

Возможно, этому дает объяснение (видимо, с известными коррективами) теория Л. Гумилева об этносах. В каждом круге или ареале прогресса — свой самобытный этнос — основа нации, народности, т. е. самобытное социально-биологическое образование, самобытная социально-биологическая популяция людей со своей социальной энергией, возможностями, свойствами и судьбой. Замечу, что, по мнению Л. Гумилева, этнос — это «замкнутая система дискретного типа — корпускулярная система. Она получает единый заряд энергии и, растратив его, переходит либо к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части».

Вот что в связи с изложенными соображениями о сложной поступи прогресса мне представляется существенным.

Прежде всего, каждый круг или ареал прогресса имеет собственную неповторимую историю

с рождением, зрелостью, упадком (историю, которая, по-видимому, тесно взаимосвязана с судьбой соответствующих этносов). Крушение государств на стадии упадка — только по видимости результат их поражений в войнах с соседями или дальними пришельцами. Большею частью война или завоевание — всего лишь внешний толчок в условиях, когда проживший свою жизнь социальный организм уже обречен.

Характерно также, что в каждом ареале социальные и политические структуры того или иного государства обычно имели форму двух соседствующих «составных»: один вариант — между рабовладельческими и феодальными порядками; другой — между феодальными и буржуазными, капиталистическими порядками; в каждом из этих вариантов — с преобладанием того или иного, но одновременно с присутствием обоих и со взаимным влиянием. Таким образом, переход от рабовладельческой формации к феодальной, а от нее к буржуазной — это только общая, глобальная тенденция, проходящая через параллельно существующие или сменяющие друг друга круги или ареалы прогресса человечества. Причем так, что наиболее резкий, качественный перелом происходит при переходе от одной связки двух «составных» к другой, т. е. в зависимости от данных исторических условий при переходе либо к капиталистическому обществу, когда перед нами связка «рабовладение — феодализм», либо к социалистическому, когда перед нами связка «феодализм — капитализм» (если это верно, то такого рода закономерность подтверждает возможность перехода ряда развитых капиталистических стран при первом из указанных вариантов к социализму без существенных революционных потрясений).

А теперь самое главное. Прогресс человечества состоит не столько в ступенчатом переходе от одной формации к другой, сколько в накоплении *ценностей цивилизации* на каждом витке прогресса. Да и сама цивилизация представляет собой, в сущности, не что иное, как взятую в широком смысле культуру, материальную и духовную, и прежде всего сумму эффективных регулятивных механизмов, достижений духовной жизни, способов общения, моральных идеалов и принципов, сумму, которая является фиксированным позитивным итогом истинно человеческого.

Конечно, цивилизация имеет свои особенности в зависимости от доминирующих кругов или ареалов прогресса. Есть какие-то уникальные особенности у цивилизаций Востока (Китая, Индии). В свое время завоевала доминирующее положение цивилизация рационалистической культуры Западной Европы, Северной Америки. Существуют пока недооцененные особенности славянской культуры, развившейся на базе православного христианства.

Более того. Среди ряда доминирующих кругов (ареалов) прогресса, по всей видимости, могут быть выделены определяющие, своего рода «активные центры» культуры, от которых идут сквозные линии прогресса, его потоки (европейская культура; славянская культура, арабская, индийская, китайская культуры и др.). Именно эти потоки прогресса являются средоточием ценностей цивилизации. Попутно замечу, что сама интерпретация социалистической идеи, о которой речь пойдет дальше, должна быть «привязана» к потокам цивилизации, должна раскрывать свой смысл через призму характерных для нее ценностей: под этим углом зрения есть известный позитивный смысл

в таких, например, обозначениях, как «китайский социализм», «шведский социализм», «болгарский социализм».

В то же время цивилизация, накапливающая все необходимое и эффективное из самых разных, а в сущности, изо всех кругов или ареалов прогресса, его потоков, имеет общечеловеческое содержание, включает в себя общезначимые ценности и достижения материальной и духовной культуры.

ЗАТЯНУВШЕЕСЯ ПОСТОЯНСТВО

Повторю: основой общественно-го развития, исходной базой общества является экономика, определенный уровень и состав производительных сил, складывающихся на их основе производственных, управленческих и иных отношений, соответствующие формы собственности, словом, способ производства.

В последующем мы увидим, что работающая на себя экономика как главный продукт отчуждения есть своего рода «непокорный демон», т. е. феномен, вышедший из-под власти людей и в то же время задевающий самые острые, жестко и императивно действующие жизненно важные интересы человека.

В Древнем мире, в Средневековую эпоху, т. е. в условиях докапиталистических формаций, уровень и характер производительных сил были таковы, что этот «демон» имел, так сказать, умеренные нрав и поведение. Сельскохозяйственные животные, плуг и борона, наковальня и молот, ирригационные сооружения, водяные и ветряные мельницы, повозки, ремесленные мастерские с ручными орудиями и элементарными механическими приспособлениями, ручные каменотесные орудия,

плавильные печи и тому подобное, плюс к этому (и поэтому!) сами люди-производители на долгие тысячелетия — и в эпоху, относимую к рабовладению, и в эпоху феодализма почти в неизменном виде — составляли некую постоянную величину, относительно стабильные производительные силы — вещественную экономическую базу производственных, управленческих и других общественных отношений. Да и к тому же сама экономика, хотя и была построена на товарно-рыночных началах и имела стихийный характер, еще не развернула своих «демонических» качеств как саморегулирующейся хозяйственной системы.

Из этого вытекает ряд в высшей степени важных выводов.

Первое, относящееся к политической, точнее, к экономико-политической области жизни общества. Сама по себе частная собственность на вещественные средства производства в то время не обеспечивала функционирования экономики. Включение решающей производительной силы — человека — в процесс производства требовало глубокого проникновения политических, скажем точнее, насильственно-принудительных рычагов в самую ткань экономической жизни. И раб, и крепостной — это не просто люди, полностью или частично лишенные свободы, но насильственными (внеэкономическими) методами и средствами принуждаемые к труду. Принудительный труд — в этом смысле и экономическая, и политическая категория, обеспечивающая (при помощи фиксирования юридического статуса работника, палочной дисциплины, императивных прав надсмотрщиков, жестких санкций) выполнение работ по приказу властелина, собственника или его агентов. Даже в условиях цивилизованных феодальных

отношений просвещенных абсолютных монархий и торговых городов-республик политический компонент принуждения присутствовал в жесткой системе оброков, натуральных платежей и податей, глубоко внедрялся в само содержание экономических отношений.

И второе, не менее существенное. Это соединение, в особенности в эпоху феодализма, политической власти суверена с экономической властью собственника, прежде всего на землю. Тут мы встречаемся с удивительным явлением. Соединение двух мощных «властей» — государственной власти и экономической власти собственности на вещественные средства производства (и на землю прежде всего) — явление, казалось бы, безусловно положительное, способное дать немалый хозяйственный эффект: соединил их вместе, произошло удвоение силы, и ты стал вдвое могущественнее. Но могущественнее ли?

В определенных условиях — да, в частности, в условиях, когда нужна быстрая мобилизация ресурсов, допустим, для ведения войны, строительства гигантских сооружений, мгновенной переброски материальных ценностей из одного места в другое. Гигантские ирригационные сооружения, египетские пирамиды как «чудеса света» так бы и не состоялись, не будь подобного соединения — силы политической власти и власти собственника.

Но соединение двух «властей» дает и отрицательный эффект, увы, довольно значительный. Дело в том, что власть собственника (над вещами) — это не что иное, как его экономическая свобода, позволяющая быть хозяином, эффективно и рачительно использовать имущество в своих «собственных» интересах. Когда же право собственности на землю, на другие средства про-

изводства находится в руках государства, то это, в принципе, означает, что такой власти, а следовательно, и экономической свободы нет у непосредственных производителей. И хотя тут возможны варианты («вторичная собственность», «разделенная собственность», «владение» и др.), кстати, довольно рациональные, пока остановимся на самом главном, что было характерно для Древнего и Средневекового мира, — на отсутствии у непосредственных производителей, у тружеников экономической свободы в использовании средств производства в своих «собственных» интересах, а значит, отсутствие интереса к напористому, высокопроизводительному труду. Вот и приходилось использовать политические меры, средства принуждения к труду, чтобы обеспечить необходимый уровень сельскохозяйственного производства, ремесел, строительных работ.

Все это и привело к относительной стабильности в экономической области, в технике, в изобретательском деле (даже поразительные взлеты ума Леонардо да Винчи, других выдающихся творцов воспринимались в лучшем случае как прозрения, причуды гения, достойные удивления публики и украшающие дворцовые празднества).

Но из относительно низкого или, быть может, застойно-среднего уровня производительных сил тех эпох и из особенностей политико-правовой организации экономической жизни вытекает еще одно следствие, касающееся уже взаимоотношений человечества с окружающим миром, с природой. Достойно внимания то обстоятельство, что и опустошительные нашествия одной страны на другую, даже на целые континенты (испано-португальское, а затем и английское вторжение на Американский континент) имели цель насильственно перераспре-

делитъ блага, овладеть уже накопленными материальными богатствами, людьми, территорией, ресурсами. Но даже разрушительные действия больших масс людей сколько-нибудь существенно не влияли на природную среду, не нарушали устойчивого равновесия в природе. Тем более это относится к повседневной, нормальной экономической деятельности. Хотя хозяйство тех эпох входило в разряд производящих, глубина и объем вторжения человека в естественные условия его существования не нарушали сложившегося в природе баланса, а выработанные веками обычаи, традиции, строгие запреты поддерживали необходимое равновесие со средой. Только отдельные людские акции, связанные с вторжением на чужую территорию и сопровождавшиеся чуть ли не поголовным истреблением местного населения, некоторых видов животных, да рост населения ряда стран, обедняющий природные ареалы, могли послужить тревожным предвестником будущей большой беды.

ВСЕПРОНИКАЮЩАЯ СИЛА Пока «демон» экономики безмятежно дремал, незаметно накапливая энергию для будущего беспощадного броска, другой «непокорный демон», зависящий от экономики, обрел невиданную силу. Этот «демон» — политическая государственная власть.

Политическая государственная власть, рожденная в условиях классовой дифференциации общества, не могла выполнить свое основное предназначение — обеспечить эффективную реализацию частной собственности на средства производства, — не вторгаясь в самые недра экономических отношений, не используя в том или ином виде

принудительный труд, не беря под свой контроль определенный круг отношений собственности, прежде всего на землю. Но сделав все это и обретя собственный аппарат, политическая государственная власть стала мощной социальной силой. Сами ее носители приобрели могущество. И это могущество возросло вдвойне, втройне, многократно от того, что логика экономических и политических отношений накрепко связала носителей власти с ведущей силой в экономике — с частными собственниками, экономически господствующим классом. Да и сама политическая власть той поры выступала как голая сила, орудие диктатуры экономически могущественных людей, машина классового господства.

Итак, с одной стороны, стихийная частно-собственническая экономика, с другой — государственная власть. Их исконное соотношение таково: экономика первична, власть вторична. Но обретя мощь, политическая государственная власть оборотилась по отношению ко всем областям жизни общества, в том числе и к экономике, самостоятельной, независимой силой, «непокорным демоном».

Верховные правители Древнего мира и Средневековья приобрели власть кроить и перекраивать владения своих подданных, одаривать имуществом и отбирать его, казнить и миловать целые слои населения. Не само по себе имущественное положение лица, не сама по себе мера обладания им частной собственностью, а привилегии — фиксируемые государством ранги — автоматически предполагали подобающий уровень личных имущественных и иных благ и почестей. Сила государственной власти стала всепроникающей, непререкаемой («слово короля — закон»). Прои-

зошла своеобразная рокировка: силы поменялись местами, и в практической жизни общества вырвался вперед «непокорный демон» политической государственной власти. Обретя свою собственную жизнь, эта власть и выступает в виде институционального образования — государства.

Знаменательно, что наращивание собственного могущества стало внутренним законом государственной власти. С особой силой это проявилось тогда, когда вырос в самостоятельную систему государственный аппарат. Демократические порядки, с которых в ряде стран начинались формирование и деятельность политической государственной власти среди свободных людей (частных собственников), с неумолимой закономерностью перерастали в режимы со все большей концентрацией власти, а завершалось все это, как правило, утверждением единодержавной власти верховного правителя, его династии (когда на власть распространился принцип наследования, характерный для частной собственности). Лишь утверждение феодальных иерархических структур с твердой номенклатурой привилегий в какой-то мере стабилизировало этот процесс, впрочем, уже тогда, когда политическая государственная власть была сконцентрирована в едином центре, на вершине государственной пирамиды.

А обернулась такая перемена мест тем, что основным предметом людских интересов и страстей стали не орудия труда, не совершенные средства производства и даже не создаваемые ими материальные богатства (хотя они неизменно оставались приманкой для внешних и внутренних грабителей, в каком бы облики они ни выступали), а сама по себе политическая государственная

власть, позволявшая в ту пору использовать ее могущество по произволу.

Можно и нужно в истории стран и народов видеть общие тенденции, а также повороты, зигзаги, зависящие от развития экономики, науки, техники, — это имеет отношение и к нашему времени. Но внимательный взгляд в прошлое обнаруживает, что нервом истории, в особенности в тогдашнее время, является неослабевающая ни на мгновенье, то яростная, то затененная, но всегда неумолимая *борьба за власть*, за власть, обладание которой открывает доступ ко всем благам и общественным рычагам. Буквально все: войны, дворцовые перевороты, хитроумные интриги, неожиданные взлеты и падения, крушения надежд, рождения наследников и скоропостижные смерти — все это круто замешано на борьбе за политическую государственную власть. И при этом лишь незримым фоном (пусть не фоном, а сквозной тенденцией, определяющей основой) проходят экономика, формы собственности. Пусть. Но нельзя — а это, к сожалению, в наших исторических реконструкциях настойчиво дает о себе знать, — чтобы все, что выходило за рамки собственно экономической жизни, сводилось к случайному или к субъективному. Зачастую за этим якобы случайным и субъективным стоял и дирижировал событиями «непокорный демон» — политическая государственная власть.

И необходимая оговорка. Таков характер власти, пока она, политическая государственная власть, оставалась «голой» — классовой машиной подавления, орудием господства, диктатуры. Впереди было время светского, просвещенного, цивилизованного государства, действующего на правовых началах. Первые обнадеживающие всполохи

такого государства сверкнули уже в эпоху феодализма под напором свежего ветра Возрождения.

**И ЕЩЕ ОДНА
МОЩНАЯ СИЛА** При известном постоянстве экономики раскрывает свою затаенную мощь еще один «непокорный демон» — господствующая идеология. С момента возникновения человечества над сознанием людей, над их поведением неизменно царствовали незримые идолы — мифы, предания, легенды, сказания, жестокие и добрые языческие божества, уступившие место всемогущим богам мировых религий — христианской, исламской, буддийской, подчас делающим людей безропотно послушными или неистовыми фанатиками. В последние столетия над людьми возымели власть еще и иные идолы — мировоззренческие интеллектуальные системы, выдвинувшие сверхзадачи и цели, овладевшие умами и поступками людей.

Словом, над человеком возвысился еще один «непокорный демон» — идеология.

В тех экономических условиях, где доминирующую роль играет принудительный труд, идеологический «демон» неизбежен. Видимо, лишь при союзе «меча» и «креста» насилие может быть хотя и не постоянным, но во всяком случае относительно действенным инструментом экономической системы.

Неоправданно сводить идеологию к одному лишь мировоззрению, во всяком случае идеологию, о которой в данном месте идет разговор. Здесь так же, как и в сфере политической государственной власти, существенную роль играет «аппарат». Это церковь в отношении религии, партии и им подобные общественно-политические организации в отношении мировоззренческих интеллектуальных

систем. Именно через церковь и политические партии идеология активно включается в жизнь общества, переплетаясь или взаимодействуя — и опять-таки через аппарат, но уже другой, государственный — с политической государственной властью.

Для идеологии характерны возведение положений, идей, норм в догмы и постулаты, в самостоятельную устойчивую субъективную (хотя так или иначе объективированную) систему, которая, как и государство, начинает жить своей собственной жизнью, подчас несмотря на быстро меняющиеся реальности, а то и вопреки им. Для идеологии в рассматриваемом ракурсе характерна также апологетика, в том числе оправдание насильственных, репрессивных акций государственной власти, а отсюда жестокость, порой агрессивный фанатизм ее постулатов, непреклонность и безжалостность при их проведении в жизнь.

Именно через идеологию проявляет себя еще один (быть может, самый непокорный, неукротимый) «демон» — «демон» фанатичного национализма. Он требует особого исследования, но для предмета нашего разговора вполне достаточно иметь в виду его действие на жизнь общества через идеологию, которая в связи с этим может приобретать еще большую активность, жесткость и непреклонность.

Жизнь (к сожалению, и жизнь сегодняшняя) свидетельствует, что «демон национализма» оказывается необыкновенно живучим, упорным, и впрямь непокорным, неподдающимся воздействию разума, морали и права (неужели здесь проявляются подспудные, темные, агрессивные силы, заложенные наряду с другим в энергии и потенциалах этноса как социально-биологической популяции?).

По отношению же к идеологии в целом вот

какое общее замечание. Ее нельзя обрисовывать одними только черными штрихами. Ранее речь шла ведь об идеологии в обществе с застойно-непроизводительной экономикой и диктаторской политической властью. Идеология же как синоним гуманистического мировоззрения (просвещенных, жизнеутверждающих принципов и идеалов, к которым относятся и идеалы гуманного, демократического социализма) органично вписывается в прогресс человеческого общества, во многом, а быть может и целиком, утрачивая при этом свои «демонические» черты.

Попутное замечание. Не следует ли нам подумать над тем, чтобы отказаться от принятой отрицательной оценки «юридического мировоззрения» и «правовой идеологии»? Ведь то и другое, пришедшее на смену фанатическому религиозному мировоззрению феодальной поры, несло в себе прогрессивный заряд Возрождения и Просвещения, гуманных и нравственных начал, а также деловых принципов товарно-рыночной экономики. И что особо существенно — права человека.

ВЗРЫВ

«СВЕРХНОВОЙ

ЗВЕЗДЫ»

То, что произошло с экономикой в последние два столетия, подобно взрыву сверхновой звезды. Казалось бы, мерно и неторопливо течет раз и навсегда заведенный порядок, один хозяйственный сезон сменяется другим, ужесточаются подати, возводятся новые храмы и дворцы, десятилетиями тянутся войны, ведутся бесконечные интриги и совершаются дворцовые перевороты, а то и прогрехочет крестьянский бунт... И так год за годом, год за годом.

И вдруг — да, по историческим меркам именно вдруг — усилиями мануфактурщиков, владельцев мастерских, купцов и ростовщиков, словом, не

очень-то престижного «третьего сословия» да плюс к тому усилиями ученых — творцов техники, началась феерический взлет — крутой подъем народного хозяйства.

Особо событийным в этом отношении стал XX век.

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ XX ВЕК Человечество встретило его ослепительным сиянием электрических огней в городах Европы и Северной Америки, нарастающим грохотом поездов, гудками автомобилей. В лучах кинематографа ожили картины жизни, телеграф и телефон соединили людей, разделенных тысячами километров. И вот уже отделились от земли и поднялись в небо летательные аппараты. Зазвучал голос человека в эфире, несть числа шумным аттракционам и развлечениям... Не оставалось сомнений: грядет новый мир, мир чудес, фантастический и блистательный.

Но как бы удивились люди, жившие в первые десятилетия XX века, если бы узнали, что пройдет совсем немного времени, каких-нибудь полвека, и все эти чудеса покажутся наивными и примитивными.

Лишь ближе к своей середине XX век показал, что он способен на небывалый, ранее невысказанный, поражающий воображение взлет научной и технической мысли, на потрясающие открытия и инженерные свершения, на создание небывалых форм и удобств жизни. Загорелся вечным огнем в топках атомных электростанций уран, обещающий неиссякаемый поток электрической энергии. Весь мир через экран телевизора ворвался в дом каждого человека. Заработали заводы-автоматы. Огненными стрелами взмыли в небо ракеты, устремившись к планетам, звездам, кометам. Человек высадился на Луну. И тут же потрясающие, фантастические

открытия — сверхпроводимость, генная инженерия, лазеры.

ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ! Все эти замечательные свершения науки и техники — торжество научно-технического творческого духа. Да, это так. Наука, все глубже проникая в тайны мироздания, вооружила техническую мысль и инженерные расчеты, которые превратили фантастику в реальное дело.

Но если на этом поставить точку — значит только скользнуть по поверхности явлений и событий.

Главное и решающее — прогремевшие в XVII — XX веках антифеодальные демократические революции, то половинчато-результативные (как в Англии), то романтически-возвышенные, решительные (как во Франции), то деловито-радикальные (как в Северной Америке). Но во всех случаях освободившие экономику от диктата авторитарной государственной власти и сковывающих экономическую свободу средневековых религиозных верований.

Революции продолжались, сменялись то республиканские, то монархические формы правления, режимы, приходили к руководству государственных кораблей то великолепные, то заурядные капитаны, а то и возрождались тоталитарные режимы, но главное было достигнуто — с авансцены истории ушли на второй план два «непокорных демона» — всемогущая политическая власть и всепроникающая религиозная идеология. А ушли потому, что в них проник дух Возрождения, Реформации, Просвещения и в связи с этим либеральной демократии и права и самое главное, быть может, — дух прав человека, неотъемлемых и нерушимых. Государство стало «тянуться» к либерально-демократическому режиму, во все боль-

шей мере обретать черты светского правового государства с умеренной государственной властью, а идеология превращалась в прагматическую правовую, в юридическое мировоззрение. Когда классический капитализм стал исчерпывать себя, перерастая в неокapитализм, указанные черты государства и идеологии оказались действительными факторами, сообщающими капитализму свойства регулируемости и социализации.

Но это все — потом. Начальная же фаза капиталистического развития характеризуется тем, что экономика не просто стряхнула с себя «демонов» власти и идеологии, а в новом их виде заставила «работать» на себя. И это высвободило (высвободило!) взрывные экономические силы:

во-первых, энергию собственника, его инициативу, неугомонный предпринимательский дух, стремление во имя успеха дела, прибыли использовать самые передовые научные и инженерные свершения;

во-вторых, энергию самого работника, обеспечив ему возможность беспрепятственно распоряжаться своей рабочей силой, продавать ее на рынке как товар.

А это в свою очередь вывело на новый уровень и придало новое качество определяющему механизму экономики, построенному на частной собственности, — товарно-рыночному производству. Издревле существующие в обществе товарно-денежные отношения выросли в саморегулирующуюся, с непрерывно нарастающей мощностью экономическую систему. Долго дремавший «непокорный демон» экономики поднялся на ноги и в галопирующем темпе ринулся вперед.

И вот что здесь важно. Товарно-рыночное производство в передовых странах Европы, Америки и Азии не только обогатилось успехами НТР, но и стало раскованным, не связанным тоталитар-

ной политической властью, диктатом идеологии и, что еще более существенно, обрело неугомную движущую силу в неутоляемом потребительском рынке, в возникшем в связи с ним «среднем классе». Появление этого класса, который и не класс в строго научном смысле, а необходимый элемент саморазвивающейся товарно-рыночной экономики, потребовавшей в интересах такого «восходящего саморазвития» более высокого уровня доходов у широкого слоя населения, казалось, может рассматриваться как крупный позитивный факт, ведущий к однородности общества. В действительности же он не устраняет деления капиталистического общества на собственников и наемных работников, фактически означает постоянное присутствие в экономике «жаждущего» потребителя, который сразу же «бросает» свои доходы обратно в нее, а его потребительские нужды и страсти при товарном изобилии так и остаются неутоленными, требующими через наемный труд все нового и нового вложения сил и человеческой энергии.

Этот набирающий темп «непокорный демон» товарно-рыночной экономики еще дальше отодвинул с магистрального пути исторического прогресса бывшие доминирующие силы — политическую государственную власть и даже в какой-то мере идеологию (во всяком случае резко поубавив императивно-властное влияние последней на все сферы общества). Стали всеобщими и притягательными лозунги Свободы, Равенства и Братства. Уже в наше время они реализуются в разных странах в либеральных режимах демократии западного типа. А в связи с этим государство и идеология обрели новое качество, стали носителями позитивной энергии, позволившей в ходе революционного изменения капиталистического мира в 1930—1950 гг. остановить неудержимое падение капита-

лизма в пропасть катастрофы, поддаться регулированию и социализации, перерасти ему в неокapитализм. Этот процесс приобрел такую определенность и такую интенсивность, что это создает настроения торжества и окончательной победы западной демократии, с ним связывается чуть ли не «конец Истории».

Итак, феерический научный и технический прогресс, ослепляющие людей блага, удовольствия и наслаждения...

И тут же, почти шаг в шаг неудержимый всепланетный сдвиг общественных структур к свободе.

Но можно ли ограничиться, освещая современность, когда в нарастающих темпах заработала система товарно-рыночной экономики, только этими яркими, впечатляющими штрихами? Нет ли где-нибудь рядом явлений иного порядка?

А РЯДОМ!

Рядом со всем тем привлекательным, зовущим, блистательным, что дал человечеству XX век, выстроилась вереница явлений, пожалуй, суровых и страшных.

Война. Что ж, человечество страдало от войн всегда. Но во втором десятилетии и двадцать лет спустя по планете огненным валом прокатились две опустошительные мировые войны. Великие научные открытия и великолепные инженерные свершения были подчинены задаче массового истребления людей: танки, бомбардировщики, авианосцы, подводные лодки, напалм, химические средства поражения и, наконец, на исходе второй мировой войны — атомные бомбы, стершие с лица земли целые города. А потом долгие десятилетия, вплоть до нынешнего времени война — не война, поистине военно-ядерное безумие. Весь мир оказался нашпигованным ракетно-ядерным оружием и иной техникой для уничтожения людей. И дело

не только в том, что планета превратилась в пороховую бочку, и ныне достаточно вспыхнуть фитилю, чтобы наша общая обитель разлетелась вдребезги, похоронив навсегда человеческую цивилизацию. Дело еще и в том, что около этого фитиля непрерывно зажигаются спички: то там, то здесь вспыхивают и порой тянутся годами локальные войны...

Но при всей отвратительности войн, при всех необратимых последствиях, которыми они грозят человечеству в атомный век, не в них сегодня главная опасность. В самые последние годы смертельная перспектива всепланетной войны отодвинулась: выдыхается ее предвестник «холодная война», затухают локальные военные конфликты.

Может быть, самое страшное в том, что человечество, втянувшись при набирающих темпах товарно-рыночного производства в безудержную техническую промышленную гонку, опьяненное свободой, *вошло в жесткий, все более углубляющийся конфликт с природой* — и в отношении окружающей среды, и в отношении «натуры» самого человека.

На человечество надвигается экологическая катастрофа, наверняка, гибельная. При всех ограждающих и охранительных мерах грубое вторжение в естественные природные связи, чудовищный пресс на природу растущего многомиллиардного населения, зараженного духом жадного потребительства, безвозвратное истребление природных ресурсов, загрязнение среды обитания людей приобрели масштабы, давшие толчок необратимым разрушительным процессам. Начавшемуся «парниковому эффекту», расширяющимся озоновым дырам, параличу легких Земли, истреблению лесов Амазонки, Сибири, других краев, появлению мертвых или умирающих рек, озер, морей, эрозий почвы. Некоторые специалисты исчисляют остав-

шийся срок существования человечества тремя, четырьмя, пятью, словом, немногими десятками лет. Вот одно из многочисленных авторитетных свидетельств на сей счет. В ежегодном докладе американского института «Уорлдуотч» звучит серьезное предупреждение: если жители Земли хотят построить жизнеспособное общество, то это необходимо сделать в ближайшие 40 лет; в противном случае, по мнению специалистов института, усиливающие друг друга разрушение окружающей среды и упадок экономики к 2030 году приведут к распаду общества.

Ситуация усугубляется тем, что и стремительный бег товарно-рыночной экономики, сопровождающийся экспансией человечества в среду обитания, как это ни парадоксально, не столько решает насущные экономические задачи, сколько рождает новые так называемые глобальные проблемы, в том числе энергетический и продовольственный голод. Все увеличивающаяся нехватка энергии, дефицит продовольствия в масштабах планеты (наряду с его перепроизводством в ряде технологически развитых стран) дают новый толчок разрушительному вторжению человека в природную среду, «химизации» земли и ее продуктов, дальнейшему иссушению и загрязнению водных источников.

Что ж, значительный «вклад» в конфликт человечества и природы внесли социалистические страны, нередко стремившиеся решать свои трудные проблемы за счет окружающей среды и природных качеств человека. Об этом дальше будет еще сказано.

Но все же основная угроза подступает, как мы видели, с другой стороны. Запредельные нагрузки и очаровавший мир взлет товарно-рыночной потребительской экономики, в нарастающем темпе вбирающей в себя поразительные достижения научно-технического прогресса, природа уже не

в состоянии выдерживать. А что случится, когда в обстановке либеральной вседозволенности эта экономическая скачка еще более усилится и в нее будет вовлекаться все большее число стран мира?

Понятно, меры по охране среды, экологической безопасности, в особенности в странах, которые могут выделять на эти цели значительные средства и научные силы, дают ощутимые результаты. Появляется рыба в ранее загрязненных реках, становится чище воздух даже в крупных городах. Но это лишь островки в море всепланетного экологического бедствия. Да и к тому же вовсе не случайно, что именно в странах с улучшающейся, казалось бы, природной средой все более расширяется движение «зеленых», громче и настойчивей звучат голоса ученых. Ибо даже в этих странах экономика, пусть менее заметно, но все же опрокидывая защитные и оградительные меры, наступает на природную среду.

Самый же жестокий удар — через вал нарастающей информации, извращение потребностей и страстей — наносится в наиболее уязвимое звено — в духовный мир человека.

При всей комфортности быта, растущей доступности удобств и удовольствий наступает — и чем комфортней и доступней, тем быстрее и глубже — кризис идентичности человека, духовная раздвоенность личности, моральный упадок, душевная опустошенность, утрата смысла жизни.

**ВЫРВАВШИЙСЯ
НА СВОБОДУ
«НЕПОКОРНЫЙ
ДЕМОН»**

Сам «непокорный демон» свободной товарно-рыночной экономики — привлекательный малый. Он создает обстановку внешнего процветания. Он исключает принудительный труд: люди, лишенные производительной собственности, добровольно продают свою рабочую силу, без понукания работают

и работают. Витрины магазинов сверкают товарным изобилием. Появляется некий «средний класс» — общность в целом обеспеченных потребителей.

Дух потребительства становится в обществе доминирующим. Притом такого потребительства, когда непомерно растут, становятся изощреннее, утонченнее сами потребности. И все это в условиях либеральной демократии, защищенной личной свободы, граничащей со вседозволенностью.

Вместе с тем какой это жесткий, неумолимый, безжалостный малый — и впрямь вырвавшийся на простор «непокорный демон». Он сковал жаждой потребительства людей, включил их в безудержную гонку. Да и само появление «среднего класса», позволяющее некоторым западным идеологам говорить о наступлении эры «однородного общества», — не более чем следствие набирающего темпы в своей основе частнособственнического товарно-рыночного хозяйства. Для стремительно мчащегося экономического Левиафана нужен ненасытный, жаждущий потребитель. Потребитель, который не довольствуется даже «средним потреблением», а готов напрягать свои силы перед лицом все новых и новых потребностей, искусно культивируемых и навязываемых производством и сферой услуг. Вперед! Вперед! Вперед! — в гонке за стандартом потребления в своей стране, в сопредельных и заокеанских странах. Нет большей неволи, страшнее и неумолимее рока, чем тот, который в условиях стихийного потребительского общества неотвратимо ведет людей к печальным последствиям! Как точно сказал на сей счет Н. А. Бердяев: «Технический и экономический процесс современной цивилизации превращает личность в свое орудие, требует от нее непрерывной активности, использования каждого мгновения жизни для действия. Современная

цивилизация отрицает созерцание и грозит совершенно вытеснить его из жизни, сделать его невозможным».

Конечно, современная власть и идеология через социализацию общественных отношений вносят известные элементы упорядоченности и умеренности в стихийное функционирование потребительского рынка. Но коль скоро они основательно не затрагивают самую экономическую основу общества — частную собственность, — не внедряют и в эту сферу начала социализации и отсюда не затрагивают самого человека, его духовный мир, все это не способно остановить стремительный бег экономического Левиафана к печальным последствиям.

Вполне понятно поэтому, что люди, не одурманенные благами потребительского общества, забили тревогу. Да, тревогу. Безмерно разбухшее экономическое «чудовище» все больше и больше работает на себя: при его прогрессирующем росте происходит прогрессирующее падение социальной отдачи, при этом неумолимо нарастает конфликт с природой, близится экологическая пропасть.

Приведу три высказывания видных мыслителей, уже покинувших этот мир, но успевших возвестить человечеству о грозящей катастрофе.

Андрей Дмитриевич Сахаров: «Сильные и противоречивые чувства охватывают каждого, кто задумывается о будущем мира через 50 лет — о том будущем, в котором будут жить наши внуки и правнуки. Эти чувства — удрученность и ужас перед клубком трагических опасностей и трудностей безмерно сложного будущего человечества, но одновременно надежда на силу разума и человечности в душах миллиардов людей, которая только одна может противостоять надвигающемуся хаосу».

Аурелио Печчеи: «Проблемы демографии, без-

работицы, недоиспользованных социальных и экономических возможностей общества, дефицит и нерациональное управление ресурсами, неэффективность, инфляция, отсутствие безопасности и гонка вооружений, загрязнение среды и разрушение биосферы, заметное уже сегодня воздействие человека на климат и многие-многие другие проблемы, сцепившись друг с другом, подобно щупальцам громадного спрута опутали всю планету... Но до сих пор, несмотря ни на какие предостережения, не предпринято никаких мер для решения хотя бы одной из этих проблем. А тем временем число нерешенных проблем растет, они становятся все сложнее, сплетеннее и все запутаннее, и их «щупальца» с возрастающей силой сжимают в своих тисках планету».

Ле Корбюзье: «Опьяненное скоростями в движении общество во всем его объеме словно пустилось, не сознавая того, крутиться вокруг себя, словно сорвавшийся в штопор самолет, попавший в полосу все более непроницаемого тумана. От этого опьянения мы не избавимся иначе, как в итоге катастрофы, вонзившись при падении в землю».

Да-да, катастрофы! Будем называть вещи своими именами.

И еще одно высказывание — мысль А. И. Солженицына о том, что нашу страну ожидает «общая с западной цивилизацией гибель в темноте и смраде изгаженной земли», ибо «весь бесконечный прогресс» оказался безумным, напряженным, нерассчитанным рывком человечества в тупик. Жадная цивилизация «вечного прогресса» захлебнулась и находится при конце.

Перед лицом кричащих фактов и мрачных пророчеств надвигающейся катастрофы ученые, крупные гуманисты на Западе, заговорили о не-

обходимости «спасти для наших потомков нашу попавшую под угрозу гибели и опасную цивилизацию», об «остановке прогресса», о необходимости «попятного хода триумфального марша прогресса», о «замедлении роста при умеренном прогрессе», о нахождении «поворотной точки», «перелома», причем «поворотное будущее» видится ими как итог перелома, революции.

А для нас, для нашей страны эти соображения имеют значение?

Да, имеют. Более того, опасность катастрофы, как это ни печально, особо велика для нашей страны. Ее предощущение в какой-то мере стерто, отодвинуто сегодняшними бедами и трудностями, экономическим, политическим, духовным кризисом, сопровождающим процесс возрождения социалистического отечества.

Но именно потому, что в таких непростых условиях велик соблазн решить насущные проблемы «любыми средствами», лишь бы достичь быстрого эффекта, нарастает опасность утратить дальнюю перспективу, потерять главные ориентиры общественного развития, ясное видение будущего. Тем более что наши экологические беды, явившиеся результатом неразумного хозяйствования, другие накопившиеся проблемы, в особенности трудное положение на потребительском рынке, делают опасность беды действительно близкой.

А в общем, конечно же, — это беда всей планеты, всего человечества. Как ни старайся, как ни стремись создать на локальном участке планеты оазис экологического благополучия и духовного комфорта или, напротив, как ни «обгоняй» по наращиванию губельных последствий другие страны, водоворот всепланетной беды неминуемо ввергает в смертную пучину все человечество.

Размышления

В нескольких словах напомним то, о чем шла речь ранее. Каждая сфера мироздания, включая общество, имеет свое собственное основание функционирования и развития. И вот эффект от обретения обществом собственной основы (экономического базиса) оказался куда более значительным, прямо-таки несоизмеримым по сравнению с эффектом от обретения своего собственного основания другими сферами.

И дело не только в том, что в одной связке с сообществами людей, в единой системе с ними стали выступать вещественные предметы и явления — средства производства, возникающие на их базе производственные и иные отношения (факт, сам по себе поистине поразительный). Суть вопроса еще вот в чем. Вещи и люди вдруг как бы меняются местами. Созданная людьми искусственная среда, будто бы слуга людей — экономика, становится «непокорным демоном», самовластным господином, который императивно и безоговорочно подчиняет все общество и предопределяет закономерности и перспективы его развития.

Впрочем, тут более широкая идея, из самых что ни на есть глубин философии — идея отчуждения.

Об идее отчуждения

Это одна из капитальных идей марксизма. И не только потому, что она (как уже упоминалось) обозначает путь к постижению основ и механизма самодвижения, саморазвития, а отсюда к постижению роли и места «материального», но и потому, что с ней связано марксистское видение прошлого, настоящего и будущего общества, важнейшая сторона социалистической идеи в марксистском ее понимании, научная гуманистическая трактовка коммунизма.

Не буду уж очень утомлять читателя цитатами. Порассуждаю на их основе.

Сначала Марксово суждение о труде. Отметив, что рабочий в условиях частной собственности «подпадает под власть своего продукта», К. Маркс разъясняет: «Отчуждение рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает внешнее существование, но еще и то значение, что его труд существует вне его, независимо от него, как нечто чужое для него, и что этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой; что жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая».

Но такое же явление (отчуждение), по Марксу и Энгельсу, характерно не только для труда и его продукта. Оно имеет и общее значение. Для чего же? Для личного поведения в целом: «Личное поведение индивида неизбежно претерпевает овеществление, отчуждение, и одновременно существует как не зависящая от него, созданная общением сила, превращаясь в общественные отношения, в целый ряд сил, которые определяют, подчиняют индивида... Над людьми всегда становятся чуждые практические силы». В другом месте К. Маркс пишет уже о формах человеческой деятельности, которые обретают по отношению к человеку самостоятельную власть. И Энгельс говорит о том, что законы собственных общественных действий противостоят людям «как чуждые, господствующие над ними законы природы... объективные чуждые силы...», господствующие «над историей».

Мысль К. Маркса и Ф. Энгельса идет дальше: «Производительные силы выступают как нечто совершенно независимое и оторванное от индивида, как особый мир наряду с индивидами...»; причем — вспомним это суждение! — производительные силы «приняли как бы вещную форму и являются для самих индивидов уже не силами индивидов, а силами частной собственности». И это, вполне понятно, свойственно вообще обмену веществ между обществом и природой. Этот обмен господствует над ним «как слепая

сила». А человек становится «рабом вещи», чем завершается извращение человеческих отношений.

И еще такая мысль о формах человеческого общения и о производительных силах (да к тому же еще частной собственности): «Производительные силы и формы общения развились настолько, что стали при господстве частной собственности разрушительными силами».

Пусть не пройдут мимо нашего внимания некоторые оттенки Марксовой мысли. Прежде всего К. Маркс связывает отчуждение, и тем более чрезмерную степень его развития, с уровнем развития тех или иных общественных явлений, когда они «развились настолько»... Но еще более важно, что К. Маркс по-разному, в разных словах, с различными оценочными акцентами характеризует вот это самое отчуждение. В одних случаях говорится о том, что те или иные явления становятся «оторванными от индивида», «независимыми», «самостоятельной силой», образуют «особый мир», в других — что они уже являются «чуждыми» для человека, «враждебными», приобретают качество «слепой силы» и человек становится «рабом вещей», наконец, что они могут быть и «разрушительной силой».

Все это наводит на размышление, что в былые времена мы, быть может, не просто недооценили Марксову идею отчуждения (которая, скажу еще раз, видимо, составляет то принципиально новое, что внес марксизм в сокровищницу мировой философской мысли), не просто не увидели в ней главную научную предпосылку гуманистической трактовки коммунизма (чуть упрощая, беды общества, по Марксу, обусловлены как раз антигуманным отчуждением человека от связанных с его деятельностью общественных сил, отсюда устранение антигуманных его форм и означает коммунизм в действительно гуманистическом его понимании), а отбросили эту идею, заменив ее эмоционально трактуемым в основном положением об «эксплуатации человека человеком».

Надо полагать, что сейчас, когда необходимо возродить к жизни действительную, первоизданную Марксову мысль, настало время для серьезной, углубленной разработки всего комплекса вопросов отчуждения, всего богатства заложенного в нем философского и научно-практического потенциала.

Наиболее существенными представляются тут три следующих момента.

Во-первых, отчуждение как результат опредмечивания деятельности, ее овеществления представляет собой неизбежный, необходимый, закономерный, вполне естественный (до известных пределов) процесс развития общественной жизни.

Во-вторых, понятие «отчуждение» в определенном отношении — абстрактный образ, представление, схватывающее общие моменты довольно разных, качественно своеобразных по содержанию общественных процессов, требующих неодинаковой оценки с точки зрения прогресса. В своей основе то, что обобщенно обозначается как «отчуждение», представляет собой не более чем просто опредмечивание, овеществление деятельности, т. е., по сути дела, дифференциацию общественных явлений (объективную основу дифференцированного подхода), когда особый, новый «предмет» становится в локальной действительности основой для нового витка развития, самодвижения. Отрывающийся от самой деятельности человека «предмет» приобретает отрицательную направленность лишь на определенной стадии развития — тогда, когда оказывается чуждым человеку, противостоит ему как враждебная, слепая сила, сила разрушительная, и когда, следовательно, отчуждение становится антигуманным.

В-третьих, под углом зрения только что сказанного сокровенная суть марксистского понимания бед человечества и перспектив его развития в том, что они связаны не с отчуждением как таковым, а с таким его состоянием, когда соответствующие феномены противостоят человеку как своего рода демонические силы, довлеющие над ним и диктаторски определяющие его

поведение и самое человеческую историю. И для такого рода феноменов нужен особый термин, которого, увы, наука еще не выработала. Остается воспользоваться как метафорой древним символом «непокорные демоны». Кстати, возьмем сразу на заметку, что многие проблемы с позиций подлинного марксизма должны приобрести какие-то новые, в чем-то неожиданные характеристики под углом зрения такой «демонологии». Прежде всего тут подразумеваются те трактовки отчуждения, когда имеются в виду феномены, не просто оторвавшиеся от человеческой деятельности, «опредмеченные», а противостоящие человеку как слепая, чуждая, враждебная сила. Это наряду с другим относится к частной собственности, раскрывает тезис марксизма о необходимости ее «уничтожения». И когда в последующем мы напрямую затронем этот непростой вопрос нашего настоящего и будущего, будем помнить, в каком философском контексте он был поставлен и нашел разрешение в марксизме.

О «непокорных демонах» нашей жизни

В Талмуде про демонов сказано: «Они принимают любой вид и становятся невидимками». Но «демонов», о которых идет речь в нашей «демонологии», сверхъестественными не назовешь, хотя распознать их, «вывести на чистую воду» не так-то просто без помощи науки.

Главный «непокорный демон», превратившийся в результате отчуждения из покорного слуги в самовластного повелителя, — экономика. При стихийно-естественном развитии собственная основа движения общества вперед — экономика, повторю вновь, становится самодовлеющей силой, системой, во все большей степени работающей на самое себя. Важнейшие компоненты стихийно развивающейся экономики все более разжигают неутолимые потребности, эгоисти-

ческие интересы, превращают ее во всепожирающего Левиафана.

Человечество, все более вырывающееся благодаря экономике из цепких пут слепой зависимости от природы, тут же попадает в не менее жесткое рабство вот к этому своему «избавителю» — экономике.

Но вот что важно (и об этом ранее, по ходу изложения уже говорилось). В обществе, особенно после перехода его в стадию цивилизации (с характерным для нее классовым, государственным, национальным размежеванием), в связи с экономикой и на ее основе появляются иные «непокорные демоны».

Прежде всего это политическая государственная власть, возникшая в результате дифференциации общественной жизни (разделения труда) и предназначенная обеспечить управление общественными делами в соответствии с требованиями экономики и вместе с тем обретающая на определенном этапе роста свою могучую, самостоятельную силу.

Другой «непокорный демон» — идеология, особая система мировоззренческих взглядов, призванная выразить в социальной сфере господствующие и иные представления и идеи, которые, накопив известную критическую массу, связываясь с политической властью, а также с эмоциональной и мифической сторонами жизни людей, в свою очередь обретают относительно самостоятельное, собственное бытие.

И политическая власть, и идеология, объективируясь в определенных институтах (в государстве, в политической системе, системе мировоззренческо-идеологических учреждений и др.), служат экономике, объективным потребностям и в то же время сообразно особенностям социальных, классовых условий превращаются в замкнутые, самодовлеющие, в немалой степени работающие на себя автономные системы и в этом качестве оказывают серьезное воздействие на жизнь общества.

Мы, люди, думается, еще в полной мере не осознали, как неотвратимо жестко действует собственная основа общества — экономика, присоединяющие-

ся к ней иные «непокорные демоны» — политическая власть, идеология, каков характер их влияния на жизнь общества, на людей. Такое действие и такое влияние в современных условиях могут дать значительный эффект в использовании потенциала научно-технического прогресса, в уровне потребления, товарного изобилия, привести к известному внешнему упорядочению общественных отношений, построенных на частной собственности, на индивидуалистических личных свободах, и в то же время злокозненное воздействие «демонов» может сопровождаться нарастающими негативными последствиями — обострением отчуждения между людьми, усилением эгоистических устремлений, моральной деградации, утратой веры в смысл и перспективу жизни, а также явлениями, о которых речь пойдет дальше: нарастанием кризисов, глобальных проблем.

О том, допустимо
и оправданно ли давать оценки
объективным закономерностям?

А теперь весьма существенное философское рассуждение, в какой-то мере являющееся заявкой на будущее.

Нередко упомянутые в подзаголовке два пласта философских знаний — аксиологические характеристики (оценки) и объективные закономерности — жестко разводят. Законы есть законы, а аксиологические характеристики, было принято считать в нашей официальной философии, являются чем-то другим. Может возникнуть недоумение: допустимо, оправданно ли вообще давать оценку закономерностям общественного развития, скажем, закономерной обусловленности всего того, что входит в надстройку, экономическим базисом? А почему, спрашивается, нет?

Тем более, если при этом мы опираемся на общепризнанный вклад марксизма в мировую фило-

софию? Ведь диалектико-материалистическое видение мира марксистской философией неотделимо от ее гуманистической сущности. Если философы, по словам К. Маркса, призваны не только объяснить мир, но и изменить его, то должны быть определены критерии, исходные данные для такого изменения. И тут при последовательно гуманистической ориентации нам на помощь приходит аксиология — философская теория ценностей и оценок, которая, не ограничиваясь рационалистической трактовкой сфер мироздания, их собственных оснований, позволяет выделить момент оценки, ценностной характеристики общественных явлений.

Уже не раз говорилось: громадным научным открытием марксизма является тезис о подчинении бытия и развития общества экономике, что в общем-то представляет собой один из существенных аспектов самого глубокого и основательного в марксизме — идеи отчуждения. Но в рамках гуманистической философии этот тезис должен получить и оценку, причем оценку под углом зрения определяющего критерия прогресса — человека, судьбы человечества. И когда К. Маркс, характеризуя известные феномены, возникшие в результате отчуждения, употреблял слова «враждебные», «чуждые», «слепые» и т. п., то тут уже присутствовал оценочный момент. И должно быть ясным, что зависимость человека, человечества от внешних сил состоит в том, что указанное подчинение, хотя и имеет при естественно-стихийном развитии закономерный, нарастающий по силе характер, далеко не всегда соответствует критерию прогресса. Более того, становится понятной бесперспективность частнособственнического общества именно потому, что его функционирование по своей основе носит стихийный характер. Напротив, историческая миссия социализма вовсе не в том, что он закономерно вытекает из естественно-стихийного развития общества, а как раз наоборот — в том, что он может остановить это бесперспективно-стихийное развитие и направить общество по пути оптимально

разумной, гуманистической организации. И это будет означать как раз снятие, преодоление того уровня отчуждения, который превращает общественные явления в чуждые, враждебные человеку, слепые силы.

Вот почему под углом зрения гуманистической философии нельзя говорить об определяющей роли в обществе экономики (а вслед за этим — политической власти и идеологии) лишь созерцательно-отрешенно. Именно под гуманистическим углом зрения этот факт получает оценку и своеобразное словесное обозначение в имеющем жестко негативную окраску термине «непокорные демоны».

Примечательно, что явление, рассматриваемое под углом зрения нашей «демонологии», осмысливается и явно негативно оценивается и с точки зрения иных философских концепций.

Вот, к примеру, суждение на этот счет замечательного русского философа Н. А. Бердяева:

«Машиной, развитием материальных производительных сил пытался человек овладеть природными стихиями, но вместо этого он становится рабом созданной им машины и созданной им материальной социальной среды. Это уже обнаружено в капитализме и будет обнаружено и в социализме. Таков трагический результат всей новой истории, трагическая ее неудача».

ПРОГРАММЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Обаяние мечты

Сначала была одна мечта

Есть социалистическая мысль!

Научность и гуманизм социалистической
идеи

Что выяснилось потом?

О соотношении социализма
и коммунизма

Левокоммунистическая версия
социалистической идеи

Путь к гуманному, демократическому
социализму

Попятный процесс

К. Маркс о «грубом коммунизме»

О выражении «марксизм-ленинизм»

Возрождение социалистической идеи

Книга в книге. Размышления

ОБАЯНИЕ МЕЧТЫ

Возможна ли человеческая жизнь без мечты и идеалов?

Мне сдается, нет — жизнь сникнет, потухнет, превратится в мучительное прозябание. Мечты, идеалы освещают нашу простую жизнь светом надежды, питают оптимизмом, без которого и жизнь — не жизнь, и судьба — не судьба.

А каким смыслом мечты и идеалы могут наполнить целый народ, нацию? Огонь свободы, национальной независимости, дерзновенной социальной цели может воспламенить народ, нацию, придать им небывалую силу.

Но бывают ли мечты и идеалы, способные охватить все человечество, всех людей планеты? Возможно ли вообще такое? И возможно ли, чтобы мечты и идеалы стали жизненной программой, а потом реальностью?

Да, возможно. Такой мечтой и таким идеалом может стать **СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ!**

СНАЧАЛА БЫЛА ОДНА МЕЧТА

Люди неугомонны. Они то ликуют от действительных или кажущихся удач, то впадают в отчаяние от безысходности жизненных тупиков, то пребывают в трансе самодовольства и благополучия. Но спотыкаясь, падая, вставая и вновь устремляясь вперед, люди всех поколений и континентов настойчиво искали и ищут совершенную, «идеальную» жизнь, такую, которая отвечает их мечте.

Поначалу это действительно было только мечтой, пророчеством. Словом философов. Притом философов, живших там, где первые шаги цивилизации, духовной жизни людей развернулись свет-

лыми благородными гранями, — в Древней Греции. По своей сути описания философами, в особенности Платоном, идеальных городов и идеальной жизни сродни мифам, мифам настолько конкретизированным, реально осязаемым, что подчас (и это, как мне думается, случилось с легендарной Атлантидой) они воспринимались как нечто реальное, уже существовавшее, но бесследно исчезнувшее.

Не нужно этим мечтаниям придавать не свойственный им прагматизм. Они, как и представления раннего христианства, имели преимущественно этическое звучание, никак не связывались с общественными движениями тогдашнего времени, не были ориентированы на скорейшее преобразование существующего, опирались в основном на привычные реальности и представления людей той поры.

Главное, что античные мечтатели оставили будущей прогрессивной мысли, — это идея уравнивания имущества, сам принцип социальной справедливости. Здесь можно видеть лишь отдаленную предпосылку будущих революционных учений (характерно, что даже Платон не поднялся от идеи уравнивания имущества до его обобществления, а отмену частной собственности он распространял только на две высшие касты общества — философов и воинов).

Тем не менее уже в античном мире зазвучала светлая социальная мечта. Как всякая красивая мечта, она была еще слишком туманной, но притягательно возвышенной и возвышающей. Что ж, для развития духовной жизни человечества это уже немало.

ЕСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ!

Эпоха Возрождения, середина ныне заканчивающегося тысячелетия, ознаменовалась рождением *социалистической мысли*.

Мор, Кампанелла, Кабе, Оуэн, Сен-Симон, Фурье, Годвин, Морелли, Мабли, Прудон, Дюринг и многие другие мыслители во Франции, Англии, Италии, в иных странах, порой независимо друг от друга, стали обосновывать мысль о необходимости социального переустройства общества на базе обобществления имущества и отмены частной собственности. Что это было? Утверждение гуманистических начал в жизни человечества? Реакция на ужасы и беды, порождаемые экономическими укладами и социально-политическими порядками, основанными на частной собственности? Наверное, и то и другое, но еще и социальная устремленность отдельных общностей на деятельное локальное преобразование реальной жизни (что, в частности, повлекло за собой появление социалистических и коммунистических общин, нередко окрашенных идеями христианства, таких, как секты анабаптистов, оуэновские колонии, вейтлинговские общины, «икарийское» движение).

Диапазон поиска путей социального преобразования общества на основе обобществленного имущества в сочинениях разных авторов был велик. Крайние, наиболее радикальные взгляды — у приверженцев строя «общности» (*commune*), стремившихся ко всеобщему аскетизму и грубой уравнительности с опорой на давление общественного мнения, но прежде всего — на насилие. С той поры, думается, со словом «коммунизм» и стали связываться наиболее радикальные, твердые, насильственные меры в ходе социалистических преобразований.

Нет нужды подробно останавливаться на предположениях разных авторов о социалистическом переустройстве мира. Но три общие особенности, наиболее выразительно характеризующие утопизм социалистических учений того времени, достойны специального внимания.

Первое — это стремление представить будущее общество в виде четко обрисованного образца («модели»), конкретно-образной картины идеальной организации жизни людей. Все расписано до мелочей и частных деталей, до образного видения этих мелочей и частных деталей. И все это — как нечто совершенно иное, чем наша грешная жизнь, — сказочное, восхитительное, маняще необыкновенное.

Второе — отрыв от тех простых событий, которые в действительности происходят, от реальных пружин и сил, неодолимых и императивных, доминирующих в обществе и направляющих поступки людей. Отсюда — отсутствие ясного понимания тех неумолимых процессов и тенденций, которые происходят в недрах общества и должны стать реальной предпосылкой, основой для закономерного перехода к более совершенной стадии жизни людей.

И третье — оставался открытым вопрос, при помощи каких социальных сил и какими средствами будет достигнуто солнечное будущее. Немалый расчет был на разум. А еще на общественное мнение, на эту, как писал один из социалистов-утопистов, владычицу мира, распоряжающуюся солдатами и законодателями, равно как и народами. Существенная роль, в особенности в коммунистических утопиях, отводилась насилью во имя лучезарного будущего.

Словом, утопия. Утопия по самой основе, сути

взглядов на будущее, с пренебрежением, а то и просто игнорированием реалий, процессов общественного развития. И потому — изначально несбыточное и, стало быть, изначально обреченное на неуспех, неудачу и более того — на то, что действительные объективные закономерности, которыми пренебрегают, — как и во всех иных аналогичных случаях, — начнут «мстить за себя» — порождать трудности, вести к беде, к катастрофе.

В свое время известный советский писатель В. Тендряков провел мысленный эксперимент: он в художественных образах, не отступая ни на шаг от модели, попытался «реализовать» красочное описание «Города Солнца» Т. Кампанеллы. Спроектированная Т. Кампанеллой и перенесенная нашим писателем «в жизнь» картина великолепного будущего оказалась ужасной. Вот несколько отрывков из рассказа литературного очевидца будто бы реально созданного города Солнца его творцу — Т. Кампанелле, волей писателя тоже перенесенному в предсказанный философом солнечный мир. «Ты предлагал именно так и жить: сообща работать, складывать все в один общий котел, из него сообща черпать». «И должностные лица тщательно следят, чтобы никто не получал больше, чем следует». «Вдумайся, Томмазо: способный труженик, не жалеющий себя на работе, дает общине много, а рядом с ним другой по неумелости или по лени еле-еле пошевеливается, от него мало пользы. Но получили-то они одинаково необходимое — пищу, одежду, крышу над головой...

И вот наши лучшие труженики перестали надрываться, начали подравниваться под тех, кто работал из рук вон плохо. День за днем незаметно падало уважение к труду... В наш город пришла нищета. Мы уже не могли ни накормить людей, ни

одеть, ни отремонтировать их жилище. Город превратился в сборище бездельников... Подскажи: как отличить нерадивого от усердного? Кто это должен делать? Надсмотрщик с плетью? Пусть он следит и подгоняет? Пусть он распределяет, кому за работу пожирней кусок, а кому наказание? Чем тогда этот надсмотрщик лучше хозяина? Можно ли после этого говорить: у нас все общее?» И последний отрывок: «Так вот — нищета, ненависть, ложь и впереди никакой надежды, что все это когда-то кончится. Кого не охватит ужас перед будущим, кому захочется дальше жить! А если ужас станет расти... И надо было любым путем прекратить его... Приказ вызрел сам собой: те граждане, которые поддаются ложному ужасу, а не радуются цветущей жизни, совершают самое тяжкое преступление...»

Что это — гротеск? Ох, если бы только! Если бы горькие факты нашей действительности не совпадали порой буква в букву со столь страшной картиной.

Как бы то ни было, но к середине XIX века социалистическая мысль о необходимости коренного переустройства общества завоевала прочные позиции в мире, стала неотъемлемым элементом духовной культуры, идейной основой мощного, набирающего размах и силу общественного движения.

НАУЧНОСТЬ И ГУМАНИЗМ СОЦИАЛИСТИ- ЧЕСКОЙ ИДЕИ

Социалистическая мысль прошла долгий путь от утопии к науке и выросла в реальную надежду человечества — в социалистическую идею, наполненную основательным научным содержанием и исполненную гуманизма.

Марксистская философия на основе раскрытия

глубинных «секретов» жизни общества и механизма его самодвижения, прежде всего базисной роли экономики, учтя многое позитивное из прошлых социалистических учений, придала социализму качество действенной научной теории.

Центральным пунктом здесь является разработка естественно-исторической логики развития человечества: от первобытного коммунизма к частнособственнической эпохе — рабовладению, феодализму, буржуазному обществу, а от нее — к торжеству общества с общественной собственностью, позволяющей в полной мере раскрыть индивидуальность человека, перейти в действительное «царство свободы» — в эпоху положительного гуманизма.

Философская основа марксистской концепции социализма — идея отчуждения. В соответствии с ней над человеком, всем человечеством в ходе и результате стихийного общественного развития начинают господствовать чуждые, слепые силы, и преодоление этих сил и отсюда действительное освобождение человека — суть социалистических преобразований.

В полном согласии с этим в сердцевине социалистической идеи марксизма — человек, его интересы, его счастье, его свобода. Можно уверенно утверждать — и это, быть может, то, что образует стержень социалистической идеи, — марксизм придал свободе человека глубокий, по-настоящему гуманистический смысл. Этот смысл заключается не только в том, что, по Марксовым словам, свободное развитие каждого является условием свободного развития всех, но и в том еще, что преследуется цель освобождения труда и человек освобождается от господства внешних демонических сил, в том числе товарного фетишизм-

ма. Возможно, отрицательное отношение К. Маркса и Ф. Энгельса, а затем до начала 20-х годов нашего века и В. И. Ленина к товарно-денежным отношениям было продиктовано в основном стремлением освободить человека от неумолимой диктатуры вещей-товаров и наладить непосредственно общественное производство, обмен, распределение.

К стержню социалистической идеи относятся и начала глубокой социальной справедливости, их последовательное выражение в сфере производства, обмена и распределения (принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду»), начала социального равенства.

Все это и наполнило социалистическую идею светом человечности.

ЧТО ВЫЯСНИЛОСЬ ПОТОМ! Мыслитель — всегда сын своего времени. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, их сподвижники утверждали и развивали социалистическую идею в сложной исторической обстановке. Эта обстановка характеризовалась своими «социалистическими стереотипами», острым противоборством различных течений и версий, политической, идейной, а то и личностной борьбой лидеров движения.

И вот сейчас, по прошествии более чем ста лет, из опыта проб и ошибок, проверки теоретических предположений и постулатов практикой с достаточной отчетливостью видятся те грани марксистской социалистической идеи, которые, пожалуй, тоже обнаружили свой утопический характер, не оправдали себя, обернулись издержками и требуют раздумий.

Мне представляется, что в противоборстве с поверхностными и ложными социалистическими веяниями Маркс и Энгельс попытались охарактере-

ризовать социалистическую идею прежде всего в ее наиболее привлекательном, завершенном виде. По существовавшей в то время устойчивой традиции предпринимались попытки обрисовать будущее общество в конкретно зримом, завершенном образе, да к тому же так, чтобы этот образ контрастировал с существующей действительностью, с той вакханалией эгоистических интересов, которая тогда была неотделима от частной собственности, стихийного товарно-рыночного хозяйства.

Отсюда, думается, проистекает доминирующая направленность в прогностической обрисовке будущего общества на итоговый результат, на завершающую цель рабочего движения — коммунизм. Вот почему в программном и, несомненно, пропагандистском документе — в «Манифесте Коммунистической партии», а затем в одной из последних работ Маркса — в «Критике Готской программы», на первый план выдвинут дальний, конечный результат движения (а за социализмом оставлено место начальной, чуть ли не промежуточной фазы). Отсюда же трактовка коммунистического производства как непосредственно-общественного, признание прямого продуктообмена вместо рынка, провозглашение принципа распределения «по потребностям» (о нем — разговор особый).

Между тем, как становится все более ясным, акцент на такого рода итоговые характеристики, одновариантность которых, впрочем, никогда не постулировалась, не согласуется с основополагающими философскими подходами и научной логикой марксистской социалистической идеи, которая неизменно опиралась на факты, на закономерности истории.

Такая же ориентация на дальний прогноз развития, думается, нацелила не на оценку и эф-

фективное использование социалистического потенциала реалий и механизмов развивающейся действительности, и в первую очередь потенциала все более оправдывающих себя институтов цивилизации, а на допустимость и оправданность в ряде случаев революционно-насильственных действий, на диктаторское построение власти, на диктатуру пролетариата. Моменты утопизма в работах К. Маркса и Ф. Энгельса сомкнулись здесь с постулатами, уводящими в сторону от основополагающего принципа социалистической идеи в ее гуманистическом звучании — действительной свободы, а значит, и всесторонней демократии.

Все это ни в коей мере не перечеркивает действительно главное в марксизме — демократической и гуманистической сути социалистической идеи. Именно — демократической и гуманистической. Вполне понятно поэтому, что само революционное движение, основанное на марксизме, сформировалось и стало при жизни К. Маркса и Ф. Энгельса, а затем и В. И. Ленина развиваться как демократическое, охватывающее социальную сферу, ее основу — экономику, т. е. как социал-демократическое под руководством социал-демократических партий.

О СООТНОШЕНИИ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА Если исходить из гуманистической и демократической сути социалистической идеи, основанной на марксизме, то, думается, необходимо более точно расставить акценты в соотношении понятий «социализм» и «коммунизм».

Мое предположение на этот счет таково. Действительно, социализм и коммунизм — две фазы движения человечества в рамках высшего

для цивилизации социального строя. Но социализм — это никакая не «низшая» фаза, не некая «промежуточная» ступень, а непосредственная и полная реализация социалистической идеи. Социализм уже реализует и разворачивает демократические и гуманистические потенции, накопленные человечеством, потенциал ценностей цивилизации, дает свободу обществу и каждому человеку на основе обобществления средств производства, освобождения труда. И уже сейчас, в обозримое для людей время, строй социализма в его демократическом и гуманистическом значении должен стать прямым и полным результатом революционного преобразования общества.

А коммунизм как «высшая» фаза?

Главное, что должно определить коммунистическое будущее человечества, — это предсказанные К. Марксом «царство свободы», эпоха положительного гуманизма, наступающие в результате снятия отчуждения человека от порождаемых им общественных форм и производительных сил. При этом едва ли оправданно, как это порой утверждают, связывать эпоху положительного гуманизма со временем, которое наступит «после коммунизма»: без указанных черт коммунизм теряет смысл, он остается в таком случае строем с «диктатурой», насильственным преобразованием и т. д. и никак не связывается с гуманным, демократическим строем.

Что же касается таких гипотетически прогнозируемых атрибутов коммунизма, как прямой продуктообмен, устранение из жизни людей товарных отношений, пусть они будут дальним прогнозом, заветной и зовущей целью.

Наступит ли все это?

Верю, наступит. Должно наступить. Шансы для реализации такого дальнего прогноза существуют:

они в преодолении крайностей отчуждения, порождающих «непокорных демонов», в свободе и положительном гуманизме, облагораживающих человека, все человечество и способных утвердить действительную гармонию в общественной жизни. Но может и должно наступить только путем органичного и естественного развития того, что является реализацией социалистической идеи, — социализма в его демократическом и гуманном значении. Коммунизм, стало быть, — не вообще некая «высшая фаза», а лишь более высокий этап развития социализма, когда раскроется «все человеческое».

Читатель, кстати, легко заметит, какая глубокая, последовательная связь существует между концепцией гуманного, демократического социализма и прогностическими характеристиками коммунизма как «царства свободы» и эпохи положительного гуманизма. К тому же коммунизм в предложенном его понимании вовсе не должен быть концом, венцом развития человечества, а может быть таким его этапом, когда, по моему убеждению, действительная История человечества и человека в контексте развития всего мироздания только развернется (некоторые предположения на сей счет сделаны в последней главе).

ЛЕВОКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ

Первые десятилетия XX века, когда революционные бури все чаще возникали в набирающем темпы мире, в социал-демократическом движении наметилось размежевание — на умеренное, и даже правое, крыло и крыло левое, радикальное. В России это выразилось в «меньшевизме» и «большевизме», что в конечном счете привело к расколу в социал-

демократическом движении, единой социал-демократической партии.

В канун Октября эта поляризация в российском социал-демократическом движении приобрела еще более острый характер. В обстановке кризиса старого строя, решительных действий по преодолению угара шовинизма в перипетиях первой мировой войны, в предгрозовое время приближающейся революции в социал-демократическом движении возобладали левокоммунистические, радикальные, романтические ориентации. Этому способствовали атмосфера противоборства с правым крылом социал-демократии, с ее умеренными, центристскими группами, непростая логика внутривнутрипартийной борьбы, стремление представить определенный взгляд в виде единственного варианта истинного марксизма, порой чисто личностные эмоции, претензии, амбиции.

Появилось немало и тех, кого еще А. И. Герцен называл «хористами революции», — людей с большим самолюбием, но с малыми способностями, с огромными притязаниями, но без выдержки и силы на труд.

Быть может, наиболее коварную роль сыграло здесь революционное нетерпение, расчет на то, чтобы решить задачи пролетарской революции одним махом, одним могучим ударом и после завоевания власти чуть ли не в шестимесячный срок (так считал в те годы и В. И. Ленин) утвердить непосредственно-коммунистические формы жизнедеятельности. Отсюда смена названия партии — не РСДРП, а РКП(б), не социал-демократическая, а коммунистическая.

Были тут и известные объективные предпосылки.

В России — это отсутствие стойких демократи-

ческих традиций, фактическая невозможность крупных преобразований в отсталой стране без жесткого насилия.

Дух энтузиазма, революционного порыва, самоотверженности — все то, что стимулировала левокоммунистическая, романтическая ориентация, конечно же, питали огонь победы в Октябре, в гражданской войне. Более того, такая ориентация в пылу потрясений и революционных схваток обострилась и ожесточилась, приняла крайние формы, вылилась в красный террор, в братоубийственную ненависть. Такие настроения, романтизированные героикой и жертвенностью революционной поры, в немалой степени сохранились и в последующие годы, в годы индустриального развития страны и даже в годы Великой Отечественной войны, во многом предопределив тот героиковозвышенный (хотя и грубовато крутой) строй нравственных отношений и ту чистую духовную атмосферу, которая неосновательно порой приписывается сталинскому режиму (в действительности она только нещадно и своекорыстно эксплуатировалась им).

Но это все явления морально-психологического, духовного характера. Что же касается самой политики, выражающей левокоммунистические, радикальные ориентации, то здесь картина иная. Столкнувшись после Октября со сложными, неподатливыми реалиями социальной действительности, она трансформировалась в экономическую и социальную политику военного коммунизма, сделала крен в сторону насилия и прямого принуждения, взяла на вооружение идеи примитивного равенства.

Существовала ли идейная опора для такой левокоммунистической версии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса? Да, существовала.

В тех суждениях, в которых придавалась непомерная значимость государству, революционному насилию, в суждениях, хотя и не развернутых, о диктатуре пролетариата. И в тех итоговых, гипотетически формулируемых предположениях о непосредственно-общественном производстве, прямом распределении и др., которые они относили к коммунизму (причем возможность «грубого коммунизма» предполагалась как вероятная первая стадия преобразования общества).

Здесь же, в обстановке яростных революционных бурь, накопившегося нетерпения, романтического угара близкой победы, все это представилось в рамках левокоммунистической ориентации как дело немедленной, сегодняшней практики.

Ключевое же в марксизме — преодоление отчуждения, движение к свободе, к гуманизму — было утрачено.

Теперь прямой вопрос: были ли вожди большевизма во главе с В. И. Лениным приверженцами такой левокоммунистической версии? Да, были. И если исходить из реального положения дел, в то время в России, видимо, не было иного выхода из надвигавшегося социального и экономического хаоса, кроме того, который предлагался этой версией.

Тут — редкостное, парадоксальное совмещение несовместимых линий — исторически ложной идейной версии в общественном движении и мига исторической необходимости в социальном действии. К тому же попытка внедрить непосредственно коммунистические начала в производство и распределение, притом в жестких, насильственных формах, подталкивалась суровой реальностью вспыхнувшей гражданской войны, когда трудовая повинность, продразверстка, карточная система

диктовались суровой обстановкой военного времени (впоследствии, как известно, только это обстоятельство и выдвигалось в качестве обоснования введения политики военного коммунизма).

К чему это привело? Что реально дал военный коммунизм?

Он дал победу в кровавой гражданской войне.

Одновременно он привел к краху экономики. Разрушенное империалистической войной народное хозяйство России лишь на методах принуждения, разверстки, карточной системы способно было выдержать испытание гражданской войны. Но они оказались губительными в нормальной хозяйственно-экономической жизни. Резко снизилась производительность труда, возросло недовольство населения продовольственным положением, участились вооруженные выступления против властей. Прислушаемся к тому, что говорил В. И. Ленин осенью 1921 года: «Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 года». Итак, глубокий экономический и политический кризис! И основная причина этого — непосредственно-коммунистический подход!

Но и это не самое роковое и трагическое. Военный коммунизм периода гражданской войны дал своего рода импульс последующему, после смерти В. И. Ленина «грубому коммунизму», подхваченному и еще более огрубленному Сталиным, сталинистами. Романтизированный и возвеличенный в произведениях «социалистического реализма» и «ученых» трудах историков — апологетов сталинизма, военный коммунизм стал почвой, на

которой взросли семена идеологического оправдания продолжения политики диктатуры, красного террора и массовых расправ во имя «великой цели», лжи и мистификаций.

И еще один, уже теоретический момент, связанный с идеологией и практикой военного коммунизма. Военный коммунизм в любом его обличье неизбежно ведет к усилению и концентрации неконтролируемой государственной власти. Иной раз мы стремимся изобразить антигуманные и антидемократические явления, обозначаемые как культ личности, в виде «отклонений», нетипичных «деформаций» и т. д. А не настала ли пора признать, что левокоммунистическая версия социализма неизбежно предполагает усиление личной власти, неограниченную диктатуру и с этой точки зрения делает закономерным переход к тоталитарному режиму? Мне думается, что реальная политическая практика всех — да, всех! — социалистических стран, ставших на путь такой «модели социализма», а по существу левокоммунистической ориентации военно-коммунистического толка, дает основания для этого предположения. Ибо навязываемой версии сопротивляется сама жизнь, и чтобы сломить это сопротивление, приходится прибегать к насилию, а отрицание и отторжение сложившихся в цивилизации форм «умерения» государственной власти не создает сколько-нибудь существенных преград для развития этого процесса, в конечном итоге — воцарения режима диктатуры и самовластия. Правда есть правда: левокоммунистическая версия в социалистическом движении предполагает тоталитаризм как неизбежность, закономерность. И пожалуй, только высокая духовность и человечность таких лидеров, как В. И. Ленин (несмотря и на его приверженность

к радикальным мерам, да на излишнюю доверчивость и расчет на привычные демократические формы, когда тоталитарные структуры вообще-то уже начали складываться у него под боком, в партаппарате Сталина), могли в какой-то мере и на какое-то время предупредить или во всяком случае отодвинуть утверждение тоталитарного режима, режима самовластия.

путь к гуманному, демократическому социализму Тем не менее сама Великая Октябрьская социалистическая революция по своей объективной логике открывала путь к демократическому социализму в его глубоко гуманном значении. Главные лозунги Октября с этой точки зрения означали не что иное, как передачу средств производства и политической власти рабочим, крестьянам, солдатам.

И это представляло собой начало процесса преодоления антигуманного отчуждения трудящихся от форм их деятельности — решающее в Марксовом замысле социалистических преобразований. И хотя в работах Ф. Энгельса говорилось о том, что после отмены частной собственности средства производства поступят в обладание государства, по объективной сути революции (и это подтверждается ходом рассуждений о роли государства в ленинской предоктябрьской работе «Государство и революция», сводивших эту роль к контролю за мерой труда и потребления) не предполагалось тотальное огосударствление национализированного имущества, а затем огосударствление всей общественной жизни, что реально произошло в сложной обстановке военного коммунизма.

Наше же внимание не может не привлечь то обстоятельство, что при доминировании лево-

коммунистической ориентации в революционном движении, которой, кстати сказать, поддались и левые эсеры, именно В. И. Ленину принадлежит заслуга решительного отхода от нее.

Именно в годы безраздельного господства военного коммунизма В. И. Ленин определяет по отношению к нему свою отрицательную в целом позицию не только теоретически в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», но и на деле, реально, шаг за шагом и все решительней отходя от левокоммунистической идеологии.

Симптомы такого отхода, пожалуй, заметны уже в 1918 году, когда кровавые волны гражданской войны еще не захлестнули страну. В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин выдвигал на первое место задачу мирной организаторской и хозяйственной работы, что в атмосфере господствовавших тогда идей рабочего самоуправления означало бы фактическое овладение трудящимися средствами производства, обретение ими статуса хозяина. Прозвучала у В. И. Ленина в 1918 году (статья «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности») и мысль о многоукладности экономики.

А что такое Брестский мир, с таким трудом, в жестокой борьбе достигнутый благодаря усилиям, причем именно личным настойчивым усилиям, В. И. Ленина? Расчет на военную передышку, на то, чтобы избежать разгрома революции под натиском германской военной машины? Да, конечно. Но это было одновременно — внимание! — начало отхода от важнейшего постулата идеологии левокоммунистического движения — линии на «мировой пожар», на стимулирование революционной войны в Европе.

Или идея права и законности. После Октября — и это было усугублено братоубийственной гражданской войной — репрессии, красный террор

считались обычным делом революционной практики. И когда ныне выискиваются ленинские документы, в которых есть слова о необходимости расстрелов, актов возмездия в отношении контрреволюционеров, решительных мер против сопротивления контрреволюционных сил, то упускается из поля зрения, что таковыми были суровые и кровавые будни революции. Но нельзя пройти мимо того факта, что именно В. И. Ленин после завершения гражданской войны был первым, кто сформулировал задачу всемерного укрепления законности, кто пошел, быть может, не во всем последовательно, но все же прямо на разрыв с идеей революционной войны, с практикой репрессий, с карательной политикой военного коммунизма. Он говорил: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти..., тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности».

А потом решающее — переход к нэпу, который многими большевиками поначалу был встречен как отказ от непосредственно-коммунистических форм и возврат к капитализму. Конечно, и тут ближайшая причина замены продрозверстки продналогом (эту идею выдвигал и Л. Д. Троцкий), свобода торговли, введение аренды и другое — стремление выйти из бедственного экономического положения, в которое попала страна к концу 1921 года. Но это не просто пожарные меры, а политика, которая устанавливалась «всерьез и надолго», политика, представлявшая собой, говоря ленинскими словами, отказ от «непосредственного коммунистического подхода к задачам строительства...».

Окончательным же разрывом с левокоммунистической теорией и практикой является положение, решительно сформулированное Владимиром Ильичем при рассмотрении вопросов о коопе-

рации, — положение о том (выделю эти слова), что **МЫ ВЫНУЖДЕНЫ ПРИЗНАТЬ КОРЕННУЮ ПЕРЕМЕНУ ВСЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАШЕЙ НА СОЦИАЛИЗМ.**

Коль скоро ранее безраздельно господствовали теория и практика военного коммунизма, то слова «коренная перемена», «всей точки зрения», да к тому же с прямым указанием не на коммунизм, а на социализм, мне думается, не могли означать ничего иного, кроме как ориентировку на социализм демократического, гуманного облика, на возврат и восприятие ценностей социал-демократического характера, которые В. И. Ленин вместе с другими марксистами отстаивал до кануна революции.

И еще одно соображение, которое мне не так давно в книге о собственности и социализме уже довелось высказать. Кооперация, хозрасчет — все то, что относится к товарно-рыночным категориям, — вводились при сохранении господствующего положения социалистических принципов организации и регулирования. Именно это представляло собой принципиально новое в экономической жизни, давало уникальный опыт, имеющий мировое значение. И потому, мне думается, нэповские экономические процессы, развертывающиеся на социалистических началах, представили бесценный материал для экономических поисков и высокозначимых выводов. Они были осуществлены жившим тогда в России экономистом В. В. Леонтьевым и принесли впоследствии, в 1973 году, его трудам Нобелевскую премию. К великому сожалению, Россия, подарившая миру этот уникальный опыт, осталась глуха к нему. Наиболее активно в 30-е годы его стали осваивать шведские социалисты, признавшие, что он дал толчок к разработке «шведской» модели социализма.

ПОПЯТНЫЙ ПРОЦЕСС

Тяжелая болезнь и смерть помешали В. И. Ленину довести до конца работу по коренной пере-

ремене «всей точки зрения нашей на социализм». Увы, и сами крупномасштабные изменения того времени были сведены к «временным мерам», чуть ли не к одному лишь «хозрасчету», понимаемому как технико-организационное мероприятие. «Ленинизм» в интерпретации Сталина стал трактоваться в духе представлений и понятий времен гражданской войны, а сам нэп лишь как временная политика, отступление, которому приходит конец. Не повлияла на ход событий в СССР и развернувшаяся в 1928 году на VI Конгрессе Коминтерна острая дискуссия о том, представляет ли собой «военный коммунизм» прямой путь к социализму, а нэп — окольный. Хотя лидеры и теоретики движения уже понимали, что никогда нельзя рассматривать военный коммунизм как нормальную систему экономической политики, и связывали необходимость ликвидации рыночных отношений с обстановкой длительной гражданской войны или капиталистической интервенции.

В настоящее время события конца 20-х годов трактуются как контрреволюционный переворот, в результате которого Сталин узурпировал партийно-государственную власть в стране. Представления об узурпации Сталиным власти, в принципе, справедливы (хотя, строго говоря, это была лишь кульминация небывалой концентрации власти — процесс, начатый еще при жизни В. И. Ленина и его очень тревоживший). А вот насчет «переворота» нужно еще подумать. На мой взгляд, это был не переворот, а приостановка начавшейся было переориентации на гуманный, демократический социализм и возврат к политике и идеологии военно-коммунистического толка.

Конечно, это уже был военный коммунизм нового образца. Терминологически его прикрывал и освящал термин «социализм». Но социализм, фальсифицированный, наспигованный лживой фразеологией и ложными формулами, «победивший в одной стране», «стремительно движущийся вперед», от которого уже рукой подать до «настоящего коммунизма». (И — ах! — как его хотелось тогда. Вспомним и отдаленный отголосок, по существу, той же самой идеи в хрущевском — «Нынешнее поколение... будет жить при коммунизме».) Использовалась терминология нэповского периода: хозрасчет, доходы и др. Но аскетически-уравнительные, а главное, жестко репрессивные повадки этой политики развернулись в небывало широких масштабах. Вся страна оказалась огосударственным организмом, скованным безжалостной тоталитарной диктатурой. И если уж допустимо в каком-то условном смысле употреблять тут термин «коммунизм», то его точнее назвать даже не «казарменным», а «лагерным».

Как могло это получиться? Только ли потому, что В. И. Ленин не успел в полной мере развернуть идею гуманного, демократического социализма? Да, это существенное обстоятельство. Но не менее важно и то, что страна, партия не были готовы к переориентации на путь гуманно-демократического развития, многие из кадровых работников скрепя сердце, в виде временного отступления согласились на нэп. Как будто требовали возврата к доброму и героически-романтическому «коммунистическому старому» трудности хозяйственной жизни. Да и жестокая борьба за власть в верхнем эшелоне партийно-государственного руководства настраивала на то, чтобы слыть «самым революционным революционером». Порядки же военного

коммунизма манили к себе преимуществами беспрекословной дисциплины, стилем железной команды, практикой скорой расправы над «врагом». Как быстро и четко «сбылось все это»! Как беспощадно быстро перемолола сталинская кровавая мельница тоталитарного режима его же бывших почитателей и преданных соратников!

Итак, после смерти В. И. Ленина страна, по сути дела, была жестокой силой возвращена к политике военного коммунизма, прикрываемой частично настроениями революционного романтизма, а частично некоторыми элементами хозрасчетной экономики, искаженными лозунгами демократии и права. Эта практика военного коммунизма новой волны с его нацеленностью на приоритет и оправданность насилия, репрессий и расправ, с идеями примитивного равенства и уравнительности и составляет суть сталинизма — сталинского варианта левокоммунистической идеологии.

Сейчас, в нарастающих сложностях, проблемах и трудностях нашей сегодняшней жизни, мы видим горькие плоды реализации этой идеологии. Она оказалась несостоятельной как модель организации жизни людей в условиях мирного социального развития на началах, завоеванных социалистической революцией. Нет, не отдельные огрехи, недостатки и промахи нужно устранить в ходе обновления нашего общества, нужно изменить курс, продолжить на основе завоеваний Октября ту линию создания социализма, которая была намечена В. И. Лениным в последние годы его жизни. Задача чрезвычайно трудная, потому что слишком далеко ушли мы по пути сталинского левокоммунистического варианта, слишком развратил и обессилил всех нас сталинизм, слишком велики завалы и тупики, которые нужно разгрести, прежде чем

в полном объеме и без оглядок продолжить творческую, созидательную работу.

Под этим углом зрения можно хотя бы вкратце коснуться и фигуры «самого» Сталина — темы, чуть ли не самой сенсационной в последнее время, хотя уже изрядно приевшейся. Было бы крайним упрощением видеть во всех недостатках и прегрешениях прошлого лишь злую волю Сталина, даже (что ближе к истине) соединенную с этим коварную силу тоталитарной власти. Сталин, в сущности, сам оказался заложником своей жестокой версии левокоммунистического развития. Именно «своей», вытащенной на свет, сдобренной мифами, изощренно прикрываемой лицемерием и ложью, причем уже после того вся страна в 20-х годах попыталась развернуться в сторону хозрасчетного социализма.

Не отрицая пагубного влияния на деяния Сталина личных его черт — злобности, мстительности, злопамятства — и того, что эти «демонические» черты оборачивались для людей страшными трагедиями, будем все же рассматривать его прежде всего как деятеля, верно и последовательно служившего определенным идеям. Да и по-человечески он был, наверное, в этом убежденно последователен (вспомним его магическое влияние на Фейхтвангера, Роллана, Барбюса), в том числе в реализации своих взглядов, которые он (быть может, субъективно искренне) обозначал как «подлинно революционные», «подлинно ленинские», что в условиях, когда в свежей памяти еще жили Ленин, Октябрь, пленило многих его современников.

Все это означает, что и преступления Сталина — это преступления особого характера. Перед нами преступления как общественное явление, имеющее определенную мировоззренческую основу. И оценивать их и их осуждать нужно именно

как общественное явление, т. е. факт идеологического порядка, принесший неисчислимые беды и отбросивший нас назад в созидании гуманного, демократического социализма.

Когда П. Я. Чаадаев парадоксально предрекал: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники», — он вряд ли мог предвидеть современный парадокс возрождаемой социалистической идеи — она вновь обретает историческую правоту, когда посрамлены в своей неправоте ее мнимые защитники.

**К. МАРКС О
«ГРУБОМ КОМ-
МУНИЗМЕ»**

В наших уже довольно многочисленных рассуждениях о Сталине и сталинщине порой сквозит такая мысль: «К. Марксом было обосновано крупное преобразование общества на началах гуманизма и свободы... В. И. Ленин при нэпе в какой-то мере начал это воплощать в жизнь... А вот при Сталине все пошло вразнос неожиданно и негаданно...»

А так ли неожиданно? И так ли негаданно?

Приведу довольно обширную выдержку из Маркса. Внимание:

«Коммунизм... на первых порах... выступает как всеобщая частная собственность... В его первой форме является лишь обобщением и завершением этого отношения. Как таковой он имеет двоякий вид: во-первых, господство вещественной собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить все то, чем, на началах частной собственности, не могут обладать все; он хочет насильственно абстрагироваться от таланта и т. д. Непосредственное физическое обладание представляется ему единственной целью жизни и существования; категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей... Этот коммунизм,

отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием... У него — *определенная ограниченная мера*. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз... из возврата к *неестественной... простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее*.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капиталистом».

Ну, как?

Ныне мы подчас со скепсисом относимся к высоким оценкам интеллектуальной силы основоположников научного социализма. Быть может, это происходит от того, что перед нашими глазами — по большей части искаженное и фальсифицированное изложение их идей.

А вот тут — обнаженная мысль.

Ведь мы только-только сейчас, в последние год-два начинаем постигать, что наша хваленая общенародная государственная собственность — это никакая не общественная, а по сути, частная собственность ведомств, что отношения по труду — это отношения найма, что наша бедность и простота — это неестественная бедность и неестественная простота и т. д. А ведь все это было буква в букву предсказано К. Марксом свыше ста лет тому назад. Причем предсказано в сопоставлении с действительным социалистическим и коммунистическим преобразованием, которое связано с преодолением антигуманного отчуждения в обществе (т. е. с тем, что в этой книге характеризует-ся через понятие «непокорные демоны»).

Но не только на это хотелось бы обратить внимание читателя.

Левокоммунистическая версия в социалистическом движении — не просто некое заблуждение социалистов, вызванное особыми историческими обстоятельствами и субъективными причинами. «Грубый коммунизм» (по К. Марксу) — состояние, которое весьма вероятно на «первых порах» послереволюционного развития. И на мой взгляд, весь пафос Марксовых суждений состоит в том, что подобная возможность реализуется в действительность, если последовательно не проводится линия на устранение антигуманного отчуждения человека от средств производства, власти, труда, его результатов, линия, ориентированная на свободу и на гуманизм.

**О ВЫРАЖЕНИИ
«МАРКСИЗМ-
ЛЕНИНИЗМ»**

При жизни Сталина термин «сталинизм» не употреблялся. В ходу были выражения: «идеи Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина» или — что приравнивалось к приведенной формуле — просто «марксизм-ленинизм».

А его носителем провозглашался «продолжатель дела Ленина» Сталин.

Чем это было вызвано? Только ли тем, что было удобно прикрыться святым именем общепризнанного вождя революции? Нет, не только. Суть в том, что из многогранных, постоянно развивавшихся мыслей В. И. Ленина были взяты отдельные фразы или даже обрывки фраз, вырванные из контекста высказывания, которые так или иначе могли укрепить веру в «гениальную» сталинскую идеологию. В результате долгого, растянутого на десятилетия употребления «марксизма-ленинизма» именно в таком значении он приобрел

откровенно сталинский оттенок, стал выражением его, Сталина, взглядов.

Вот почему, как мне думается, мы ныне должны с известной осторожностью относиться к этому, казалось бы, безупречному выражению. Оно нуждается в таком новом переосмыслении, чтобы на первый план и во взглядах К. Маркса, и во взглядах В. И. Ленина были выдвинуты действительно человеческие, гуманно-демократические начала.

ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЦИАЛИСТИ- ЧЕСКОЙ ИДЕИ

Разные настроения и чувства вызывает начавшаяся в нашей стране перестройка. Трудности и надежды, кризис в экономике и обаяние гласности, вспышки национализма и нетерпение иных приверженцев обновления общества — это все то, чем характеризуется действительно революционный процесс. Но главное, что дала перестройка, — это Возрождение Идеи Социализма, социализма гуманного, демократического. Именно об этом идет речь в статье М. С. Горбачева о социалистической идее и революционной перестройке: «Сегодня перед нами стоит сложная задача возрождения авторитета марксистской мысли, марксистского подхода к действительности. В дальнейшей разработке концепции и политики перестройки, в понимании проблем развивающегося социализма нам необходимы все богатство марксистской методологии, мировоззрение и ценностные установки этой одной из самых влиятельных мировых идеологий».

Теперь несколько слов возможным оппонентам по вопросу, о котором в ином контексте уже говорилось. В прессе, в научных диалогах ныне зазвучали слова: «настала смерть коммунизма», «конец коммунизму»... Что ж, в споре порой не избежать крепких, безапелляционных выражений

(и мы везде долго-долго провозглашали «конец капитализма»).

Но давайте быть точными, учитывать то обстоятельство, что провозглашавшийся в пору сталинизма «социализм» по реальному своему содержанию был левокоммунистической версией в социалистическом движении. Этот «социализм» и впрямь мог быть назван «коммунизмом» и как практическая программа — чего и можно было ожидать — действительно обанкротился. Именно это — только это! — и нужно констатировать.

Но это ни в малейшей степени не относится к гуманному, демократическому социализму. К социалистической идее в целом, получившей всемирное признание. Так что будем точными.

И чтобы придать приведенным суждениям более широкий характер, сошлюсь на слова программного документа последнего, 18-го по счету Конгресса социалистического интернационала, состоявшегося в июне 1989 года в Стокгольме. Вот эти слова: «Идея социализма поразила воображение людей всего мира, способствовала возникновению успешных политических течений, решительным образом улучшила жизнь трудящихся и оказала влияние на ход событий в XX веке».

КвК — книга в книге

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Хотелось бы подкрепить, а может, и уточнить изложенные в этой главе соображения (а они в книге — центральные) более общими рассуждениями и продолжить сюжеты, содержащиеся в конце каждой из предшествующих глав.

Об историческом смысле Октября

Революция!

Переход общества на путь социализма означает первую в истории человечества революцию, приводящую к крутому повороту в его судьбе, а в определенном смысле в судьбе мироздания в целом.

Социалистическая революция и социализм, рассматриваемые в свете уже изложенных в предшествующих фрагментах положений, не есть простое продолжение того спонтанного, естественно-стихийного развития, которое началось от неживой природы и через сферу жизни устремилось дальше — к разуму, к обществу. Да и в рамках общественного развития они не просто очередная ступенька, логически следующая за предшествующими стадиями (а ступенька в накоплении ценностей цивилизации, ее восхождении на новый уровень). Ведь естественно-стихийная логика повела общество к нарастающим кризисам, к бесперспективному финалу. Глубокий смысл социализма в том и состоит, чтобы, восприняв все ценное, все человеческое в цивилизации, остановить такое стихийное развитие, исключить разрушительное действие на общество непреклонных, казалось бы, «демонических» сил, подчинить общественное развитие истинно человеческим, гуманным, демократическим началам. Социализм необходим для выживания человечества, для общественного прогресса.

Исходя из этого и нужно видеть исторический смысл Октября. Октябрьская революция в России, социалистические революции в других странах ставили цель устранить социальную несправедливость, передать власть людям труда, решить другие жизненно важные для них задачи. Но глубокий исторический замысел революции, ее исторический смысл в том, чтобы переделать мир на гуманных, демократических началах. Да и завоевание в ходе революции предпосылок для преобразований в экономике, в сфере власти и идеологии означало, что впервые в истории открылась реальная возможность глубокого пере-

устройства всего общества в соответствии с социалистической идеей.

К сожалению, социалистическая революция ограничилась завоеванием исходных предпосылок к переменам и овладению рычагами для реальных сдвигов. Именно к этому в масштабах истории свелось все дело. Само же развитие пошло иным путем — к тоталитарной диктатуре, к историческому тупику. Все это можно рассматривать как драматичный поворот в жизни общества, быть может, как историческую трагедию.

... Но тут появились «непокорные демоны»

За режим сталинщины, неосталинские, брежневские порядки нам приходится расплачиваться сегодня бедственной экологической ситуацией, кризисом народного хозяйства, резким ухудшением состояния потребительского рынка, расстройством финансового обращения, запущенностью многих участков духовной жизни, ростом преступности и т. д.

В чем тут дело, если вернуть разговор в плоскость тех категорий, о которых говорилось в предшествующих фрагментах?

А в том, что после Октября подкрались и негаданно ворвались в жизнь общества «непокорные демоны» и мало-помалу, но во все возрастающей мере обнаружили свою разрушительную силу.

Самый коварный из них — политическая власть.

Итог любого революционного переворота — завоевание политической власти, которая и должна стать мощным рычагом социальных преобразований.

Но недаром В. И. Ленин многие страницы книги «Государство и революция», созданной в самый канун Октября, посвятил тому, как ограничить всевластие чиновничества и военных, как идти шаг за шагом к отмиранию государства. И в последующем В. И. Ленин постоянно тревожился из-за роста «совбюрократии» с ее «комчванством» и другими пороками.

Мужественное решение о введении нэпа было направлено также на то, чтобы существенно сократить и упорядочить громадный управленческий аппарат (переход к нэпу сопровождался сокращением аппарата). Однако недолго длилась «нэповская весна». После смерти Владимира Ильича самодержавная власть Сталина воплотилась во всемогущей тоталитарной системе.

Мощная политическая власть в свою очередь дала жизнь централизованному хозяйству — тому, которое стало первоосновой административно-командной системы, а отсюда и всей жизни нашего общества. Созданная «сверху», огосударствленная экономика сама превратилась в предельно могущественного «непокорного демона». Она стала силой, которая в свою очередь императивно, жестко обусловила необходимость мощной хозяйственно-управленческой власти. Таким образом, рожденная под воздействием государственной, точнее партийно-государственной, власти, она укрепила саму эту власть, сделала неизбежным ее непрестанное разбухание и упрочение. Неотделимое от авторитарной власти бюрократическое, «плановое» хозяйство само стало в какой-то мере диктаторским, самодовлеющим, обрело «свою жизнь», поддерживая и умножая силу аппаратной власти.

С политической авторитарной властью и бюрократизированным народным хозяйством сроднилась и другая социальная сила из числа «непокорных демонов» — сталинская идеология. Абсолютизируя идею «диктатуры пролетариата», главенство единственной партии как источника власти, сталинизм возвеличил насилие и произвол, практику репрессий и расправ, монополию идеологических постулатов (вплоть до полного мракобесия, лысенковщины).

Время сталинщины, пожалуй без преувеличения, воплотило самые мрачные фантазмагии. Какие горестные и страшные страницы прошлого ... Когда «вожди», стараясь перещеголять друг друга, писали хлесткие резолюции на списках безвинных смертни-

ков, следователи в казематах ГУЛАГа изощрялись в пытках, а рядом возводились «великие сталинские стройки коммунизма», то за всем этим пряталось, если придерживаться терминологии данных фрагментов, неистовство вырвавшихся на простор «демонов» самовластия и фанатично-диктаторской идеологии.

Преобразования и произвол

К сожалению, и овладение рычагами социальных преобразований (об этом разговор в следующем блоке фрагментов) открывает реальную возможность не только для разумного переделывания мира, но и для произвольного их использования. Когда же в идеологии доминируют волюнтаристские цели и программы, как в идеологии сталинизма, а политическая власть концентрируется в руках группы людей или еще хуже — в руках одного человека, то это при отсутствии сдерживающих и регулирующих механизмов неизбежно приводит к негативным процессам и в области экономики. Приводит к потерям, кризисам, застою и упадку, в перспективе еще более страшным, чем в обществе, развивающемся на частнособственнической основе. Ибо произвольно определенные цели, широкомасштабные неконтролируемые испытания оружия, гигантомания при неэффективной экономике неизбежно ведут к вторжению в природную среду, к безудержному проеданию природных ресурсов, к прямому уничтожению природных объектов (иссыхающее Аральское море, Волга, превращенная в цепь стоячих озер), к безвозвратным потерям, к катастрофам — таким, как Чернобыльское бедствие.

И вот получается, что общество, по историческому замыслу способное предотвратить столкновение человечества с природой, этот конфликт в обстановке тоталитарного режима предельно обостряет и приближает его катастрофические последствия.

Казалось бы, разные это вещи — преобразования и произвол; но какая на поверку зыбкая граница

между ними. Так что преобразования (с тем, чтобы не вылиться в произвол) не должны выходить за известные границы, должны осуществляться в строгих параметрах, при помощи адекватных средств и механизмов.

На каких новых направлениях практической деятельности возможно обуздать «непокорных демонов», усмирить их жесткое, неумолимое действие, открыть широкую дорогу для созидания гуманного, демократического социализма?

Таких направлений, думается, три.

Первое. Это зримое (реальное) понижение уровня диктата экономики, политической власти, идеологии. Так, переход от бюрократического хозяйства к регулируемой социальной товарно-рыночной экономике, да при сохранении действенных регулирующих факторов должен, по расчетам, существенно понизить или исключить диктат экономики над всеми другими областями жизни общества.

Аналогичного результата можно ожидать от «умерения» и самой политической государственной власти, от насыщения ее демократическими, гуманистическими началами, эффективными формами организации (такими, как разделение властей), решительного сокращения аппарата, от строгого подчинения всех проявлений власти общественной потребности и закону. Очевидно, что и идеология должна ослабить свое всеохватывающее влияние на умы людей, из мрачного «демона» превратиться в просвещенное мировоззрение.

Второе. Это подчинение «непокорных демонов» нашей жизни тем светлым началам, которые содержатся в теории демократического социализма, прежде всего служению человеку, его возвышению.

И решающее тут — обеспечение свободы во всех сферах общества, прежде всего в тех, где господствуют или господствовали «непокорные демоны», — в экономике, политике, духовной сфере.

Отсюда — третье направление. Это развитие и обогащение в рамках свободы тех институтов цивилизации, тех ее достижений, которые служат возвышению человека, созданию действительно человеческих условий его жизни.

Указанным проблемам и будут посвящены следующие три главы.

МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ

Главное

Грани социалистической идеи

Суть социалистической идеи

К. Маркс об «уничтожении частной собственности» и «уничтожении труда»

Движение к свободе как глобальный мировой процесс

Социализм — закономерная степень цивилизации

Цивилизация

О каких ценностях цивилизации идет речь

От социализма — к коммунизму

Книга в книге. Размышления

ГЛАВНОЕ

Чем же отличается обновленный социализм, демократический и гуманный по своей природе, от военнo-коммунистического казарменного режима, существовавшего в доперестроечное время? Отсутствием таких явлений, как тоталитарные порядки, глобальное огосударствление общественной жизни, возвеличение государства, приоритет общественно-го, репрессии, принуждение и насилие в отношении личности?

Нередко в наших рассуждениях о социализме мы ограничиваемся положительным ответом на поставленный вопрос: устраним нарушения законности, обеспечим полновластие Советов, поставим во главу угла экономические методы — вот вам и социализм.

Однако здесь не «схвачено» главное и решающее в обновлении социализма.

Самое главное и решающее — всемерно использовать достижения цивилизации, интегрировать общечеловеческие ценности во всех сферах общественной жизни — экономической, политической, духовной.

Если вспомнить при этом ленинские мысли о социализме как строе цивилизованных кооператоров, о необходимости использовать достижения культуры предшествующих эпох, западноевропейского законодательства и другие, то, на мой взгляд, линия Октября — это линия на то, чтобы поставить достижения цивилизации на службу человеку, использовать их для его возвышения в обществе, для его счастья.

Что это значит — соединить социалистическую идею с общечеловеческими ценностями?

Сначала обратимся к самой социалистической идее.

ГРАНИ СОЦИАЛИСТИ- ЧЕСКОЙ ИДЕИ

Наверное, не найдется такого течения общественной мысли, такого социального движения, представители которого не объявляли бы, что они, и только они, ставят своей целью служить во благо человека. Скажу прямо: подобные декларации сами по себе мало чего стоят.

Весь смысл социалистической идеи состоит в том, что она, не ограничиваясь такой декларацией, включает в себя самое существенное, без чего служение человеку, его интересам невозможно. В чем же это существенное? В преобразовании общества, притом таком, когда в его жизнь вступают начала коллективизма, обобществления, социальной справедливости и на этой основе разворачиваются принципы гуманизма и демократии.

И вот тут обнаруживается — и это подтверждено практикой, выявилось в ходе и результате реализации соответствующих положений, — что социалистическая идея имеет несколько граней. И важно не только все эти грани учитывать, но и видеть среди них ключевую, главную, от которой зависят все остальные.

Надо думать, в социалистической идее отчетливо вырисовываются три основные грани, и соответственно этому можно зафиксировать три угла зрения на социализм, три аспекта его видения.

Первая грань — распределительные отношения, соответственно которым можно говорить об идеологии «распределительного социализма». Конечно, при любом понимании социализм предполагает разумную и справедливую организацию распределительных отношений, воплощающую принцип равенства. Но беда в том, что подчас чуть ли не все в социализме сводится к тому, чтобы наличные

богатства «поделить поровну», а принцип равенства получает прямолинейно-примитивную трактовку. Как ни покажется удивительным, именно такая идеология причудливым образом соединяется с левокоммунистической радикальной ориентацией в социалистическом движении, прямо выходит на лозунги «грабь награбленное», «экспроприация экспроприаторов», а на практике выливается в насильственные акции, «эксы» и мародерство. Впрочем, как раз это и характеризует «грубый коммунизм», свойственную ему неестественную простоту «бедного, грубого и не имеющего потребностей человека». Подобная идеология и подобная практика в итоге приводят общество к разложению, к аморфному, угасающему состоянию с доминированием в нем, с одной стороны, привилегированных, а с другой — люмпен-слоев, с агрессивной потребительностью, жадной наживы и разрушения. Увы, все это и получило общество в условиях сталинщины.

Вторая грань — отношения, выражающие заботу общества о человеке, развитие системы широких социальных услуг, что и позволяет говорить, скажем условно, о «социализме социальных услуг». Тут перед нами уж нечто такое, что напрямую сопряжено с разумными и благородными началами, ближайшим образом связано с сутью социалистической идеи. И быть может, самое примечательное заключается в том, что такого рода социальные услуги в немалой мере являются реальностью. Именно они характерны для «шведского социализма» и составляют его изюминку.

И, наконец, третья грань, раскрывающая самое существенное в социализме, — отношения собственности, их социализация, внедрение именно в эту основополагающую сферу начал коллективиз-

ма, обобществления, социальной справедливости, что дает возможность говорить о действительном социализме, о преодолении антигуманного отчуждения производителей от средств производства — неперменном и действенном фундаменте демократического и гуманистического содержания жизни людей.

Хотя эта грань социалистической идеи решающая, она оказалась наиболее дискредитированной в умах людей и на практике. Ибо до самого последнего времени она понималась почти исключительно как простое «упразднение частной собственности», заменяемой безграничным огосударствлением имуществ и всей общественной жизни. Да и на практике она только-только «проклюнулась» — завоевание исходных экономических позиций в результате социалистических революций, первые нэповские шаги у нас в стране, некоторые элементы обобществления в условиях «шведского социализма», неокapитализма, израильских киббуц.

И несколько слов о широко распространенном, но все же не более чем ложном стереотипе, о том, что применительно к социалистическим странам называют «коммунизмом».

Скажу еще раз: это не социализм и тем более не коммунизм, какие эпитеты тут ни добавляй — «бюрократический», «административный», «казарменный» и т. д. Перед нами тоталитарный строй, прикрываемый социалистической фразеологией (да еще, вспомним, есть тут исходные начала и некоторые деформированные элементы социалистического строя). И даже какой-то «моделью» социализма все это назвать нельзя. Здесь лишь заведомо обреченная и затем действительно обан-

кротившаяся левокоммунистическая версия в социалистическом движении, не больше.

СУТЬ СОЦИАЛИСТИ- ЧЕСКОЙ ИДЕИ

Теперь о социалистической идее в ее марксистском возрождаемом понимании. Сразу нужно отметить вот что. Социализм и социализация — не просто начала коллективизма, обобществления, социальной справедливости. Сами по себе не доведенные до отношений собственности, они на практике не идут дальше «социализма социальных услуг» или же оборачиваются «распределительным социализмом».

Суть социалистической идеи — преодоление антигуманного отчуждения человека от средств производства, результатов труда, власти, действительно человеческих, цивилизованных условий жизни, причем отчуждения, при котором общественные формы выступают по отношению к людям в качестве слепых, враждебных, чуждых сил («непокорных демонов»).

Что же дает такое преодоление отчуждения? Почему оно образует самую суть социалистической идеи?

Сначала остановимся на том, что, так сказать, бросается в глаза, — на зримом, очевидном в социалистической идее.

Первое. Это такая организация собственности, которая не давала бы одному человеку жить за счет труда другого, не калечила бы человека, не превращала его в эксплуататора, неудержимого эгоиста, неукротимо агрессивное в имущественной сфере существо. Вот почему через все учения, сформировавшие социалистическую идею, проходит мысль об отказе от частной собственности.

Мы увидим дальше, что эта мысль под углом

зрения марксистских взглядов на отчуждение должна быть понята не упрощенно и не прямолинейно, а более точно, корректно. Но при всем при том незыблемым остается принципиально важное: собственность, принадлежащая лицу, не должна уничтожать в нем человеческое, коверкать его как личность.

Второе. Это моменты обобщественности имущества, коллективности, общности, причастности каждого человека к другим людям, к общему нашему человеческому делу. Тут имеется в виду не только некий моральный постулат. Речь прежде всего идет о том, что все общество должно держать в своих руках такую ключевую сумму обобществленных материальных средств, ресурсов и богатств, которая могла бы предотвратить сползание человечества к трагическому финалу, способствовать ликвидации внезапных катастроф, а главное, оказывать постоянную и достойную помощь обездоленным, несчастным, немощным, попавшим в бедственное положение, прежде всего детям, старикам, инвалидам и одиноким.

Третье. Это реальное осуществление начал социальной справедливости и прежде всего справедливого и делового (на мой взгляд, единственно справедливого и делового) принципа организации жизни: от каждого — по способностям, каждому — по труду. Не хочется говорить громкими словами, но этот принцип (если исключить некоторый императивный оттенок, звучащий в словах «от каждого...») вобрал в себя все истинно человеческое и глубоко справедливое. Да, человек может дать обществу, другим людям и себе тоже только то, на что он способен, и иного требовать от него нельзя, это было бы неразумно, нереалистично и жестоко. А вот получить от общества, от всего

того, что человек в меру своих способностей сделал, совершил, добился, он может только (только!) соразмерно своему труду. Все другое уже от милосердия, о котором только что говорилось.

И четвертое. Это такое состояние общества, такая степень его отрыва от факторов, вызывающих отчуждение, когда оно не находится в жесткой, диктаторской зависимости от «демонических» сил — от неконтролируемо развивающейся на основе частной собственности экономики, от тоталитарной политической власти, от вездесущей непреклонной идеологии.

Тут, думается, проблема проблем нашего исторического выбора — осуществления социалистической идеи. Конечно, людям никуда не уйти от экономики — основы общественной жизни, неизбежны определенная форма общественной власти и доминирование каких-то идей. Однако нужно, чтобы все это — будь то политическая власть, безжалостная экономика или одурманивающая идеология — не стало фатальным, беспросветным рабством, безжалостной тотальной диктатурой.

Но и эти зримые, очевидные черты социалистической идеи в полной мере не раскрывают еще ее сути, точнее, всей ее сути. Тем более, что взятые сами по себе, огрубленные и упрощенные, они также могут совмещаться с «грубым коммунизмом», с тоталитарной диктатурой; и это, как мы видели в отношении сталинского режима, ведет к еще большему отчуждению человека от средств производства, от труда, его результатов, от власти, от действительно человеческих условий жизни.

Ядро социалистической идеи в марксистском ее понимании — это СВОБОДА. Та свобода, которая только и может наступить, когда преодолено закрепощающее отчуждение человека от средств

производства, результатов его труда, собственности и утверждаются истинно человеческие условия его жизни, построенные на гуманизме и демократии. Именно она, такая свобода — единственно реальная основа для того, чтобы достигнуть в будущем венца социалистического развития — глубокой духовности, истинной нравственности, высвободившихся от гнета внешних демонических сил — всего того, что составляет благополучие души человека.

Уточняя понятие свободы, наступающей в результате преодоления отчуждения, кратко проанализирую несколько сформулированных К. Марксом положений.

**К. МАРКС
ОБ «УНИЧТОЖЕНИИ
ЧАСТНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ»
И «УНИЧТОЖЕНИИ
ТРУДА»**

Широко известна марксистская формула о том, что коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: «уничтожение частной собственности». Мы обычно понимали и до сей поры понимаем приведенную формулу предельно упрощенно и прямолинейно (это относилось и к автору данных строк) — как отмену, упразднение частной, персонифицированной собственности индивидов на вещи, ее замену собственностью общественной — общенародной, государственной.

Между тем внимательный анализ Марксовых взглядов показывает, что «уничтожение» следует понимать не просто как «упразднение», «отмену», а как — это тоже выражение К. Маркса — «положительное уничтожение», т. е. снятие, освоение частной собственности. Да, да — снятие, освоение! Такой процесс, который что-то упраздняет, но при этом предполагает сохранение всего позитивного,

положительного, что несет потенциал частной собственности.

Но и не это самое существенное.

Должно привлечь внимание то обстоятельство, что Маркс одновременно со словами «уничтожение частной собственности» говорит и об уничтожении — чего бы вы думали, читатель? — он говорит об уничтожении... труда (?!). Как так? Труд — основа всего, что делает человека человеком, источник средств его существования, всех богатств. По Марксу же, прогрессивное развитие должно привести к уничтожению, или, иначе, к устранению труда...

Разгадка такого, казалось бы, необычного утверждения в том, что К. Маркс рассматривает частную собственность и труд как результат отчуждения. Труд, писал он, есть «выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения» и здесь труд есть сила, которая стоит над индивидами.

Словом, и в отношении частной собственности, и в отношении труда «уничтожение» понимается именно как преодоление отчуждения. И в качестве итогового эффекта такого преодоления должно наступить применительно к труду его превращение в «самодеятельность».

Запомним эту пока не совсем ясную, быть может, мысль (о «превращении труда в самодеятельность»), а сейчас возьмем из нее то существенное, что требует логика изложения материала данной главы.

Свобода, к которой должны прийти люди в процессе преодоления отчуждения, — это освобождение их от того демонического, что выражает стихийная экономика — частная собственность и труд, оторванный от производителя, довлеющий над ним. При этом Маркс имеет в виду не «свободу труда», которая характерна для капитализма

и связана с возможностью беспрепятственной купли-продажи рабочей силы путем найма, а вот что: «Труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить». Значит, следует двигаться в направлении освобождения труда в том смысле, чтобы превратить его в «самодеятельность». А если посмотреть на проблему более широко — в направлении создания в обществе действительно человеческих условий жизни, гуманизма и свободы.

Непросты эти суждения К. Маркса, есть в них нечто от гегелевских схем и гегелевской фразеологии. Но именно в них — суть социалистической идеи в ее подлинно марксистском понимании, именно поэтому применительно к коммунизму употреблялись выражения «эпоха положительного гуманизма», «царство свободы». Это — то решающее, что потом в зигзагах социальных процессов во многом было затенено властными отношениями, политической борьбой, «диктатурой пролетариата» (и более того, канонизировано в обстановке господства левокоммунистической ориентации в социалистическом движении). Лишь ныне в рамках концепции гуманного, демократического социализма мы возвращаемся, и то не сразу, к этой поистине научной «основе основ» социалистической идеи, которая заложена К. Марксом. Возрождаем ее.

**ДВИЖЕНИЕ
К СВОБОДЕ
КАК ГЛОБАЛЬ-
НЫЙ МИРОВОЙ
ПРОЦЕСС**

Социалистическая идея — и это примечательный момент — находится в согласии с глобальными, мировыми процессами. Да и само ее развитие, утверждение, раскрытие ее гуманного, демократического потенциала — тоже глобальный процесс.

В последние десятилетия мы настойчиво говорим о глобальных проблемах — таких, как проблемы войны и мира, экологическая, энергетическая, и др. Между тем необходима более широкая постановка вопроса: о мировых, глобальных *процессах*. «Проблемы» — лишь одно из проявлений таких процессов, выражающее главным образом конфликт человечества с природой — и с окружающей средой, и с природой самого человека.

Но конфликт — конфликтом. А первейший позитивный глобальный процесс — это *общее нарастающее движение к свободе, все большее утверждение ее в жизни стран планеты и понимание ее людьми как высшей ценности*.

Первый порыв ветра свободы пронесся по миру после эпохи Реформации и Просвещения, в свершениях антифеодальных, буржуазных революций, провозгласивших освобождение людей от диктата монархической власти, удушающей непреклонной фанатичной идеологии и начертавших на знамени прогрессивного человечества принципы свободы, равенства, братства, естественных прав человека.

Второй порыв — это Октябрь.

Глубокий смысл Октября — в завоевании исходных позиций, ведущих к освобождению людей от экономического гнета, от порядков, позволяющих собственникам эксплуатировать и угнетать экономически слабого человека, присваивать результаты его труда. Увы, после братоубийственной круговерти гражданской войны, после кровавого смерча сталинских репрессий получилось, что Октябрь стал не выразителем указанной гуманистической миссии, а едва ли не синонимом «диктатуры», «грабежа награбленного».

И все же, когда ныне в мире подходит к завершающей стадии процесс освобождения от

политической тирании и диктата авторитарной, непреклонной идеологии (и это изображается многими на Западе как торжество либеральной демократии), будем помнить, что победное шествие институтов демократии, ее парламентских форм, выражающих общечеловеческие ценности, происходит в странах, которые испытали обновляющее «потрясение» Октябрем, получили от него новый импульс к свободе в ее самом глубоком человеческом значении.

А главное, что согласуется с самой сутью социалистической идеи в марксистском ее понимании, — это освобождение человека, человечества от «демона» стихийной экономики и утверждение истинно человеческих условий жизни. Мы отчетливо видим теперь — проблем тут немало. Но переболев упрощенными левокоммунистическими представлениями, возлагавшими все надежды на предельное государственное обобществление средств производства, мы приходим к тому, что источник истинной свободы — *в освобождении от слепых сил стихийной экономики, прежде всего в освобождении труда.*

Подводя краткий итог сказанному и формулируя в связи с этим уточняющие положения, хотелось бы обратить внимание вот на что.

Разумеется, говоря о свободе, нужно различать свободу личности и свободу общества в целом, при всей очень глубокой их взаимосвязи. Но не заметил ли читатель в Марксовых рассуждениях о «грубом коммунизме», о преодолении отчуждения проскользнувшую почти незаметной тенью мысль о том, что промежуточным звеном, а в действительности активным центром свободы людей являются их трудовые сообщества, в которых и должны утвердиться действительно человеческие

условия их жизни. В дальнейшем мы увидим, что К. Маркс придавал решающее значение свободным ассоциациям производителей, — мысль, которую В. И. Ленин в конце жизни выразил формулой «цивилизованные кооператоры».

И еще. Из изложенного ясно, что необходимо четко различать свободу: а) духовную, б) политическую, в) экономическую в самом глубоком ее смысле. Историческая последовательность развертывания всех этих «свобод» именно такая: эпоха Реформации и Просвещения заложила основы духовной свободы, буржуазные революции — важнейшие начала политической свободы, социализм призван углубить свободу до самой ее основы — до свободы в сфере собственности, труда. Но вот в реальном социальном действии зависимость другая, обратная: сначала в обществе нужно утвердить экономическую свободу, от нее во многом зависит свобода политическая, а увенчать все это должна свобода духовная — благополучие души. В такой последовательности и будут охарактеризованы основные элементы социалистической идеи.

**СОЦИАЛИЗМ —
ЗАКОНОМЕРНАЯ
СТУПЕНЬ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Сама по себе социалистическая идея, идея свободы — это идеал, который характеризует общество, обретающее свое человеческое качество.

Ну, а что все это будет означать реально? «Золотой век»? «Земной рай»?

Скажу со всей определенностью, что традиционные в социалистических учениях конкретно-образные модели социализма, а тем более коммунизма создавали превратное, порой сусально-паточное изображение «светлого будущего» (где

все «по потребностям»), придавали ему нереалистический, а то и по свойственной человеческой натуре мечтательности сказочно-мифологический облик, т. е. были лишены научности. Когда же предпринимались попытки воплотить в реальность рассчитанные на далекое будущее предположения о коммунизме и прежде всего коммунистическое распределение и непосредственно-общественное производство, то это неизменно оборачивалось сокрушительным крахом. Как показал многовековой опыт, эксперименты с социалистическими общинами и коммунами, проводимые то там, то здесь на волне неиссякаемого энтузиазма, лишь тогда приносили плоды, когда их участников сплачивала религиозная идея или догматическое верование. Один из «непокорных демонов» — идеология — и тут продолжал оказывать свое воздействие. Пожалуй, только израильские киббуцы (своеобразные общины), где на началах добровольности обобществлена и личная собственность (они охватывают 3 процента населения страны), во всяком случае тех из них, которые построены не на религиозной основе, дают некий образец социализации жизни людей. Хотя следует видеть, что киббуцы, как и иные подобные образования, существовали и существуют в общем контексте частнособственнических отношений — обстоятельство, надо сказать, немаловажное.

Надо признать принципиально несостоятельными попытки строить «воздушные замки» — загодя создавать конкретные модели, под которые надо подгонять нашу грешную действительность. Как говорится, избави нас бог от всего этого самообольщающего «лукавства».

Основная линия осуществления социалистической идеи — это практическая работа по созиданию нового общества, которая должна опираться на реалии сегодняшней действительности, на ее резервы и потенции, осваивать естественно-исторические тенденции.

Рассматривая с этих позиций Марксовы мысли об отчуждении, о необходимости его преодоления и утверждения в обществе гуманизма и свободы, нужно обратить внимание на то, что они не просто не получили развития. Главное, идеологизированное развертывание социалистической идеи и в еще большей мере практика социалистического движения как бы сбились с генерального курса, ушли в сторону политической борьбы, проблем власти, ее завоевания, полного отрицания и разрушения прошлого «до основания» (что затем стало предпосылкой для левокоммунистической ориентации, выдвигания на первый план и гиперболизации положений о «диктатуре пролетариата» и т. д.).

И, наверно, самое исторически огорчительное во всем этом «изломе», идейной драме то, что были открыты шлюзы для левокоммунистической версии в социалистическом движении и тем самым прервана логика развития социалистической идеи в марксистском ее понимании — нацеленность на всемерное использование в ходе практической, созидательной работы достижений цивилизации во благо человека. А ведь это вытекает из самой сути социализма, его гуманистической, демократической природы.

Вовсе не случайно, скажем в связи с этим, К. Маркс называл коммунизмом «действительное

движение» — движение, которое, преодолевая прошлое, берет из него все позитивное, накопленное цивилизацией.

И самое, быть может, существенное — это то, что социалистическая идея в марксистском ее понимании не просто совместима с достижениями цивилизации, общечеловеческими ценностями, а нацелена на свободу, гуманизм, прямо предполагает их использование.

При таком подходе к социализму, к его идеалам и принципам нам придется расстаться с закостеневшими догмами, вызванными только что упомянутым «зигзагом» в развитии теории социализма, его отклонением от магистрального пути, преодолеть стереотипы, отказаться от недоброго, заидеологизированного взгляда на собственность и собственников, на товарно-рыночное производство и прибыль, на «внеклассовую» мораль и вечные заповеди.

И дело не в том, чтобы отсесть от исторически сложившихся институтов и регулятивных механизмов цивилизации такие проявления, которые связаны с частнособственническими, эксплуататорскими стадиями человеческой истории. В полной мере вряд ли возможно устранить подобные «тени прошлого» (да всегда ли и нужно это?). Задача состоит в том, чтобы выявить и в полной мере раскрыть их общечеловеческий, «цивилизованный» потенциал. И социалистическая идея, построенная на научном, гуманистическом мировоззрении, на марксизме, способна выполнить такого рода очистительную, облагораживающую роль. Не в этом ли, в такой очистительной и облагораживающей роли

по отношению к наследию цивилизации, состоит также историческое предназначение социализма? Наверное, так. Но будем помнить уроки прошлого: рычаги власти и регулирования, как будто бы призванные служить воплощению социалистической идеи, могут быть использованы и в своекорыстных целях, в том числе для того, чтобы насадить в обществе порядки, органически чуждые социализму, создать режим самовластия, совершить кровавые преступления перед собственным народом и всем человечеством, углублять конфликт с природой. И выходит, задача состоит в том, чтобы заложить, органически внедрить механизмы и институты цивилизации в самую плоть структур общества, в первую очередь в его экономическую основу.

Таким образом, органический порок нашего прошлого состоит в том, что «изломы» в развитии теории, а затем военно-коммунистический, казарменный строй, отклонившись от магистрального пути развития социалистической идеи, порвали с общечеловеческими ценностями, с крупными и социально значимыми достижениями цивилизации, хвастливо и цинично противопоставили им себя, выдумали собственные мифы, рекламировали свои примитивные формы равенства и потребительской справедливости как «качественно противоположные» формам, уже известным человеческой истории. Увы, и мы, обществоведы, поддались гордыне и бахвальству, а в наших трудах, наряду с попытками научного анализа реальных процессов, отдали немалую дань выдуманным нами же мифам и догмам.

Таким образом, если попытаться предельно кратко охарактеризовать социализм в научном его понимании, то можно, пожалуй, сказать так: *социализм — это гуманный, демократический общественный строй, в котором в соответствии с социалистической идеей общечеловеческие ценности, достижения цивилизации поставлены на службу человеку, его высокому положению в обществе.*

Но что такое достижения цивилизации? И вообще цивилизация?

ЦИВИЛИЗАЦИЯ   О цивилизации в общем виде уже говорилось, когда речь шла о кругах прогресса. В науке ей посвящено немало интересных и поучительных страниц, но по замыслу настоящей работы вовсе не требуется пускаться в их подробный анализ. Будем понимать под цивилизацией ту начавшуюся в эпоху зародившегося производящего общества и продолжающуюся поныне историческую стадию и ту сумму объективированных достижений ума и труда, которые в соответствии с развитием общечеловеческих начал обеспечивают нормальное функционирование человеческого общества при минимуме потерь и при максимуме полезных для человека результатов. Несовершенство такой дефиниции для автора этих строк очевидно, но как рабочее определение оно, видимо, будет вполне достаточным при дальнейших рассуждениях.

Первое и исходное (хотя, быть может, и не самое главное) состоит вот в чем.

Институты цивилизации, которые сформировались в процессе многотрудного пути человечества,

в его взаимодействии с природой и в своем противоречивом развитии, являются общечеловеческими ценностями, выражающими достоинства человечества как наиболее сложной по характеру развития сферы мироздания. Конечно, они в немалой мере несут на себе печать отрицательных сторон в общественных процессах, возникших в спонтанном, стихийном развитии: и негативных аспектов частной собственности, и стихийности рынка, и классового антагонизма, и господства имущих, и идеологического гнета и пр. Но все они в то же время — носители культуры, отшлифованные веками, отработанные социальные регулятивные системы. И без них, без того, чтобы персонифицированная (индивидуализированная) собственность, товарно-рыночное производство, право, самоуправляющиеся общины, иные микроструктуры, трудовая мораль были поставлены на службу людям, прежде всего людям труда, общественный строй, как бы мы его ни рекламировали, принципиально не может всецело служить человеку, быть демократическим и гуманным.

Главное же в том, что институты цивилизации — это не просто результат утверждения и развития общечеловеческих начал, регулятивных систем, они продукт упорядочения отношений между лицами *в связи с их индивидуальностью, особым духовным миром, интересами, коллизиями, страстями, конфликтами.* В своем глубоком предназначении институты цивилизации призваны оградить человека, его «я», его индивидуальность от любых посягательств и умаления. В этом смысле они известный антипод, с одной стороны, анархии и произволу, а с другой — нравам и порядкам «первобытного коммунизма» с его примитивными

равенством, нивелировкой интересов и подавлением индивидуальности. Их смысл в том, чтобы поддерживать справедливость, мир, нормальное общественное развитие при всей неповторимости, уникальности каждого человека с его особым духовным миром, интересами, то и дело вступающими в конфликт с интересами других людей, общества. Выработать институты и механизмы, которые бы упорядочили человеческие отношения в конфликтных ситуациях, причем так, чтобы в полной мере сохранялась человеческая индивидуальность, — это и есть один из существенных моментов того, что относится к цивилизации.

**О КАКИХ
ЦЕННОСТЯХ
ЦИВИЛИЗАЦИИ
ИДЕТ РЕЧЬ**

Действительно, какие же достижения цивилизации, общечеловеческие ценности имеются в виду, когда говорится об их предназначении служить в соответствии с социалистической идеей человеку, его высокому положению в обществе?

Нередко под ценностями цивилизации подразумеваются в основном достижения духовной культуры — искусства, литературы и пр. Думается, тут нужен более широкий угол зрения. Что ж, достижения человеческого духа — явления высоко значимые, они и будут оценены как своего рода венец развертывания социалистической идеи. И все-таки исходные в данной области — ценности, которые сложились, отшлифованы и выпестованы историей в экономической сфере, в самой основе развития общества. Не менее существенны и политические ценности, служащие общечеловеческим интересам, прогрессу, — стержень развития общества.

В то же время было бы неоправданным сводить рассматриваемые явления к одним лишь реалиям, которые в определенных ареалах достигли в своем развитии впечатляющих результатов. Например, едва ли корректно придавать чуть ли не абсолютное значение ценностям, характерным для новоевропейского цивилизованного строя, таким, в частности, как фермерский путь развития деревни, идея собственности, освященная идеологией протестантизма, этика индивидуального изоляционизма, утилитаризма. Рожденные в условиях стихийного, «классического» капитализма, они только сейчас, в процессе становления неокapитализма обогащаются некоторыми общественными, общечеловеческими началами.

Да и вообще, полагаю, необходимо внимательней присмотреться к наиболее крупным феноменам, выражающим достижения цивилизации. Причем таким, которые в той или иной мере сумели оторваться от слепых, стихийных сил, демонически доминирующих в обществе и, следовательно, совместимы с социалистической идеей, способны вместе с ней и на ее основе воплотиться в едином движении к гуманному, демократическому социализму.

В основных сферах общества (и вспомним основные грани свободы, к которым, вырываясь из жестких пут «непокорных демонов», ведет человечество глобальный процесс) — экономической, политической, духовной — обратим внимание на такие ценности:

в экономической сфере: персонифицированная (индивидуализированная) собственность, регулируемое товарно-рыночное производство, трудовые сообщества;

в политической сфере: демократия, развивающаяся и функционирующая на основе закона, правовое государство, права человека;

в духовной сфере: общечеловеческие заповеди, трудовая мораль, благополучие души.

Хотелось, чтобы в этом схематизированном перечне читатель на мгновение остановил свой взгляд на выражении «трудовые сообщества». Здесь один из центральных пунктов, прямо выходящих на социалистическую идею в марксистском ее понимании, — свободные ассоциации производителей. Коренящиеся в структуре экономических отношений, в регулируемой товарно-рыночной экономике, они являются своего рода изюминкой, во многом придающей гуманно-демократический облик, а главное, оптимистическую жизнеспособность социалистическим общественным отношениям.

ОТ СОЦИАЛИЗМА — К КОММУНИЗМУ — О соотношении социализма и коммунизма ранее уже говорилось. Ныне требуется изменить «всю точку зрения нашу» и на коммунизм. По мнению автора этих строк, коммунизм — не заранее фиксируемый рубеж развития человечества, а то более развитое и совершенное, что в ходе естественного, органичного развития даст человеку гуманный, демократический социализм в своих разных вариантах, благополучие души прежде всего.

С этих позиций представляется неоправданным моделировать отношения и порядки будущего коммунистического строя. Какими конкретно станут формы общественного самоуправления, окажутся ли нужными исторически оправдавшиеся

прогрессивные государственные структуры, какие более совершенные формы примет семья — все это прояснится только и исключительно в ходе развития и совершенствования гуманного, демократического социализма.

Только по двум вопросам хотелось бы высказаться с известной категоричностью.

Первый. Коммунизм мыслим как строй, в котором в полной мере разовьются человеческие условия жизнедеятельности, основанные на началах гуманизма и свободы, общество стряхнет с себя остатки всего того, что выражало господство «непокорных демонов», и реализуется Марксово предположение об эпохе положительного гуманизма и «царства свободы»

И второй. На мой взгляд, не стоит моделировать на будущее такой порядок распределительных отношений, который выражен в формуле «по потребностям».

Мне представляется, что такого рода прогноз, делавший необыкновенно привлекательной социалистическую идею в обстановке бедности и нищеты большинства населения капиталистических стран той эпохи, нес на себе печать утопизма. Ведь, К. Маркс, формулируя его, связывал «удовлетворение по потребностям» с такими, в частности, предположениями, как исчезновение «противоположности умственного и физического труда», порабощения человека «разделением труда», достижение условий, когда «источники коллективного богатства польются полным потоком». (Довольно тонко проанализировал эту гипотезу В. Тендряков в эссе «Метаморфозы собственности».)

Да, в реальном бытии указанный прогноз натолкнулся на жесткие факты самой действительности, на непредсказуемые, быть может, в свое время последствия экономических отношений, на коварство потребительского общества. Логика развития производственных и распределительных отношений на современном этапе цивилизации показала, что потребности по мере саморегулирующегося роста товарно-рыночного производства имеют тенденцию к качественным изменениям, к возрастанию и умножению, пожалуй, в геометрической прогрессии. И удовлетворить их — это не только мечта нереальная, несбыточная, но и губительная для человечества. Нарастающий бег экономики, нацеленный на удовлетворение «по потребностям», неизбежно приводит к такой неудержимой стихии, которая, не решив указанную задачу, поставит еще в более сжатые сроки, чем думалось до сих пор, человечество перед непоправимыми бедами. Многократно усилит конфликт с природой. С той природой, которая, как и искусство, дает человеку и человечеству не отягченное раскаянием счастье. Впрочем, разговор об этом — особый. Он, как и иные предположения перспективного порядка, — в конце книги.

КвК — книга в книге

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Высказанные в данной главе положения необходимо подкрепить некоторыми соображениями фило-

софского характера. Главные из них касаются тех явлений, которые были условно названы «непокорными демонами». И здесь нужно уяснить, так ли эти «демоны» непокорны? И возможно ли их обуздать? А если возможно, то до каких пределов? И как это сделать?

Рассмотрим эти вопросы.

Возможность преобразований

При стихийном развитии общества его параметры, свойства, закономерности «даны», объективно обусловлены, в принципе, столь же жестко, как и характеристики любой органичной системы, любого целостного организма.

Вместе с тем коренное преобразование общества все же возможно, а при рассмотрении данной проблемы с оценочных позиций необходимо. Однако эта возможность открывается при том неременном условии, что она осуществляется не просто путем жесткого воздействия на «непокорные» общественные формы извне (это опять было бы не что иное, как власть, ее императивное действие), а путем значительной переделки собственной основы общества, притом такой, которая выражает и воплощает в виде объективированных механизмов оптимально разумную программу соответствующего объективным потребностям действительного человеческого бытия. Это и есть всемирно-историческая, вселенская задача человечества, к реализации которой оно должно приступить и реально приступает именно сейчас, — задача концептуальной революционной переделки стихийно действующей собственной основы общества и сообразно этому упорядочения и гармонизации социальных

процессов в соответствии с гуманистическими и демократическими началами человеческого бытия.

На базе философского понимания мироздания, его специфической стадии развития — общества, присутствующих ему закономерностей нельзя не признать объективной необходимости и оправданности остановки и упорядочения слепых стихийных общественных процессов, свойственных собственной основе общества. Эта остановка (о ее интерпретации — разговор дальше) должна обеспечить такую переделку собственной основы общества, при которой она не будет столь жестко и неумолимо подчинять себе общественную жизнь. Тем самым откроется путь к формированию оптимально разумной ее организации — гуманной, последовательно демократической.

О пределах воздействия на общественную жизнь

Важным моментом, который должен быть учтен при раскрытии теории социализма, являются объективные пределы воздействия на общественную жизнь.

Существует определенная мера такого воздействия. Его оптимальная величина должна быть не больше и не меньше известных параметров, обусловленных естественно-историческим развитием общества. Если воздействие «не дотягивает» до меры, то стихийные процессы, хотя и в несколько упорядоченном виде, сохраняются как доминирующая тенденция. Думается, что это в конечном счете проявится даже в неоконсервативном обществе, воспринявшем известные элементы социалистической идеи. Если же воздействие превышает объективно обусловленную

меру — что в основном и случилось в доперестроечный период в советском обществе, — то это влечет за собой деформации, разрушительные последствия.

Существенно при этом принять во внимание и особенности тех механизмов и институтов (демократии, товарно-рыночного производства, права, морали и др.), которые самим своим содержанием предназначены воплотить гуманно-демократическую программу функционирования общества.

С этой точки зрения одним из необходимых требований, обеспечивающих оптимальное функционирование и развитие того или иного общества, является нацеленность на доминирование саморегулирующихся начал и в связи с этим сведение к нулю или предельному минимуму внешней властной силы «демонов». Интенсивная работа мощных социальных механизмов и институтов оправдана лишь экстремальной ситуацией, а также решением разовой исторической задачи — научно обоснованной переделкой собственной основы общества для создания разумной гуманно-демократической организации — социализма, да к тому же в формах, пределах и с помощью методов, согласующихся с его принципами, ценностями и идеалами.

Судьба «непокорных демонов»

Итак, вспомним и под рассматриваемым углом зрения уточним проблему.

Только-только после Октября новое общество стало овладевать процессами преобразования общественной жизни на социалистических началах, как жестко заработали централизованная бюрократическая экономика, самовластная политическая диктатура,

напористая идеология радикальной левокоммунистической ориентации, впоследствии доктрина сталинизма и неосталинизма. В результате общественная собственность, политическая власть трудящихся, гуманистическое и демократическое мировоззрение «выскользнули из рук» носителей социализма. Все это в конечном итоге ужесточило императивно-неумолимый, всепоглощающий характер действия «непокорных демонов» на жизнь общества, усилило отчуждение людей от действительно человеческих условий жизни и привело к разрушительным последствиям: к стагнации, к застою в обществе, к упадку, в том числе к разрушению природной среды.

Сакраментальный вопрос: что делать?

В ответе на этот вопрос — думается, философская и политико-прикладная суть перестройки.

Ее нелегкая миссия заключается прежде всего в том, чтобы разгрести, очистить, убрать с дороги завалы, нагромождения бед и несчастий, порожденные предшествующим развитием. Но как это не просто, архитрудно сделать — так далеко мы зашли, идя по этому несправедному пути.

Ну а потом?

А потом должна последовательно реализоваться программа социалистического развития на гуманистических, демократических началах, воплощающая Марксовы мысли об устранении отчуждения человека от действительно человеческих условий его жизни. Главное звено и неременное условие успеха такой программы — овладение «непокорными демонами». То есть такая организация экономики, политической власти и идеологии, которая исключила бы их разрушительное, деформирующее воздействие на общественную жизнь. Происходящая в СССР перестройка и должна быть направлена на то, чтобы путем совершенствования экономики, умерения и де-

мократизации властных отношений и развертывания гуманизации духовной сферы не только устранить из жизни общества все последствия деформаций и кризисных явлений, но и в перспективе исключить саму их возможность. А затем — решительно двинуться по пути Свободы и Гуманизма.

При этом бывшие чуждые, слепые силы должны быть «переведены» в русло высокоцивилизованных начал, когда энергия «демонов» будет переключена через институты цивилизации на достижение созидательных целей. Так уже случилось в современном буржуазном государстве; такая судьба уготована институтам цивилизации в нашем обществе по мере раскрытия потенциала гуманного, демократического социализма.

РЫНОК- СОБСТВЕННОСТЬ- СВОБОДНАЯ ЭКОНОМИКА

Рыночная экономика. Только ли?

Сначала — о собственности вообще

Персонифицированная собственность
на основе коллективности. Владение

Дополнительно о частной собственности

Освобождение труда

Свободные ассоциации производителей

Должно заработать «само»

Первые ростки

К свободной экономике — весь мир

Подумаем о вариантах разгосударствления

Книга в книге. Размышления

**РЫНОЧНАЯ
ЭКОНОМИКА.
ТОЛЬКО ЛИ!**

Есть проблема, своего рода лакмусовая бумажка, по которой в сегодняшние дни проверяется решимость нашего общества

преодолеть накопившиеся хозяйственные беды и утвердиться в своем социалистическом выборе. Это проблема товарно-рыночной экономики, короче, рынка.

Рыночная экономика — достижение цивилизации. Ведь, по Марксу, рынок представляет собой некий созданный историей совершенно уникальный инструмент выявления количества воплощенного в том или ином товаре общественно необходимого труда. С этой точки зрения рынок является удивительным механизмом, мгновенно воспринимающим запросы потребителей и через императивные материальные интересы воздействующим на производство, так что в продаже появляются товары и услуги, удовлетворяющие спрос.

Вместе с тем за всю историю не было (и нет) другой силы, столь демонически нависшей над человечеством, непрерывно подхлестывающей людей к безостановочной гонке, к тупиковому финалу. Эта сила к тридцатым годам идущего столетия поставила капитализм на край гибели, и она неминуемо произошла бы, если бы в 1930—1950-е годы начиная с рузвельтовского «нового курса» капитализм не трансформировался бы, не подчинил рынок известным началам регулирования. Ныне, уже при неокapитализме, рыночная экономика в условиях НТР через жаждущего потребителя из «среднего класса» втянула человечество в новый тур экономической гонки (и этот процесс не менее глобальный, чем отмеченное ранее всепланетное движение человечества к свободе). Товарное изобилие, материальное благополучие,

характерные для рыночной экономики, подвели к социальной переориентации ряд стран Восточной Европы. Манят они и нас, будоражат умы и чувства многих людей, нередко заглушая голос разума и здравого смысла.

Незримое коварство рынка, можно предположить, стало одним из поводов к тому, что марксизм в свое время предпочел ему умозрительно выстроенное «непосредственно-общественное производство».

Сейчас наше общество не без колебаний, но все же довольно определенно встало на путь перехода к регулируемой рыночной экономике, к рынку. Сделаем ударение — не к рынку вообще, а к рынку РЕГУЛИРУЕМОМУ и отсюда — к рынку социальному (социализированному), экологически чистому (и это, кстати, довольно основательно отличается от провозглашенной ранее формулы «планово-рыночная экономика», ибо «планово» — не что иное, как атрибут административно-директивного хозяйства, что несовместимо с рыночными отношениями). Примечательно, неокapитализм и «шведский социализм» достигли успехов как раз при помощи регулируемой, социальной рыночной экономики. И там, при наличии такой экономики, чаша весов в противоречиях рынка склоняется к тому, в чем выражаются достижения цивилизации, и значит, к тому, что, в принципе, согласуется с социалистической идеей. Замечу, что все это тесно связано с «идеологией нэпа», и потому обоснование поворота к нэпу, осуществленное В. И. Лениным, — быть может, один из самых крупных его теоретических вкладов в марксизм, ибо оно стало значительной «заявкой» на соединение социалистической идеи с общечеловеческими ценностями цивилизации.

Однако присмотримся к тому, что обозначает регулируемость рынка, осуществляемая через законодательную и административную деятельность государства и не препятствующая выявлению его позитивного потенциала. Тут три основных момента.

Во-первых, это такая законодательная регламентация отношений рынка, когда его участники выступают в качестве носителей юридических прав (права производителя быть хозяином и самостоятельно распоряжаться результатом труда, права покупателя на свободный выбор товара, права государства на получение части доходов и т. д.). Через юридическую же регламентацию прав — прав, а не непосредственно обязанностей! — общество оказывается способным не жестко, а в согласии с природой товарно-рыночного хозяйства воздействовать на пределы распространения и направление развития рыночных отношений.

Во-вторых, это — внедрение в ткань рыночных отношений социальных элементов, смягчающих или даже блокирующих издержки, негативные последствия стихийных процессов, неизбежных при рынке (пособие по безработице, система индексации и компенсации для людей с фиксированными доходами, пенсионеров, малоимущих и др.).

В-третьих, это система юридически строгих защитных и ограничительных природоохранных мер, устремленных, хотя бы и на локальной территории, к экологически чистой рыночной экономике.

Но достаточно ли всего этого для социалистического выбора? Причем, конечно же, речь идет не о том, чтобы рыночная экономика соответствовала каким-то умозрительным, нередко утопическим

«идеалам» и идеологическим «принципам». Речь идет о том, в какой мере экономика перестает быть стихийной, «непокорным демоном», диктатором и слепой силой, толкающей человечество в тупик, к катастрофе? Становится ли она не только упорядоченной и эффективной, но и *свободной*, когда преодолевается отчуждение людей от действительно человеческих условий их бытия?

Корень решения этих вопросов — в собственности, в месте производителя в отношениях собственности, что предопределяет и некоторые другие, не менее важные стороны организации экономических отношений в согласии с социалистическим выбором.

СНАЧАЛА — Прошу читателя проявить терпение и не очень сетовать на автора за общие рассуждения о собственности. Без этого при исследовании данного круга вопросов не обойтись.

Собственность обычно рассматривается как нечто само собой разумеющееся. В обществе есть материальное производство, что-то в нем кому-то должно принадлежать — вот это и есть собственность. Была она всегда; при «первобытном коммунизме» была даже общественная собственность: все принадлежало всем.

У нас же сейчас идет разговор о собственности применительно к товарно-рыночному производству. Для него нужны не просто отношения собственности, а такие отношения, которые дают производителю статус хозяина, субъекта собственности, когда бы он мог самостоятельно, свободно распоряжаться результатами своего труда. И с этой точки зрения продуктом цивилизации, связанным

с рынком, является не просто собственность вообще (хотя она, действительно, есть основа и условие всякого материального производства), а *персонифицированная, по субъектам индивидуализированная собственность*. Персонифицированная, индивидуализированная — потому что она согласуется с индивидуальными интересами личности, с интересами отдельных групп людей и дает простор для активной, инициативной, предприимчивой деятельности. Можно было бы даже сказать «частной», если бы выражение «частная собственность» не приобрело жестко идеологизированный характер. Об этом далее придется поговорить специально.

Самым общим образом наука определяет собственность через понятие «присвоение». Назначение собственности в том и состоит, чтобы реализовать присвоение людьми предметов природы, средств производства, продуктов труда, в том числе в частнособственническом обществе — присвоение собственником средств производства неоплаченных продуктов чужого труда.

Однако эта общая формула нуждается в конкретизации. Спрашивается: сама-то собственность как особое явление по своей, так сказать, плоти, «субстанции» — что такое?

Собственность характеризуется обладанием, господством собственника над предметами — средствами производства, продуктами труда (в юридической области это раскрывается через три правомочия собственника: владение, пользование, распоряжение вещами).

Вместе с тем хотелось бы вычленить вот какую сторону собственности, нередко ускользаемую из поля зрения. К. Маркс считал собственность отношением лица к определенным предметам «как

к своим». И это не тавтология. Относиться «как к своим» — значит относиться как к себе самому, иметь власть над предметами как над самим собой.

Этот момент раскрывает «секрет» собственности как существенной ценности цивилизации в трех основных ее функциях.

Во-первых, собственность определяет и фиксирует исключительную принадлежность предметов (имущества, богатства) тем или иным лицам, группам и т. д.

Во-вторых, собственность является источником интереса ее носителя к использованию «собственных» средств производства, т. е. интереса к высокопроизводительному труду.

В-третьих, собственность порождает «бремя собственности» — не только интерес к активному использованию средств производства, но и острую социальную ответственность за них, за их судьбу, за их эффективное функционирование.

И вот о какой тонкости еще нужно сказать.

Первая из названных функций выражает исходное и общее, что призвана дать собственность, — ее предназначение закрепить предметы, богатства, имущество за лицами. Это характерно для всякой собственности. Здесь определяется, что данные предметы, богатства, имущество принадлежат исключительно тому-то и тому-то, причем подобное определение может быть сделано и самым общим образом, применительно к народу, обществу (например, ко всей общине при «первобытном коммунизме»).

Две же другие функции собственности, имеющие активный, побудительный характер, требуют как раз жесткой персонификации, субъектной индивидуализации: тут должны быть точные, так сказать, поименно обозначенные субъекты, строго

определенные лица — гражданин, кооператив, государство, его орган. Если не будет такого субъекта, не будет нужной персонификации, индивидуализации, то активные функции собственности не сработают: не может же возникнуть интерес к использованию имущества вообще или «бремя собственности» вообще (хотя в недавние времена мы, увы, на это рассчитывали).

А отсюда проистекает то различие, которое существует между понятиями «собственность» и «достояние». Слово «достояние» используется преимущественно применительно к общественным богатствам, к имуществу, принадлежащему обществу в целом, всему народу. В этом смысле оно выражает идею принадлежности и вполне заменяет слово «собственность». В отношении к общественным богатствам, общественному добру понятия «достояние», «народное достояние» даже предпочтительней понятия «собственность».

И вот какой вывод следует из всего изложенного. Для товарно-рыночного производства нужна не просто собственность, не собственность вообще (и тем более не собственность как синоним достояния), а персонифицированная собственность, собственность, индивидуализированная по субъектам.

В эпоху «классического» капитализма, свободно-го рынка времен Адама Смита такой персонифицированной собственностью была частная собственность, «чистая» и «абсолютная», открывавшая беспредельную возможность произвольного использования ее объектов.

Но уже при регулируемой рыночной экономике неокapитализма и тем более «шведского социализма», осуществляемой преимущественно через акционерную форму и иные современные формы

хозяйствования, частная собственность утратила свою безграничную «абсолютность», характер общественной формы, дающей простор для безраздельного властвования над вещами, в нее стали внедряться коллективистские элементы. Что ж, тут оправдывается прогноз К. Маркса о том, что будет происходить известное преодоление частной собственности «на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства».

ПЕРСониФИЦИРОВАННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА ОСНОВЕ КОЛЛЕКТИВНОСТИ. ВЛАДЕНИЕ

Какая собственность может служить основой рынка в стране, вставшей на путь социалистического развития? Ныне предельно ясно — этой основой не может быть монополизированная государственная собственность как таковая (ее значение, в сущности, ограничивается функцией быть «народным или общественным достоянием»). Этот собственнический монолит — твердая база административно-командной системы — сам по себе, без должной персонификации, является антагонистом рынка. Понятна поэтому бесплодность и бесперспективность попыток развернуть товарно-рыночные отношения на основе одного лишь признанного ранее «оперативного управления» государственными имуществами, которые до последнего времени имели государственные предприятия и объединения.

Но если это верно, то возникает, видимо, самый основной вопрос. Каким же образом может функционировать персонифицированная собственность в стране, сделавшей социалистический выбор, следовательно, на основе коллективности, т. е. в условиях, когда существует народное достояние на землю, иные природные объекты,

когда сложилось обобщественное имущество, т. е. основные рычаги экономической жизни? Не исключает ли одно другое? Может ли вообще быть такое?

Да, может. И не только может. По сути дела, именно персонифицированная (в отличие от самой по себе «частной») собственность способна внутренне, органически сочетаться с началами коллективности и в соответствии с этим быть основой эффективного товарно-рыночного производства в социалистической стране.

Как это достигается? Путем предоставления производителям широких имущественных, по своей основе вещных, «абсолютных» прав, которые позволяют им быть полноправными хозяевами средств производства. Эти права — по юридическому титулу собственности — следующие:

права собственности гражданина или группы граждан, которые на праве собственности могут обладать средствами производства, необходимыми для индивидуально-трудовой, иной производительной деятельности и в городе, и в селе;

права собственности кооператива на средства производства;

права собственности коллективных предприятий, иных свободных ассоциаций производителей, которые, выступая сначала в качестве арендаторов государственного имущества, затем приобретают на основе доходов свою собственность и, выкупив имущество у государства, становятся полноправными персонифицированными собственниками.

Итак, во всех упомянутых ранее случаях на основе общественных, коллективистских начал (это касается и индивидуальной собственности граждан, функционирующей в общей системе коллективистских отношений) в принципе обеспе-

чивается индивидуализация собственности по субъектам, что открывает простор для инициативной, активной предпринимательской деятельности. А значит, и для развертывания товарно-рыночных отношений, тем более таких, которые имеют регулируемый характер.

Но вот, быть может, самый трудный вопрос. Возможно ли при сохранении государственной собственности, точнее народного достояния (государственная собственность — лишь форма народного достояния), — возможно ли при таком высоком уровне коллективности, обобщественности достигнуть нужной, «рыночной» степени персонафицированности, такой, когда коллективы, отдельные труженики становились бы действительными хозяевами средств производства и выступали в качестве полновесных участников товарно-рыночных отношений?

Возможно ли это? Если государственное имущество, например, передано кооперативу или выкуплено трудовым коллективом, то никакой проблемы нет: государственное имущество, объекты народного достояния переходят к кооперативу или в собственность трудового коллектива. Прекращается одно — возникает другое. Но ведь не все и не всякое имущество может быть передано или выкуплено. Скажем, единые энергетические комплексы, транспортные системы и, наконец, земля — природные объекты, о которых ранее говорилось как о нераздельном народном достоянии.

Как быть?

Хотелось бы дать в принципе положительный ответ на поставленный вопрос.

Да, возможно. Да, на базе государственной собственности, единого народного достояния мо-

жет быть достигнута нужная для рынка персонификация отношений собственности.

Пора преодолеть стереотип, будто действительным хозяином имущества может стать только их собственник. Да, полнокровный хозяин — собственник. Между тем — и это подтверждено историей и сегодняшней действительностью — есть такие социальные институты и выражающие их права (они называются вещными, владельческими, по своей основе «абсолютными»), которые хотя и не дают их обладателю статус собственника, но все же предоставляют носителю таких прав, в сущности, те же возможности, как и собственнику, во всяком случае, очень близкие к ним.

Пример тому права, которые получает арендатор при длительной, лучше всего пожизненной (бессрочной) аренде. При хорошо отработанной системе организационных и юридических отношений арендатор, например, земли может получить права полного и исключительного владения, пользования ею, извлечения плодов ее использования и иных доходов, а также частичного распоряжения имуществом, вплоть до его передачи в порядке наследования. Практически он имеет все то, что и собственник, за исключением права на продажу и перепродажу земли.

К этому склонилось советское законодательство о земле в целом, в рамках которого сформирован особый институт — «право пожизненного и наследуемого владения землей», т. е. право, которое, по сути дела, является юридическим эквивалентом права собственности (за минусом купли-продажи), отвечает потребностям рыночной экономики, согласуется с общественной природой и нравственной сущностью земли и, кстати сказать, по смыслу точно соответствует вековой мечте земледель-

цев: земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Любопытно, кстати: мы никогда не говорим «землесобственник», а всегда «землевладелец». Мудрое словоупотребление.

Аналогичный процесс наблюдается и в сфере организации использования государственного имущества, даже того, которое не передано в аренду. Здесь уже долгие годы существовал имущественный институт — «оперативное управление государственным имуществом», — который позволял предприятию участвовать в имущественном обороте пусть и не полномасштабного рыночного типа, но все же имеющем существенные товарно-денежные компоненты. Теперь сформирован и более широкий, юридически более весомый институт — «право полного хозяйственного ведения», предназначенный дать государственному предприятию юридические возможности, близкие к тем, которые предоставляет право собственности, и, следовательно, включающий их в товарно-рыночные отношения (хотя немало вопросов хозяйственных и правовых тут еще предстоит решить).

Словом, ныне вырисовывается несколько разновидностей персонификации собственности, которые, обеспечивая сохранение коллективистских начал, свойственных социализму, реализуют в то же время потенциал собственности, обеспечивают ее созидательную роль в формировании динамичной высокодоходной экономики, в функционировании эффективного рынка.

В то же время тут нужно следующее уточнение. Указанные ограниченные формы отношений собственности все же не могут в полной мере раскрыть потенциал персонифицированной собственности, необходимый для развертывания полнокровного рынка. И с них — как это и подтверждает опыт — нельзя начинать формирование

рынка. Последний обретает подлинную силу и размах лишь тогда, когда в качестве товаропроизводителей выступают собственники. Что же касается арендаторов и государственных предприятий, то они, судя по всему, лишь «потом» втягиваются в отношения рынка и уже только тогда «на равных» взаимодействуют с товаропроизводителями-собственниками.

И еще одно соображение. С рассматриваемой точки зрения назрела необходимость придать понятию «*владение*» значительно более высокий, чем это принято сейчас, социальный и юридический статус. Причем под *владением* тут уже подразумевается не одно из правомочий собственника (наряду с пользованием и распоряжением), а особое явление, точнее называемое «*титულным владением*», т. е. социальный и юридический институт, очень близкий к собственности, но одновременно хорошо согласующийся с социалистической идеей. Ибо в отличие от собственности, в особенности частной, предполагающей безраздельное, произвольное господство над имуществом, определение его судьбы по вольному хотению, «*титулное владение*» обеспечивает господство над имуществом по полному и беспрепятственному хозяйственному, социально полезному и оправданному его использованию и распоряжению, т. е. в полном согласии с социалистической идеей.

ДОПОЛНИТЕЛЬНО По самой внутренней логике
О ЧАСТНОЙ рассуждения о собственности
СОБСТВЕННОСТИ как основе регулируемого рынка
вряд ли стоило бы особо останавливаться на вопросе о частной собственности, ибо о всех концептуальных моментах данной темы уже говорилось.

И если сейчас приходится коснуться этой темы дополнительно, то лишь потому, что она нет-нет да и поднимается вновь в нашем обществе. Ход мыслей при всех их вариациях примерно такой: мы были приверженцами общественной собственности и получили то, что получили — разлад в народном хозяйстве, распад потребительского рынка и т. д.; а «там», где господствовала проклинаемая нами частная собственность, в достатке свежее молоко в магазинах, товарное изобилие, достойный уровень жизни у «среднего класса» и пр.

Проблема эта одновременно наивная и глубоко научная (бывает и такое). Из множества соображений, возникающих при ее обсуждении, выскажу лишь следующие.

Успехи современного капитализма в области потребительского рынка достигнуты вовсе не на основе «чистой» частной собственности и свободного рынка времен А. Смита. Базируясь на «той» собственности, капитализм давно бы рухнул, а не то чтобы достиг каких-либо успехов. И рынок, и собственность с того времени преобразовались кардинально, обрели новое содержание и новые формы. Но об этом чуть дальше.

Самое же существенное соображение вот в чем.

У нас, в нашем обществе, в настоящее время, по сути дела, уже активно *идет процесс приватизации*, причем такой, которую без натяжек можно называть социалистической, ибо «приватные» (персонифицированные) виды и формы собственности складываются на коллективистских началах.

Такая приватизация имеет прочные научные основания. Вспомним, что К. Маркс само «уничтожение» частной собственности понимал в философско-мировоззренческом смысле — как устрание-

ние отчуждения — «демонических» свойств собственности, той, что в виде слепой и чуждой силы господствует над людьми. Вот почему Маркс употреблял в качестве синонимов слова «уничтожение» термины «снятие», «освоение», и это означает необходимость использования потенциала частной собственности как ценности цивилизации, дающей стимул к производительной активности, к наращиванию производительности труда, к стимулированию изобретательского дела и т. д.

В современных условиях на базе нового законодательства о собственности и идущего хотя и с трудом фактического устранения сверхмонополизма государственной собственности (ее разгосударствления) начинают шаг за шагом утверждаться в жизни многообразные формы собственности (в том числе собственность граждан на средства производства, кооперативная, коллективных предприятий), которые и воплощают в себе позитивный потенциал того, что дает персонифицированная собственность как явление цивилизации. Формирующиеся в этом грандиозном процессе разгосударствления виды и формы собственности являются самобытными, как раз близкими к прогрессивным формам собственности развитых капиталистических хозяйств, и при помощи этих форм труженики, организации трудящихся становятся действительными, реальными хозяевами средств производства. Да и что скрывать — тут может быть использована даже теневая экономика, которая, кажется, уже сейчас внедряется в кооперативное движение, в коллективные предприятия, но внедряется аккуратно, осторожно, пожалуй, даже цивилизованно, и, быть может, это процесс в чем-то — при отсутствии криминала — терпимый.

Все говорит за то, что при разумном использовании позитивного потенциала частной собственности в полной мере обеспечивается функционирование эффективного регулируемого товарно-рыночного производства.

Итак, в нашей стране начался процесс приватизации собственности на коллективистских началах, активное использование позитивного потенциала частной собственности.

А может быть, следует пойти еще дальше? Не останавливаться, так сказать, на полпути, на приватизации, осуществляемой на коллективистской основе? Открыть полный простор неограниченной частной собственности, соединенной с наймом, — той, как принято считать, классической, проверенной, оправдавшейся на практике основе свободного предпринимательства, адекватной имущественной форме полностью самостоятельных товаропроизводителей? Тем более, что К. Маркс и Ф. Энгельс, как уже упоминалось, предвещая «уничтожение» частной собственности, имели в виду не имущественные отношения рыночного оборота, а философско-мировоззренческую сторону вопроса — преодоление отчуждения производителей от средств производства, и только в такой философско-мировоззренческой плоскости эти положения нужно рассматривать.

Что ж, в принципе, вариант с «классической» частной собственностью для формирования эффективного рынка вполне допустим и в обществе, где утвердился социалистический строй. Есть даже основания, наряду с арендой и кооперативной формой, использовать для разгосударствления монопольной собственности в качестве дополнительного средства частнопредпринимательский порядок: установить возможность аренды с правом

выкупа или прямой продажи предприятий в сферах производства товаров народного потребления, торговли, других услуг отдельным гражданам (семьям) с привлечением работников на началах найма до известных пределов, допустим до 20—30 человек. Впрочем, при таком варианте целесообразно было бы все же ввести правило, в соответствии с которым работники, привлекаемые на началах найма, имели бы гарантированное право вкладывать свои средства в основные фонды предприятия, становиться его собственниками, что должно влечь за собой при определенных условиях с согласия собственника, всех собственников перевод предприятия в статус коллективного или кооперативного (смысл такого рода правила, видимо, станет еще более ясным дальше, в связи с соображениями о свободных ассоциациях производителей).

Можно было бы, добавлю, признать допустимым и более широкий порядок, в соответствии с которым «частник» попробовал бы свои силы в промышленности и в строительстве, попытался бы стать работодателем и единоличным распорядителем имущества, результатами труда рабочих и т. д. во всех сферах народного хозяйства. Однако вряд ли из такого более широкого варианта формирования рынка на частнопредпринимательской основе могло бы получиться что-то дельное. И не только потому, что подобный порядок мог бы вызвать у советских людей, уже воспринявших социалистические идеалы, резкий протест и — не исключено — решительное противодействие. Просто фактически не получилось бы. Ну откуда у «частника», даже с привлечением накоплений теневой экономики, первичные капиталы для овладения многомиллиардными ресурсами промышленности, строительства, транспорта? Выли-

лось бы такое «овладение» не в цивилизованный рынок, а в паразитирование на бесхозной экономике, что, увы, уже случилось с немалым числом кооператоров. А если бы даже и получилось все это — допустим с привлечением иностранного капитала, — то возник бы капитализм времен А. Смита; и давайте вместе прикинем, сколько нужно трудных десятилетий, катаклизмов первоначального накопления, прежде чем свободный рынок вольно-азиатского или южно-американского типа (а иного у нас и не могло бы быть) постепенно преобразовался бы в упорядоченную цивилизованную систему.

Действительно, как показал опыт ряда передовых западноевропейских стран, можно, двигаясь по частнособственническому пути развития общества, достигнуть на известном этапе успехов в насыщении потребительского рынка, в упорядочении общественных отношений, в их стабилизации и даже в «цивилизации» собственности, затем по прошествии немалого срока преобразоваться в неокapитализм и в будущем перейти в посткапитализм (возможно, как уже отмечалось, совпадающий при воплощении общечеловеческих ценностей с идеалами гуманного, демократического социализма). Но это путь, растянутый на многие десятилетия первоначального накопления с его истребительным варварством, безмерными потерями и по большей части проходящий потом через жесткие, подчас кровавые кризисы, а главное, не устраняющий стихийной, узкоэгоистической основы в развитии общества, которая втягивает человечество в нарастающие глобальные катаклизмы.

Но и не это главное. Вариант со свободным рынком и с неограниченной частной собственностью — это вариант, уводящий в далекое прошлое даже по логике развития самой частной

собственности. Ведь такого рода частная собственность и свободный рынок — давно пройденный этап; и пройденный потому, что он был бесперспективным и неэффективным.

Крупный американский экономист Дж. К. Гэлбрейт сказал: «Капитализм не мог бы выжить в своей изначальной или чистой форме»; и дальше: «...Те, кто говорит — а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь — о возвращении к свободному рынку времен Смита, неправы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера».

И теперь — самое существенное, о чем уже упоминалось, а дальше будет сказано подробнее. В современном капиталистическом мире набирает силу и все более выдвигается вперед не сама по себе «оцивилизованная», социализированная частная собственность, а нечто принципиально иное — групповая трудовая собственность коллективов самих производителей, которые выкупают частные предприятия и показывают на них бóльшую эффективность, жизнестойкость в условиях нынешнего развитого рыночного хозяйства, чем на иных предприятиях.

Что это значит? А то, что перед нами редкостная, исторически уникальная ситуация, когда открывается возможность перехода от неэффективных, бюрократизированных государственных предприятий сразу к наиболее передовой в мировой практике форме рыночного хозяйствования!

Скажу еще раз: не только у нас, но и во всем мировом хозяйстве национализированные, бюрократически огосударствленные экономические структуры признаются неэффективными, нежизненными, бесперспективными, и от них повсемест-

но отказываются в пользу частнособственнического свободного предпринимательства. Одновременно независимо от этого, оставляя позади в конкурентной борьбе частнособственнические предприятия, вырываются вперед предприятия с групповой трудовой собственностью.

И вот еще какие краткие замечания о частной собственности.

Надо взять на заметку, что «частная собственность» сама по себе — не юридическая категория: в законодательстве капиталистических стран формулировки «частная собственность», как правило, нет вообще (а если и встречается, как в Конституции Италии, то в том смысле, что ею охватываются все виды и формы собственности за минусом государственной). Это сугубо мировоззренческая категория, обозначающая выбор социального пути, пути общественного развития.

Далее. Этот вопрос в то же время — во многом и терминологический.

Под известным углом зрения собственность на средства производства граждан, кооперативов, коллективных предприятий и др. — это не что иное, как собственность частная в позитивном ее значении. По принятой общемировой терминологии под словом «частная» понимаются все виды и формы собственности кроме государственной.

Ну а по сути дела, возвращаясь к персонифицированным видам и формам собственности, подчеркну: дело не в терминах, не в словах, поскольку это не касается основополагающих проблем выбора социального пути. Дело в том, чтобы реально, на твердом законодательном фундаменте обеспечить положение тружеников, коллективов трудящихся, других субъектов в качестве действительных хозяев средств производства, носителей экономической

власти — решающего рычага преобразования экономики, утверждения регулируемого рыночного хозяйства и основы политического полновластия трудящихся в нашей стране.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА Думается, складывающиеся сейчас в результате приватизации персонифицированные формы и виды собственности создадут условия для формирования эффективной рыночной экономики (разумеется, при наличии многих других слагаемых — свободной продажи средств производства, политики цен и др.). Но спрашивается: при чем тут «коллективистские начала», которые в соответствии с социалистическим выбором необходимы и для приватизации, и для самого рынка? Опять «измы»? Или, хуже того, лазейка для неоправданных ограничений, для диктата ведомств, что не раз уже бывало под такого рода красивыми лозунгами?

Да нет же! О коллективистских началах говорится не во имя самой по себе идеи. И не потому, что подобные начала в той или иной мере реализованы после преобразований в 1930—1950-х годах даже в капиталистических странах (это и придает рыночным отношениям данных стран качество «регулируемости», «социальности»). Суть вопроса вот в чем. Именно коллективистские начала призваны обеспечить достижение решающего, что несет в себе социалистическая идея — **ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА**. А отсюда придание экономике свободного характера.

Но все по порядку.

Труд, без которого невозможно ни существование человека, ни развитие человечества, ни его благоденствие, в принципе, может строиться на трех основаниях: а) на принуждении к труду; б) на

найма — купле-продаже рабочей силы; в) на собственном интересе, на «самодеятельности».

Что такое труд по принуждению — политическому, общественному или религиозному — объяснить, видимо, нет нужды. История пестрит примерами соединения в одном лице политической власти и власти собственника на производителя — и это давало «азиатское», античное, средневековое или иное рабство, феодальную или полуфеодальную личную зависимость в сфере производства. Да и у нас труженики испытали сполна, что такое повинность времен военного коммунизма, иные формы принуждения к труду в сочетании с наймом. Грезы Л. Д. Троцкого о «трудовых армиях» на деле воплотились в различных формах принудительного труда в сталинские и неосталинские времена.

А найм, купля-продажа рабочей силы? Что там говорить, и при найме рабочей силы осуществляется принуждение, нередко довольно суровое (недаром К. Маркс называл систему найма «наемным рабством»), и наниматель, работодатель для того и покупает рабочую силу, чтобы «по максимуму» извлечь из нее пользу для себя, получить прибыль.

Ведь найм происходит между собственником средств производства и тружеником, который таких средств не имеет.

Слов нет, мы теперь должны признать, что в обстановке предельного огосударствления и монополизации собственности на средства производства, когда единственным работодателем является государство, сложилось наиболее жесткое «наемное рабство». И нечего лукавить, именно оно, такое жесткое наемное рабство, существовало и во многом существует сейчас в нашей стране. Разумеется, государство способно до известного уровня

гарантировать защищенность труженика. И если говорить «всю правду», то государство через систему трудового законодательства и социального обеспечения что-то делало в этом отношении, и порой немало. Но все же как монопольный работодатель оно лишало труженика обычной свободы труда, выбора работодателя, возможности бороться за более благоприятные условия найма, присваивало чуть ли не весь прибавочный продукт, а подчас и более того.

В капиталистической рыночной экономике найм, купля-продажа рабочей силы осуществляется по законам рынка. Есть в идеале свобода труда, т. е. выбора работодателя (хотя эта свобода — блеф при безработице) — можно добиваться, скажем, через профсоюзы, коллективные договоры более благоприятных условий найма, а при помощи государства более справедливого распределения прибыли между работодателем и тружениками.

Однако как ни облагораживай, ни «цивилизуй» систему наемного труда, она остается системой «наемного рабства» — работой на собственника средств производства, который может присваивать чужой неоплаченный труд, поденной работой «на другого». В нынешние времена включенная в погоню за неудержимо растущими стандартами потребления такого рода работа превращается в иссушающую трату сил и энергии. Недаром в ряде стран, например в Японии, ширится гуманитарное движение под лозунгом... «меньше работать». И вот перед нами беспрестанно подстегивающее себя общество в своей гонке за миражами потребления, гонке в никуда.

Было бы, конечно, великим грехом говорить о том, что и нам тоже нужно «меньше работать». И вообще мне понятны призывы экономистов,

деловых людей включить в нашу жизнь механизм рыночного наемного труда. Но ведь и современное состояние нашего общества — результат применения как раз системы наемного труда с приплюсованным к нему прямым принуждением к труду.

А ключевой вопрос вот в чем. Не заметил ли читатель, что приверженцы либеральных демократических режимов понимают «свободное общество» исключительно в политическом смысле, в смысле прав и свобод граждан, общественных организаций и движений? А свобода экономики? При антимонопольных мерах, при конкуренции свобода, разумеется, есть. Но только в отношениях между собственниками. Что же касается применения труда, то какая же тут свобода? Особенно в условиях безработицы. Нет, неспроста приверженцы либеральных режимов не называют свободной даже регулируемую рыночную экономику капиталистических стран.

Вот мы и возвращаемся к самим основам Марксова учения, к его видению будущего. Это труд на собственном интересе, на «самодеятельности» труженика (третье основание).

Когда возможен такой наиболее эффективный для личности труд? Тогда, когда работник, труженик, производитель *одновременно является собственником средств производства*, своих материальных и интеллектуальных производительных сил, им самим применяемых условий труда. Лишь в этом случае устраняется отчуждение труженика от его труда, происходит «уничтожение» труда как результата отчуждения, исключается из сферы труда всякое принуждение, словом, происходит, освобождение труда.

Не упуская из поля зрения отношение К. Маркса к частной собственности (опять-таки как

к феномену отчуждения), приведу следующее его высказывание о мелком производстве, основанном на частной собственности: оно, такое мелкое производство, составляет «необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника»; причем этот способ производства «достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда».

Итак, вдумаясь в смысл Марксовых слов: «свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда»! И именно тогда получает развитие свободная индивидуальность самого работника.

Но это мелкая частная собственность, во многом явление прошлого (что, кстати, раскрывает секрет эффективности и обаяния индивидуального фермерского хозяйства). А как быть с современным общественным производством, когда, по утверждению того же К. Маркса, мелкая индивидуальная частная собственность, построенная на собственном труде, пройдя через первое свое отрицание — капиталистическую собственность, восстанавливается (второе отрицание — отрицание отрицания) в виде индивидуальной собственности?

Вот тут-то и оказываются необходимыми начала коллективности, с которыми К. Маркс связывал восстановление индивидуальности — свободной индивидуальности самого работника! — на основе владения произведенными самим трудом средствами производства.

В этом утверждении К. Маркса и подсказан путь освобождения труда в экономике, прошедшей

стадию капитализма (да и, пожалуй, неокapи- тализма), когда складываются кооперация и общее владение, т. е. начала коллективности. Путь этот, — не исключая возможности и целесообразности использования наемного труда, — сделать собственником средств производства, своих условий труда, в принципе, *всех* — да, *всех!* — труженников, прямо «включить» их в отношения коллективной, общественной собственности. К этому объективно и вели логика Октября (его нацеленность передать землю, все средства производства непосредственно производителям), первые шаги «нэповской весны» (попытка возрождения цивилизованной кооперации).

СВОБОДНЫЕ АССОЦИАЦИИ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В рамках социалистической идеи в марксистском ее понимании выработаны и положения о той общественной форме, посредством которой должно произойти формирование свободной экономики и освобождение труда производителей, полное раскрытие их индивидуальности. Такой формой являются *свободные ассоциации производителей — формой, воспринимающей все позитивное из той ценности цивилизации, которая ранее была названа «трудовые сообщества».*

Мысль об этих ассоциациях, об «ассоциированных работниках», высказанная в марксизме, думается, в полной мере еще не оценена нами. Приведу несколько примеров. В «Манифесте Коммунистической партии»: «В ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов». В «Капитале»: «Строй... материального процесса производ-

ства... станет продуктом свободного общественного союза людей». Во французском издании «Капитала»: «Станет продуктом свободной ассоциации людей, действующих сознательно и являющихся хозяевами их собственного общественного движения».

Замечу, что сама конструкция «свободные ассоциации» имеет в качестве своей предпосылки русскую общину, «коммуны», киббуцы, другие формы объединения тружеников, словом, разнообразные трудовые сообщества.

Есть все основания полагать, что К. Маркс как раз в свободных ассоциациях производителей видел основную ячейку экономической структуры социализма. Почему?

Думается, прежде всего потому, что они являются носителями отношений собственности и, значит, реальными, полнокровными производителями, причем такими, которые исключают необходимость использования наемного труда и утверждают свободный труд. Вот что писали К. Маркс и Ф. Энгельс по этому поводу: «В условиях действительной коллективности индивиды в своей ассоциации и посредством нее обретают вместе с тем и свободу».

Далее, потому, что эти свободные, реально демократические, самоуправляющиеся организации (и, мне думается, только они) могут на деле осуществить принцип распределения по труду: здесь все на виду, для каждого ясно, кто чего стоит. В таких условиях (а не при заранее регламентированных «нормативах», которые вообще не способны реализовать живое дело распределения по труду) можно измерить вклад и долю получаемого продукта каждого.

И наконец, потому, что это именно ассоциации — значит, не жестко организованные структуры, а формы общественной самодеятельности, внутренне свободные, незаформализованные, не связывающие свободу личности, такие ячейки, которые окажутся оптимальными предпосылками и для существования и функционирования всего общественного организма, реального и полного утверждения и развития гуманистических и демократических принципов социализма, свободы во всех (не только в политической сфере) областях жизни общества и, следовательно, для приобретения всем обществом качества «свободного».

В связи с этим такой момент. Широко цитируемое высказывание о том, что «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», — не общее рассуждение о будущем, а мысль, обращенная не к чему иному, кроме как к свободным ассоциациям производителей. И если взять текст цитаты не в усеченном виде, то он начинается так: «ассоциация, в которой свободное развитие каждого...»

Свободные ассоциации производителей должны стать главными участниками регулируемых рыночных отношений, строящихся на коллективистских началах, причем такими, которые охватывали бы собственность и обеспечивали бы свободную индивидуальность работника, реализацию идеалов свободного общества. Читатель, надо полагать, без труда заметит, что основные элементы свободной экономики — персонифицированная собственность, освобождение труда, свободные ассоциации производителей — завязаны в один узел, образуют целостное единство, составляя в своем единении свободную экономику.

**ДОЛЖНО
ЗАРАБОТАТЬ
«САМО»**

Та модель регулируемого рынка, которая сложилась ныне на Западе, построена на внешней, в основном государственной законодательной и административной регламентации, на использовании тех рычагов, которые, кстати сказать, были и остаются одним из основных объектов критики в отношении порядков в социалистических странах со стороны либеральной демократии. Конечно, принимаемые на Западе для регулирования рынка меры во многом «либерализованы», состоят не только в ограничительных и запретительных акциях, в отработанной дифференцированной налоговой политике, но и в предоставлении льгот, в выгодных инвестициях, в развитии удобного государственного маркетинга и т. д. И все же это не что иное, как властная, государственно-принудительная регуляция, вплоть до регламентации цен (скажем, в ФРГ до 50 процентов цен — под контролем государства).

Чтобы обеспечить функционирование современного рынка, без такого рода законодательных и административных мер регуляции, по-видимому, не обойтись. Именно таким путем должны быть установлены и поддерживаться нужный уровень социальной защищенности определенных слоев населения — работников обанкротившихся предприятий, безработных, инвалидов, стариков, детей, студентов, групп с фиксированным заработком, — а также экологическое благополучие.

Но надо видеть и другое. Как бы ни были значительны законодательные и административные регулирующие меры, они все же не в состоянии остановить стихийное развитие экономики, ее

неустанный бег, подгоняемый ненасытным потребительством.

А вот те элементы свободной экономики, которые появятся в результате реализации социалистической идеи, способны упорядочить и гармонизировать развитие общества. И способны сделать это без внешнего императивного воздействия, в силу внутреннего действия этих элементов. Так сказать, «сами».

Что здесь самое важное?

В свободной экономике основными товаропроизводителями выступают труженики, включенные в отношения общественной собственности и объединенные в свободные ассоциации производителей, которые, в принципе, могут умерить крайне эгоистические интересы — принимать во внимание коллективистские интересы в большей мере, чем индивидуальный производитель.

Ослабнет, можно ожидать, «демоническое» влияние на людей собственности, когда осуществится ее приватизация на коллективистских началах и основными субъектами персонифицированной собственности станут коллективные собственники.

Наибольший же эффект следует ожидать от освобождения труда, которое призвано «перевернуть» мир ценностей человека, развернуть его, увести от сугубо материально-потребительских устремлений в сторону развития свободной индивидуальности, творчества, удовлетворения и наслаждения от многогранной свободы. Не это ли явится главным фактором, который приведет к умерению рыночных отношений свободной экономики, исключит отдаленно-разрушительные последствия их функционирования?

ПЕРВЫЕ РОСТКИ Приведенные в этой главе со-
ображения о ценностях цивили-
зации, об элементах свободной экономики, вбирае-
мых социалистической идеей, носят общий фило-
софский характер.

А как же в действительности? Как обстоит дело
сейчас?

Дело идет туго. Усугубляется экономический
кризис.

Да и ближайшая перспектива не обещает быть
легкой и радужной. Увы, силы, препятствующие
утверждению и развитию регулируемой рыночной
экономики, оказались довольно могущественными.
Это не только бюрократические административные
структуры, приспособленные лишь для директивно-
административного управления, но и сопротивле-
ние «снизу» — утвердившаяся иждивенческая и
грубо-уравнительная психология, неприятие (под
видом защиты социальной справедливости и ра-
венства) хозяйственной предприимчивости, иници-
ативы, связанного с ними экономического успеха.

К сожалению, растет у части людей стремление
скорее-скорее утвердить в жизни эффективные
рыночные формы независимо от ожидаемых для
общества последствий, для его будущего (с крайне
критическим при этом отношением к привычному
осуждению нами «эксплуатации»).

Вместе с тем, как это ни покажется пара-
доксальным, именно сейчас, когда наша страна
переживает значительные трудности в экономике,
в социальной сфере (в обстановке обновления все
негативное, накопившееся ранее, выплеснулось
наружу), начали ощутимо и конкретно вырисовы-
ваться пути нашего развития, нацеленного на
воплощение в жизнь социалистической идеи, на
утверждение элементов свободной экономики.

А может быть, здесь нет ничего парадоксально-го? Несостоятельность прежних путей развития (глобальное огосударствление собственности, наемный поденный труд, командно-иерархическое управление, вождизм и др.) возвращает нас к «первозданному» Марксу, к началам того гуманного, демократического социализма, с которым связаны надежды человечества на будущее.

О каких элементах социалистического развития идет речь? Остановлюсь лишь на двух (ранее о них говорилось в общей форме) — на тех, которые, по моему убеждению, относятся к первичным, фундаментальным элементам экономической и социальной организации социализма, к свободной экономике.

Первое: осуществляемое уже сейчас прямое включение трудящихся в отношения собственности на средства производства. В современных условиях должны практически реализоваться лозунги Октября о передаче средств производства непосредственно трудящимся, самым ближайшим образом связанные с последующей ленинской идеей о социализме как строе цивилизованных кооператоров.

Это осуществляется в первую очередь в развёртывании кооперативного движения, в создании и расширении сферы деятельности производственных и строительных кооперативов. После упорядочения Верховным Советом СССР налоговых отношений именно эти кооперативы получили привилегированный статус, к тому же они ориентированы на развитие своих основных фондов (доходы на их развитие исключаются из сумм налогообложения).

К кооперативному движению примыкает другое направление — разгосударствление производительного имущества путем его передачи трудящимся на условиях длительной аренды и образования на

этой основе коллективных предприятий. Ныне, после принятия Верховным Советом СССР Законов о собственности, об аренде и внесения поправок в Закон о государственном предприятии (объединении), открыта широкая дорога для преобразования трудовых коллективов госпредприятий в организации арендаторов государственного имущества — арендные предприятия, с последующим наращиванием ими своей групповой собственности, с выходом из-под эгиды ведомств и формированием на этой основе коллективных предприятий, иных ассоциаций трудящихся, т. е. предприятий, которые, в принципе, действуют на кооперативных началах. Со временем, можно ожидать, в нашей стране утвердятся строй цивилизованных кооператоров — самостоятельных, имущественно суверенных социалистических товаропроизводителей — субъектов персонифицированной собственности, складывающейся и функционирующей на коллективистских началах. Ограничение госзаказов, создание оптового рынка средств производства, бирж, других аналогичных товарно-рыночных форм создаст при этом реальную основу для функционирования эффективного многоукладного регулируемого товарно-рыночного хозяйства, ориентированного на человека, на его потребности и интересы и в то же время ведущего к свободной экономике.

Второе: образование на базе кооперации и арендных (коллективных) организаций свободных ассоциаций производителей. Предсказанная К. Марксом первичная структурная единица экономической и общественной организации — свободная ассоциация производителей — способна стать хозяином средств производства и заменить систему неэффективного поденного наемного труда

системой освобожденного труда производителей. Такая замена даст возможность не только быстро преодолеть хозяйственные беды, но и реально и полно осуществить социалистический принцип распределения в соответствии с количеством и качеством труда.

Наиболее примечательное в этом процессе то, что он совпадает, как говорится, один к одному с отмеченной ранее линией на формирование регулируемого товарно-рыночного производства, основными субъектами которого станут как раз кооперативы и арендные (коллективные) предприятия. Именно в рамках производственных и строительных кооперативов, с одной стороны, арендных (коллективных) предприятий — с другой, уже сейчас происходит формирование свободных ассоциаций производителей — основной ячейки социальной организации демократического социализма. Именно здесь — и это особо существенно — уже в настоящее время происходит освобождение труда, что дает взрывной эффект в производительности труда и со временем способно изменить мир ценностей человека.

Означает ли это, что нарождающиеся свободные ассоциации производителей полностью заменят государственные предприятия? Видимо, нет. Применительно к ряду единых экономических комплексов страны государственные предприятия и их объединения и в будущем окажутся необходимыми. Но втянутые в общую систему регулируемого товарно-рыночного хозяйства, они изменят свой облик (это уже осуществляется после внесенных в Закон о государственном предприятии поправок), и это позволит трудовым коллективам предприятий обрести в основном статус свободных ассоциаций производителей.

**К СВОБОДНОЙ
ЭКОНОМИКЕ —
ВСЬ МИР**

Начну с примера, на который в другой работе мне уже пришлось ссылаться.

В США сталелитейная компания «Вейртон стил компани» в 1974 году оказалась на грани разорения. Тогда семь тысяч работавших в компании металлургов, соединив свои скромные средства, выкупили обесценившиеся акции компании и все вместе стали ее совладельцами. И вот результат — резко повысилась эффективность производства, была освоена новая продукция, и предприятие стало одной из самых процветающих компаний в сталелитейной промышленности.

В чем тут дело? Путем выкупа рабочим удалось перешагнуть через неэффективную наемную систему, стать хозяевами, преодолев и в условиях неокapиталистической экономики отчуждение производителей от средств производства. Такого рода групповая (коллективная), и вновь подчеркнем, трудовая собственность непосредственных производителей все более распространяется в зарубежных странах, подобных предприятиях возникают тысячи в США, в Англии, в развивающихся странах, таких, как Зимбабве, а также в Китае. По мнению ряда экономистов Запада, предприятия групповой (коллективной) собственности становятся растущим и заметным сектором экономики, успешно противостоящим частному капиталу, даже базирующемся на акционерной форме.

Нет ли тут некой общей тенденции мировой экономики, единого прогрессивного процесса, который, конечно, проявляется сообразно особенностям того или иного экономического и социального строя? По мнению одного из американских специалистов Дж. Гейтса, анализирующего такого

рода тенденцию, с точки зрения ретроспективы ступени развития социального и экономического положения занятых работников таковы: раб — крепостной — наемный работник — собственник своего же предприятия. Схема, если читатель вспомнит предшествующее изложение, совпадающая с позицией автора этих строк, а главное, с общей тенденцией развития общества, предсказанной К. Марксом.

Думается, перед нами весьма примечательное явление — общее движение человечества к свободной экономике, к переходу от системы найма к освобождению труда. Такой процесс, когда начала коллективности, обобществления затрагивают самую экономическую основу капиталистического общества, свидетельствуя о наметившейся тенденции перехода неокapитализма в посткапитализм.

Помимо всего иного указанная тенденция на фактах, на деле опровергает восторги кое-кого по поводу частной собственности как таковой, которые наталкиваются на фактическое признание в самом капиталистическом обществе преимуществ групповой (коллективной) собственности. Отсюда же следует вывод о том, какой пласт современной мировой экономики может быть ориентиром при проведении и наших экономических преобразований.

А в общем-то следует признать, какие благоприятные условия (при всех сложностях) существуют в нашей стране для движения в сторону свободной экономики, освобождения труда.

Насколько прав С. Н. Федоров, с немалым успехом практически проверивший в возглавляемом им объединении «Микрохирургия глаза» практику свободного труда, когда пишет: «Главная

наша сегодняшняя задача — довести до конца дело, начатое в 17-м году. То есть преодолеть феномен отчуждения человека от своего труда. Мы должны доказать, что коллективный труд на коллективных орудиях производства при справедливом коллективном распределении может быть более производительным, чем труд наемного рабочего с умным менеджером при капитализме. И если мы этого не сделаем, то мы должны честно признать поражение, поднять руки вверх и уйти с исторической арены».

**ПОДУМАЕМ
О ВАРИАНТАХ
РАЗГОСУ-
ДАРСТВЛЕНИЯ**

Итак, важная, быть может решающая, сторона идущих в нашей стране преобразований — это включение всех производителей, всех трудящихся в отношения собственности и формирование ассоциаций свободных производителей. Однако камнем преткновения таких преобразований является монопольная бюрократизированная государственная собственность, и стало быть, центральный пункт, основное звено современной ситуации — это разгосударствление монопольной собственности.

Так что есть смысл подумать о стратегии и тактике такого разгосударствления.

Исходные тут два следующих момента.

Во-первых, строгое определение в соответствии с Законом о собственности объектов свободного оборота и объектов исключительной государственной собственности. Последние (предприятия оборонной и авиакосмической промышленности, единые трубопроводы, основные объекты транспортной и энергетической инфраструктуры) в принципе не подлежат разгосударствлению.

Во-вторых, использование действенных и надежных механизмов разгосударствления, которые

бы, с одной стороны, предупредили разбазаривание государственных имуществ и нарушение сложившихся эффективных экономических структур, а с другой — исключили бы возможность показного разгосударствления, его подмену одними лишь формами распределения доходов (такой, в частности, как акционерная форма на государственных предприятиях, в объединениях, концернах).

Основными механизмами разгосударствления могут быть три следующие системы.

Первая (преимущественная) — арендная система: широкое использование на добровольной основе, со снятием всех ограничений аренды мелких и средних государственных предприятий (а также обособленных структур ныне существующих индустриальных гигантов и сверхгигантов, превращение их в объединения мелких и средних предприятий), наращивание «собственного» имущества с последующим выкупом государственных имуществ и переводом арендного предприятия в статус коллективного. Арендные предприятия, взявшие хороший старт, было бы целесообразно освободить от арендной платы после какого-то срока и предоставить для выкупа государственных имуществ льготный банковский кредит.

Вторая — кооперативная система: продажа предприятия (на котором отсутствует коллектив, способный и желающий стать арендатором) существующему или создаваемому кооперативу с возможным предоставлением ему срочного банковского кредита. При этом желательно предусмотреть порядок, в соответствии с которым работники, привлекаемые кооперативом на началах найма, имеют гарантированное право через определенный срок и при выполнении установленных условий автоматически стать членами кооператива.

Третья — частнопредпринимательская система: аренда с правом выкупа или прямая продажа

предприятия в сферах производства товаров народного потребления, торговли и других услуг гражданину (семье) с возможным привлечением работников на началах найма в установленных пределах. Здесь было бы целесообразно предусмотреть порядок, в соответствии с которым работники, привлекаемые на началах найма, имеют гарантированное право вкладывать свои средства в основные фонды предприятия, стать его сособственниками, что влечет за собой при определенных условиях с согласия собственника, всех сособственников перевод предприятия в статус коллективного или кооперативного.

После формирования эффективного рынка, основными субъектами которого являются ассоциированные производители — коллективные или кооперативные предприятия, — окажется возможным вовлечение в рыночные отношения и действующих в рамках исключительной государственной собственности государственных предприятий, получивших необходимую экономическую самостоятельность и использующих передовые формы хозяйствования (акционерные, внутрихозяйственную аренду).

КвК — книга в книге

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Как это ни покажется удивительным, экономика, значимость которой в общественном развитии признается большинством философских направлений, каким-то образом все же ускользает из поля зрения

основательного философского осмысления. Философия — и это вполне объяснимо — устремляется главным образом в область «высших человеческих сущностей» — духа, идеалов, нравственных ценностей. Даже марксистский философский взгляд на мир, как правило, ограничивается констатацией определяющей роли экономического базиса в обществе. Между тем сфера экономики, охватываемые ею явления — предметная основа углубленного философского анализа, от которой философская логика сама по себе, по самому смыслу миропонимания ведет к постижению высших духовных ценностей.

Центральное место среди экономических явлений, на мой взгляд, занимают собственность и интерес.

О собственности

Собственность до последнего времени была предметом изучения экономической и юридической наук. Причем ее характеристика обычно ограничивалась освещением (довольно общим, при помощи цитат, весьма важных, но ныне ставших тривиальными) того, что собственность представляет собой основу и ядро производственных отношений, что она раскрывается через понятие «присвоение», является носителем материальных и иных богатств, и потому в каждой социальной революции решающий после завоевания власти вопрос — вопрос о собственности.

Все это верно, хотя, подобно многим другим верным положениям, концепция собственности была догматизирована и трактовалась как набор незыблемых постулатов, да так, что механизмы функционирования собственности оставались непонятными, а такие важнейшие факторы жизни общества, как, например, феномен власти, при этом вообще не брались в расчет.

И все же исходное в понимании собственности

точно выражено в уже приводившихся словах К. Маркса о том, что она есть отношение к вещам «как к своим».

Краткие соображения на этот счет таковы.

Каждое лицо живет и действует в сложной, многообразной, густой сети общественных отношений, социальных связей — производственных, нравственных, семейных и многих других. Предметы окружающего мира «просвечивают» через эту густую сеть как бы окутанные покрывалом, порой непроницаемым, общественных отношений. А вот для собственника применительно к «его» вещам эта густая сеть как бы раздвигается, и человек напрямую выходит на вещи: открывается в каждом случае окошечко, через которое прямо, без каких-либо посредников человек может господствовать над средствами производства, иными предметами — владеть ими, использовать и эксплуатировать их, распоряжаться ими. Общество как бы говорит: «Вот эти вещи — твои, и только твои, используй и владей ими по собственному усмотрению, тебе это обеспечивается». И экономический, да и юридический смысл собственности состоит как раз в полной власти собственника над вещами, в свободной возможности пользоваться и распоряжаться ими. Это и дает необходимый для экономики эффект хозяина — лица, безраздельно господствующего над вещами.

Стоит только чуть повнимательней приглядеться к собственности, как оказывается, что перед нами не ординарное, а скорее удивительное явление. В связи с этим уместно сказать и о более широком, без натяжек философском значении собственности в жизни людей, что в общем-то и определяет ее как главный элемент материальной основы жизни общества.

Ведь человеческое общество резко выделяется из сообществ живых существ и образует особую сферу мироздания прежде всего как раз потому, что в орбиту жизни этого сообщества, притом в качестве

его основы, включаются вещественные предметы — средства производства, складывающиеся в связи с ними отношения. А собственность является той сцепкой, связкой, которая «прикрепляет» эти вещественные предметы, иные объекты к конкретным людям, к их коллективам, к другим общественным образованиям. Потому-то характер собственности, ее формы составляют ядро производственных отношений, и именно от нее в первую очередь зависит вся общественная жизнь, все многообразие ее проявлений.

Так что собственность — явление мирозданческое. Она выражает и персонифицирует прямую связь отдельного человека, групп людей, всего общества с его «святая святых» — материальной, вещественной основой, да и к тому же, будучи «властью», она способна стать решающей силой, «непокорным демоном» в жизни людей. Можно сказать даже больше (хотя этот момент требует тщательной научной проработки): собственность — это как бы распространение человека на вещи, вовлечение их в орбиту «себя самого», продолжение человека в вещах.

Отсюда еще несколько, надо полагать, существенных соображений.

Собственность — это своего рода «мирозданческая опора», наиболее прочный фундамент жизни людей, каждого человека, решающий источник его активной, производительной деятельности, раскрытия его индивидуальности, энергии, творческого свободного труда. Читатель, надеюсь, понимает, как хорошо это согласуется с Марксовым видением смысла социалистической идеи.

Есть тут и еще один момент, в науке пока должным образом не оцененный. Обычно собственность рассматривается как благо, богатство (что, в принципе, и вызывало отрицательное отношение к ней традиционных социалистических и в особенности левокоммунистических учений). Да — благо, богатство, источник производительного интереса. Но она

же — источник социального бремени. Собственность — это и бремя.

Да, бремя, т. е. обязанность, ответственность. В чем тут дело?

Если собственность это — продолжение человека в вещах, к которым он относится «как к своим», то у него постоянно существует не только интерес к ним, но и ответственность за них, за их судьбу, за их использование. Да и в обществе примерно такой же настрой: коль скоро есть лица, к которым «прикреплены» вещи, материальные предметы — средства производства, то они и отвечают за них перед всем обществом. Вспомним, что общество с широких философских позиций представляет собой такую своеобразную систему разумных существ, определяющим элементом которой являются материальные предметы — средства производства.

С этой точки зрения едва ли оправданна наша густо-черная тональность при характеристике собственников в эксплуататорском обществе. Капиталисты, например, в хозяйственной деятельности вне сомнения в первую очередь преследуют свои узкокорыстные цели — извлечение прибыли. Но все же они проявляют заботу о своем имуществе с учетом интересов общества, и это не просто камуфляж «угнетательской деятельности», а проявление глубоких общественных функций — той социальной ответственности, того бремени, которые вытекают из самой природы собственности.

И здесь такой момент, связанный с философским видением собственности.

В настоящее время чуть ли ни общим местом стала мысль о необходимости утверждения в нашей стране гражданского общества. Но что такое гражданское общество?

Гражданское общество, в отличие от авторитарных общественных структур с системой тотального подчинения личности и со всемогуществом политической власти, — это общество, суверенное по отношению

к политической власти. И, следовательно, общество, где существуют полноправные и независимые граждане, их объединения. Граждане, их объединения с сильными, защищенными правами, не дарованными сверху, а вытекающими из их *социальных* позиций. Именно тогда, когда каждый гражданин, каждое объединение граждан имеет устойчивую, надежную, равную социальную позицию, формируется гражданское общество, и государство в принципе должно быть правовым (не может не быть правовым), фиксирующим и защищающим высокий правовой статус своих членов — активных участников экономической, политической и правовой жизни.

Что же характерно для социальной позиции граждан, их объединений, при наличии которой формируется гражданское общество и правовое государство? В социалистическом обществе она, судя по всему, складывается из ряда компонентов, среди которых общая социальная ориентация, настрой на истинную демократию, на права человека, на их нерушимость, абсолютность занимает ведущее место. Вместе с тем, надо полагать, в условиях нашего общества социальная позиция граждан, их объединений должна иметь и свою опору в отношении собственности. Ибо нет иных социальных отношений, кроме отношений собственности, которые обеспечивали бы должную меру устойчивости, надежности, определенности в сфере материального производства — первичной основе всей жизни людей.

И такой момент, уже прямо относящийся к демократии, к правам человека.

Сейчас, когда в нашей стране разворачиваются демократические процессы, чрезвычайно важно с необходимой полнотой раскрыть все грани демократии, а не сводить ее к сугубо политическому феномену.

Быть может, и те издержки демократического процесса, с которыми мы в настоящее время сталкиваемся, — в определенной степени результат сугубо политической трактовки этого важнейшего явления культуры и цивилизации — демократии (концентрация

внимания на уличных, митинговых ее проявлениях, попытки решения сложных жизненных ее вопросов одними лишь методами «политической борьбы», жесточечные людей, нагнетание страстей и эмоций в политической жизни и пр.).

Между тем в проблеме демократии первенствующее, доминирующее значение имеют вопросы широко социальные, экономические. Наверное, не случайно, как уже говорилось, революционное рабочее движение началось и долго проходило под лозунгами социальной демократии (к сожалению, само выражение «социал-демократия» в силу ряда субъективных причин приобрело потом одиозный оттенок). Это относится и к эпохе борьбы рабочего класса, всех трудящихся за власть. Но не в меньшей мере это относится к нынешнему времени, к современной стадии обновления советского общества, утверждения в нем идеалов и ценностей гуманного, демократического социализма. Глубокий смысл демократии при социализме состоит не только в том, чтобы обеспечить широкое и полное волеизъявление народа (подчас связанное с деформированной социальной структурой нашего общества, с подспудно консервативной, популистской психологией, оно может, увы, подчиняться случайным, преходящим, эмоциональным факторам), но и в том, чтобы гармонизировать, разумно сочетать, сбалансировать многообразные социальные интересы — и национальные, и «поколенческие», и прежде всего широко социальные, экономические. А эти широко социальные, экономические интересы базируются как раз на многоукладности, на многообразии при социализме форм собственности. Да и на собственности вообще, на том, что ее субъектами являются не просто «лица», а граждане, наделенные твердой и «собственной» основой своего гражданского бытия (конечно, в различных ее разновидностях и формах участия, в том числе и в той, которая называется «титულным владением»). Так что если всерьез говорить о демократических правах, о правах человека, то нужно видеть самую основу гражданско-

го статуса личности, тот единственно прочный фундамент прав, который составляют реальные отношения собственности.

И последнее. Возможно, одной из главных особенностей нашей интеллектуальной и духовной жизни является сейчас своего рода *реабилитация собственности и в теории, и в массовом сознании*. Быть может, в данном отношении это — центральное звено глубоких экономических и политических преобразований, происходящих в советском обществе.

Об интересах

Факторы поведения людей «действуют» в основном через их интересы. В том числе и те, что относятся к общественным формам, выражающим отчуждение человека от действительно человеческих условий существования.

Кстати, тут следует заметить, что эти общественные формы, названные мной «непокорными демонами», потому и «демоны», что воздействуют на человека, на его поведение как бы не сами по себе, а опосредованно, через наиболее острые, сильные, императивные интересы. Причем они не только «ведут» за собой человека, но и определенным образом влияют на его духовный мир, деформируя, а порой и разрушая его.

Не в этом ли коварство вездесущих, скрытно и злокозненно действующих «демонов» нашей жизни?

Интерес вплетен в центральный «нервный узел» субъективной сферы и непосредственно влияет на волю человека и общностей, на их стремления, чаяния и надежды. Именно интересы являются мостиком к практической деятельности, ближайшим импульсом к действию. Интерес, таким образом, может быть охарактеризован как решающая побуждающая сила, идущая от потребности через сферу сознания, воли к практической деятельности. Посредством интересов потребность, объективно возникающая в практической

жизни, как бы возвращается обратно к ней в виде активной целеустремленной деятельности, и это задает динамику общественным процессам.

Интерес представляет собой поэтому непосредственный и самый мощный фактор поведения людей, притом фактор внутренний, относящийся к спонтанно формирующимся и естественно функционирующим движущим силам, лежащим в основе поступков, деятельности. Его действие на много порядков превосходит действие других субъективных факторов, в том числе таких, как привычки, стереотипы.

В то же время и здесь нужно четко проводить дифференцированный подход, строго различать характер интересов, их место и роль с точки зрения объективных закономерностей, реальных потребностей людей, соответствия общечеловеческим идеалам и ценностям. Вопрос, особо значимый при решении проблем приватизации собственности, рынка. С данных позиций, при всей сложности, противоречивости социальной жизни, взаимосвязи и взаимопроникновения ее компонентов, имеются основания для различения: органичных (позитивно-значимых) и неорганичных (негативно-значимых) интересов.

Среди вторых выделим те, которые формируются на страхе потери социального статуса, на жажде славы, корыстных побуждениях. Их сила может быть довольно велика, к примеру, в условиях острого дефицита на потребительском рынке. С неорганичными интересами связано и воздействие факторов власти на человеческие поступки (соперничество, лидерство, честолюбие и т. д.), на групповое поведение, массовые движения (борьба за власть, нетерпимость, экстремизм и т. д.).

Принципиально важное значение имеет выделение органичных (позитивно-значимых) интересов, т. е. таких, которые формируются в контексте социального прогресса, выражают действительно человеческие, социально оправданные потребности данной общественной системы.

Надо полагать, именно сейчас, когда происходит

разгосударствление собственности, когда решаются вопросы перехода к регулируемому рынку, во главу угла должны быть поставлены органичные (позитивно-значимые) интересы, учитывающие перспективу гуманного развития. Скажем, при переходе к регулируемому рынку должны быть не просто решены вопросы насыщения потребительского рынка высококачественными товарами, а заложены предпосылки эффективной организации экономической жизни, ведущей к формированию свободных ассоциаций производителей, к освобождению труда.

Наряду с разделением интересов на органичные (позитивно-значимые) и неорганичные (негативно-значимые) существенно другое разграничение — на постоянные интересы и интересы-задачи. Причем это разграничение может быть проведено применительно и к интересам в целом, и к каждой из упомянутых двух групп.

К числу постоянных относятся интересы, которые выражают непрерывно существующие потребности, затрагивают необходимые условия жизнедеятельности людей и потому в каждый данный момент существуют как реальность, наличность, данность, могут предполагаться как постоянная величина. Это в большинстве своем категория органичных (социально-значимых) интересов.

Интересы-задачи, нередко складываясь на базе постоянных, касаются во многих случаях каких-либо промежуточных рубежей, формирования механизмов и средств, обеспечивающих удовлетворение потребностей на данном этапе, в данной конкретной ситуации. Помимо всего иного их своеобразие заключается в том, что они, как правило, внешне выражаются, объективируются в виде определенных положений, формулировок, нацеливающих на известный комплекс действий, достижение конкретизированных целей. В то же время нужно учитывать, что интересы-задачи могут и не опираться или не в полной мере опираться на постоянные интересы, иметь только или преимущественно субъективное основание, т. е., по сути дела,

характер одной лишь голой «задачи», и потому входить в противоречие с реальными потребностями. Возможны здесь и более сложные соотношения: в частности, интересы-задачи выражают какие-либо постоянные интересы, но одновременно функционируют и порой обладают не менее мощной силой другие постоянные интересы, проявляющиеся в данной деятельности.

Читатель, по-видимому, сможет сам «проиграть» взаимодействие рассматриваемых групп интересов на тех проблемах, которые решает наше общество при переходе к регулируемой рыночной экономике, и согласится, вероятно, как важно всегда держать в поле зрения именно постоянные интересы людей, сверяя с ними те «задачи», которые подчас формулируются под напором сегодняшней ситуации, под давлением взрыва эмоций и страстей, авторитетов. И как трудно в море этих «задач» не сбиться с магистрального пути и с учетом постоянных интересов привести общество к разумному состоянию, оптимистическому будущему.

СИЛА ДЕМОКРАТИИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Развитие демократии — центральное звено
Несколько слов о демократии, о ее ценности,
о ее особенностях

Три ипостаси демократии

Издержки

Тяжелый старт

Как подступиться к твердыне?

О логике перестройки

Стратегическая нить

Что делать?

Реальный путь возрождения партии
социалистического выбора

Многопартийность в условиях
социалистического выбора

Права человека — самое главное? Да!

В преддверии подготовки новой
Конституции СССР

Книга в книге. Размышления

**РАЗВИТИЕ
ДЕМОКРАТИИ —
ЦЕНТРАЛЬНОЕ
ЗВЕНО**

На первое место в обновлении советского общества, призванно-го реализовать социалистическую идею, выдвинулась демократия, ее развитие и углубление.

И в связи с этим — права человека.

Демократия для таких революционных процессов, какой представляет собой перестройка, — явление основополагающее.

Во-первых, сама демократия — одна из наиболее общих ценностей цивилизации; общих в том смысле, что она, по сути дела, охватывает все другие достижения человечества — не только культуру, явления человеческого духа, но и материальную жизнь, экономику. Демократия, в частности, предполагает многообразие форм собственности и их конкуренцию, многоукладность, существование таких экономических форм, которые в предельной степени обеспечивают экономическую свободу человека, его предприимчивость, его инициативу, беспрепятственное распоряжение результатами своего труда и в конечном итоге освобождение труда.

Во-вторых, — и это самое главное — демократия является, в сущности, синонимом свободы, следовательно, того главного, что выражено в социалистической идее. Сила демократии, ее уникальная ценность в том, что, отвечая коренным, исконным потребностям человека, его стремлению к свободе и будучи самой этой свободой, она способна раскрепостить, раскрыть энергию людей, активность всего человеческого сообщества и в этом плане (очень существенный момент!) противостоять своеволию, насилию над человеком, тоталитаризму, вырваться из цепких лап «демона» власти, получить твердую опору в правах человека.

И наконец, в-третьих, через демократические институты с максимальным использованием их позитивного потенциала могут быть сформированы оптимальные структуры управления общественными делами, наиболее целесообразные эффективные государственные и иные общественные формы.

Вполне понятно поэтому, что социализм, который создается ныне в соответствии с социалистической идеей в единстве с ценностями цивилизации, — это **ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ**. А главный путь, центральное звено в созидании такого социализма — всестороннее, углубленное развитие демократии.

Впрочем, наверное, хватит восторженных слов о демократии, ставших за короткий срок такими привычными. Повнимательней присмотримся к этому столь богатому и столь же многоликому явлению.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДЕМОКРАТИИ, О ЕЕ ЦЕННОСТИ, О ЕЕ ОСОБЕННОСТЯХ Демократия вообще — одна из величайших ценностей цивилизации. В недавнем прошлом в нашем политическом языке мы нередко недобро говорили о демократии вообще, предпочитая ей социалистическую демократию как явление, дескать, принципиально новое, не имеющее ничего общего с этой отвлеченной демократией. Нет уж. Коль скоро демократия является ценностью цивилизации, она несет в себе весь потенциал позитивного, что накопило человечество.

Но абсолютная ли ее ценность? После довольно долгого времени, когда в нашем политическом

бытии отвергалась сама мысль о демократии как таковой и признавалась лишь классовая, социалистическая демократия, мы, кажется, ныне кинулись в другую крайность. Теперь возобладали «демократическая эйфория», восторг от всяких проявлений демократии, когда подчас даже осторожные, робкие предложения о необходимости сочетать ее с организованностью, профессиональным управлением вызывают протест и оцениваются как происки врагов перестройки, как возвращение к административно-командной системе.

Но каждый ли всплеск демократической активности, пусть и в рамках закона, несет в себе положительный потенциал? Извлечем кой-какие уроки из нашего ближайшего опыта. Вопрос о политической реформе, о разворачивании демократии в ходе перестройки возник ведь по той причине, что стратегия ускорения социально-экономического развития и внедрение экономических методов натолкнулись на непробиваемую стену бюрократического аппарата и административного управления. Возникла острая потребность через демократию привлечь всех трудящихся к экономическим делам, разжечь их интерес к труду. Однако факты свидетельствуют, что использование институтов демократии, ее внешних, престижно-привлекательных форм, в особенности «разговорных», не очень-то способствовало углублению экономических методов, созданию эффективного товарно-рыночного хозяйства. Более того, если уж говорить начистоту, «демократическая эйфория» в ряде случаев осложнила экономическую ситуацию, породила новые жизненные трудности, переключила

наше внимание с неотложных экономических проблем на шумную политическую проблематику.

Другой пример: использование демократических институтов в сфере национальных и межнациональных отношений. Оно в ряде мест стало предпосылкой, а точнее, прикрытием разгула национальных страстей, стихии крайних националистических лозунгов, нестабильности, привело к тупиковости в решении межнациональных вопросов, вопросов федерации, ее целостности.

Даже идея республиканского хозрасчета (точнее, республиканского экономического самоуправления) оборачивается пока усилением социальной напряженности, стремлением к экономической изоляции.

Увы, демократия, возможности которой мы только начали использовать, уже обнаруживает себя как явление многоликое. Это заставляет нас подойти к ее проявлениям и ее институтам (как это делалось в отношении иных явлений) дифференцированно.

ТРИ ИПОСТАСИ ДЕМОКРАТИИ

В демократии как порядке или режиме власти народа можно различить по меньшей мере три аспекта. Она и форма личной, индивидуальной свободы человека, и способ управления делами общества, и показатель социальной активности людей — «едина в трех лицах».

Ценность демократии для каждого человека — в ее личностном аспекте, т. е. в том, что демократия для любого человека дает необходимую меру свободы: свободу поступать по своему

усмотрению в личной жизни, свободу выбора властей предержавших, свободу слова и т. д. Именно тут демократия предстает как некая абсолютная ценность, не терпящая сколько-нибудь существенных ограничений.

А вот при управлении делами общества (на этот аспект демократии порой распространяется обаяние ее личностной стороны, столь же восторженно безапелляционные оценки) ценность демократии уже относительна, здесь все зависит от ее взаимоувязанности с компетентностью и рациональностью профессионального управления. Сила демократии тут тем больше, чем органичнее ее институты связаны с компетентностью и научной обоснованностью управленческого профессионализма, чем в то же время менее она позволяет ему выродиться в бюрократизм.

Если же обратиться к третьему аспекту демократии, тесно связанному с первыми двумя, то здесь картина и вовсе иная. Ведь социальная активность людей может быть очень разной. Простор, который дает демократия нашей активности, может быть заполнен бескорыстием и эгоизмом, подвижничеством и личными амбициями, общим благом и клановой групповщиной, высокой нравственностью и корпоративной моралью.

Конечно, демократическая многоголосица, плюрализм и столкновение мнений — реальность, при демократическом режиме неизбежная, требующая спокойного, терпеливого и уважительного отношения. Но все дело в том, что в свободное поведение, открываемое демократией, могут врываться узкоэгоистические, властоцелестремленные групповые, клановые интересы и вожделения и — что еще

более страшно — насилие. Политическое насилие. Почему? Потому, что активность в сфере демократии так или иначе затрагивает власть и в силу логики политических отношений выливается в борьбу за власть. Опыт прошлого и настоящего свидетельствует: нередко через демократические формы надежно утверждают свое господство, диктатуру экономически могущественные люди, организации и группы.

ИЗДЕРЖКИ Вот и оказывается, что демократия, если рассматривать все ее грани, не может быть обозначена одними только плюсами и восклицательными знаками. Демократия имеет, как говорится, издержки — и немалые.

Поэтому стоит ли удивляться тому обстоятельству, что именно в условиях расширения демократии, как только ослабло действие безжалостной централизованно-тоталитарной управляющей системы в нашей стране, произошел взрыв всевозможных отрицательных явлений. Стали утверждаться не только демократические формы, через которые, кстати сказать, порой проводят свои интересы просто экономически сильные трудовые коллективы, кооперативы, национальные и самодеятельные движения, но и насилие, культ и вседозволенность силы.

Да, силы. Силы, которая предстает — как ни горько сказать и как ни парадоксально это звучит — в виде «демократии силы». Силы, проявляющейся в рамках демократических институтов, прикрывающейся лозунгами демократии и претендующей на представительство «от интересов и от имени масс». И от этого, увы, не менее жестокой и беспощадной. С ненавистью и непри-

миримостью к иным взглядам. Со стремлением отстранить от участия в политической жизни людей, имеющих другое мнение, заткнуть им рот, захлопать, затопать, а то и затоптать.

Дух силы иной раз витает над митингами; жесткие нотки звучат в словах ряда публицистов и руководителей движений; диктат силы порой проскальзывает в чем-то понятных и оправданных забастовках, в особенности политических.

Нередко «демократия силы», преимущественно на почве обострения конфликтов, прежде всего межнациональных, оборачивается открытым разгулом варварства, расправ, кровавых столкновений. И пусть в связи с этим тревожит нашу память по многим меркам отдаленная, но все же многозначительная аналогия: фашизм, обыкновенный фашизм, вырос как политическая реальность из массовых страстей, стихии толпы, среди которой господствовал культ силы.

И самое грустное то, что возрастает число случаев, когда под громкими лозунгами демократии начинают выступать консервативные круги, которые популистские формулы, принципы «грубого коммунизма» фактически используют против обновления социализма, а то и в откровенно реакционных, антиконституционных целях. Опять-таки во имя силы, силы кулака.

ТЯЖЕЛЫЙ СТАРТ Тяжело начинать с нуля, с пустого места (хотя тут есть и известные плюсы — ну скажем, отсутствие непреерекаемых стереотипов). Но еще труднее, когда есть нечто такое, что нужно преодолевать, убирать с пути или же (оптимальный вариант) существенно переделывать для продвижения вперед.

В нашей стране демократия начинает разви-

ваться в обстановке, когда ее антипод административно-командная система, овеянная в разветвленной совокупности многочисленных партийно-государственных и общественных организаций, учреждений, структур, еще не ликвидирована во всем своем объеме и могуществе. Мы уже во многом вырвались из тоталитарного режима, но пока остаемся под эгидой административно-командной системы, которая, как видно теперь, притерта во всех своих частях, успешно прошла через многие испытания, переделки и «перестройки», научилась приспособливаться ко всякого рода трудностям и превратностям судьбы, «подхватывает» новое, а то и сама выступает с «нововведениями» и потому стоит на глубоко вросших в землю чугунных опорах — это вовсе не Колосс на глиняных ногах.

Старт, с которого берет свое развитие демократия, осложняет также существующая морально-политическая атмосфера. В ней не только благородные начала служения общественному долгу и бескорыстие, выраженные в социалистической идее, но и постулаты, навеянные идеологией военного коммунизма, по-комиссарски безжалостного и беспощадного. В нашу плоть и кровь вошло заповедное правило: нравственно все, что служит делу коммунизма. Не кому-нибудь, а В. И. Ленину, нравственно чистому человеку, принадлежит это правило, как и следующие слова, сказанные в годы торжества военно-коммунистической идеологии: «Надо ...пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности — пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды... Конечно, в Западной Европе, особенно пропитанной особенно закоренелыми легалистскими, конституционными, буржуазно-демок-

ратическими предрассудками, такую вещь проделать труднее. Но ее можно и должно проделать и проделывать систематически».

Не является ли отзвуком таких постулатов практика наших хозяйственных органов, когда административно-жесткие задания простодушно выдаются за «государственные заказы», вместо «ликвидированных» министерств и главков тут же формируются «технические управления» и самоновые «концерны», администраторы переводятся в инженеры и т. д. и т. п.?

Немалую негативную роль играют укоренившаяся общественная психология иждивенчества, стремление к примитивному уравнительству, неприятие — под «высокими» лозунгами — таких новых хозяйственных и организационных условий, когда нужно «напрягаться», идти на хозяйственный риск, добиваться успеха своими собственными активными действиями (да к тому же расставаясь порой с такими привычными привилегиями).

КАК ПОДСТУПИТЬСЯ К ТВЕРДЫНЕ! Административно-командная система — твердыня мощная, огороженная непроходимыми рвами и несокрушимыми бастионами, самовосстанавливающаяся.

Как тут быть?

Революционный смерч?

Как не вспомнить тут мечтания Бакунина, Кропоткина, других великих анархистов, грезивших о таком всенародном бунте, который вообще навсегда сметет с лица земли скверну государственности. Но смею заверить, что после клубов дыма, брызг крови, победного дурмана, неизменно сопровождающих безжалостную революционную

бурю, сразу же начинают вздыматься бастионы новой административной твердыни.

Итак, что же делать? Ведь административно-командная система продолжает существовать.

Развивать дальше гласность?

Что ж, в этой области кое-что, притом весьма существенное, уже сделано. Эпоха гласности с ее крайностями, с ее разоблачительным пафосом, с безостановочно нарастающим шквалом ударов в самые уязвимые, болезненные места административной системы, хотя порой по ее не всегда самым худшим представителям, — эта эпоха, несмотря на все протесты (и какие ведь протесты!), сделала свое дело. Ныне необходимость, неизбежность, необратимость перемен с нравственно-психологической стороны очевидна для всех нас, пусть и пораженных психологией иждивенчества, иной раз и ностальгией по «твердой дисциплине», далеко не всегда лично готовых участвовать в переменах. Нужно уж как-то сверх хитро извернуться, чтобы сказать: давайте вернемся к старому или хотя бы сохраним из старого то, что есть. Даже проявляющаяся подчас активность приверженцев сталинизма — тех, кто никак «не может поступиться принципами», — представляется мне не очень серьезным занятием, не более чем предсмертными конвульсиями навсегда уходящего времени.

И все же, мне думается, было бы наивно коварным заблуждением считать, что гласность, рассчитанная в основном на крепость и безапелляционность разоблачительных выражений, спонтанно сама по себе приведет к крушению административно-командной системы. А не наоборот ли? За известными пределами (когда и впрямь нужны политические предпосылки) гласность и кое-что другое из «разговорных» демократических форм

далеко не во всем препятствует существованию и функционированию административно-бюрократического аппарата. Пожалуй, даже так: будучи тревожащим раздражителем, они помогают бюрократическим структурам привести себя в состояние повышенной мобилизации, адаптироваться к новым условиям. Порой сдаётся мне, не выполняют ли «широкие», раскованные всплески «разговорной», лозунговой демократии некий социальный заказ бюрократии — уйти, отвлечься от действительно главных проблем, заикнуться на внешних, словесных демократических формах, утопить в бесконечных разговорах и манифестах перспективу реального революционного преобразования?

Более того, сама борьба приобретает здесь уродливые формы, концентрируется на одной лишь борьбе с «аппаратом», приобретает остро конфронтационный характер, а результаты конфронтации большей частью сводятся к появлению на поверхности политической жизни наиболее громогласных «борцов», нередко действительно смелых и радикальных, но по конечному итогу не идущих дальше того, что в сфере власти может быть обозначено как «перемена лиц». Да конечный итог тут и не может быть другим, ибо сумма и качество власти в обществе остаются неизменными. От того, что влиятельный пост займет смелый и радикальный человек, эффекта не получится — смелый и радикальный очень быстро обретает навыки прежнего руководства. Административно-командная система иного варианта не даёт.

Что делать дальше? Тут возникает надобность хотя бы вкратце, в самых общих чертах остановиться на стратегии перестройки.

О ЛОГИКЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Перестройка, революционное обновление нашего общества, наряду с общим стратегическим замыслом имеет и свою логику развития. Впрочем, эта логика неотделима от общего стратегического замысла.

Ведь дело тут по масштабам истории беспрецедентно крупное.

Речь идет о сломе необыкновенно живучей монолитной административно-командной системы, о переходе общества в принципиально иное состояние. И значит: о решительном выходе всего общества из административно-командной системы и переходе его в качественно другую, гуманную, демократическую общественную систему, с новой политико-нравственной атмосферой, истинно человеческой системой ценностей.

Понятно, что выход общества из административно-командной системы и переход к строю гуманного, демократического социализма требует широкого комплексного подхода, который должен охватить все общественные сферы — и политическую, и экономическую, и нравственно-духовную. Работа, решительная и смелая, должна вестись по всем направлениям.

Вместе с тем тут нужна продуманная, четко выверенная и последовательная логика перестройки, когда бы звено за звеном, этап за этапом выстроились в единую цепь.

И суть вопроса не только в том, чтобы сосредоточить усилия на том или ином узловом, ключевом участке, — это тактика. Суть вопроса — в поэтапном развертывании перестроенных процессов. И это важно твердо уяснить именно сейчас, когда, закономерно начав с развертывания полити-

ческой стороны демократии, мы ныне, кажется, «зациклились» на ней, остановились, застряли.

Причем на каждом этапе есть стягивающая, держащая всю конструкцию нить, она обеспечивает прочность конструкции, но выдерни ее, эту нить, — и вся конструкция разлетится в разные стороны. Что это за нить в перестройке на современном этапе?

СОБСТВЕННОСТЬ!

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ Могу со всей ответственностью
НИТЬ утверждать, что вся административно-командная система «сидит» на бюрократизированном хозяйстве, на предельно огосударствленной собственности. Более того, система может существовать и функционировать лишь постольку, поскольку незаконно (подчеркиваю и настаиваю: незаконно! неконституционно! противоправно!) фактически является собственником всего государственного имущества. А следовательно, вольно, по своему усмотрению, в своих интересах распоряжается государственным имуществом, присваивает результаты его производительного использования на предприятиях, судит и милует, одаривает угодных и обездоливает неугодных и тем самым реализует и обеспечивает свою безраздельную власть.

Значит?

Значит, для того чтобы сломать административно-командную систему, лишить ее власти и силы, нужно прежде всего решительно отнять у нее то, что она по закону не должна иметь, — собственность на государственное имущество.

Казалось бы, вещь архипростая, легчайшая из легких. Декретируй, издай закон о том, что

министерства и ведомства, образующие административно-бюрократическую систему, не вправе иметь собственность, передай все права предприятиям или Советам, и все в порядке. Ох, если бы все было так просто.

Ведь хозяйственно-административная бюрократическая система — не одна лишь совокупность министерств и ведомств. Это и многогранный аппарат предприятий, осуществляющий в рамках этой системы непосредственную административную деятельность, — неотъемлемая часть, плоть от плоти этой системы. Как ни парадоксально (для меня, во всяком случае, это было поначалу неожиданно), директора предприятий во многих случаях оказались более жесткими, сильными, непреклонными «аппаратчиками», нежели работники иных центральных ведомств.

Что же касается предприятий, то они (при всех широковещательных заявлениях «коллективы — хозяева имущества», «сами владеют, пользуются, распоряжаются», «сами планируют» и т. д., содержащихся в принятых в недавнее время законах) по-прежнему тысячами нитей связаны с министерствами, другими ведомствами и госзаказами, и утверждением результатов выборов директоров, и фондами, и контрольными цифрами, и ассигнованиями, и невесть еще чем. Так что объявляй — не объявляй предприятия «хозяевами», пусть даже «собственниками» имущества, все неизменно возвращается на круги своя. Незыблемая, монолитная административно-командная система остается нераздельным фактическим собственником государственного имущества, спланировав в одну боевую команду всех: и министров, и начальников главков, и директоров предприятий.

ЧТО ДЕЛАТЬ! В таком мощном революционном процессе, как перестройка, палочка-выручалочка одна — демократия! Но демократия не в ее шумливых, «разговорных» формах, а продуманная, отработанная во всех своих деталях, последовательно и настойчиво реализуемая, основанная на законе. Идущий шаг за шагом стратегически выверенный процесс.

Два шага — главные.

Первый: к реальной политической власти, к власти, действительно обладающей законодательной силой. И, надо сказать, такой решительный шаг уже *сделан*. В 1989 году после весенних выборов народных депутатов СССР, в мае, был сформирован Верховный Совет СССР, который, набирая опыт, мудрость, повышая гражданскую ответственность и политическую культуру, к осени 1989 года сосредоточил свое внимание на законах о преобразовании экономики.

Такие законы, как о собственности, о земле, об аренде, уже приняты Верховным Советом СССР. Плюс к тому страна перешла к президентскому правлению: сформирована власть, способная обеспечить фактическую реализацию этих законов.

Конечно, главный среди принятых актов — Закон о собственности. Вместе с тем надо видеть, что есть не менее важный закон — об аренде.

Почему не менее важный? Да потому, что он не только предоставляет предприятиям, другим хозяйствующим субъектам весомые вещные права (близкие к праву собственности), позволяющие им быть реальными товаропроизводителями и со-

бственниками производимой продукции, но и дает возможность путем выкупа арендованного имущества стать настоящими коллективными собственниками средств производства — свободными ассоциациями производителей, по экономическому, организационному и правовому статусу очень близкими к кооперативам.

Вот и открыт путь для реального, на деле разгосударствления имущества, для превращения коллективов трудящихся в собственников средств производства, в реальных и полноправных хозяев имущества — товаропроизводителей. Тем более, что сейчас взят курс на радикализацию экономической реформы, на решительный переход к регулируемой рыночной экономике, которая *немыслима без действительно свободных, экономически суверенных хозяев.*

Но это только первый шаг. Понятно, что министерства, ведомства не очень-то хотят, чтобы предприятия обретали статус арендных и, по сути дела, выбывали из-под их влияния. Причины «поведомственному» объяснимы, не будем судить строго работников министерств, ведомств, никому не безразлична собственная судьба.

И вот тут — второй шаг. Шаг как раз в «святая святых» экономики, в отношения собственности.

Настало время широкого народного движения за то, чтобы коллективы трудящихся сами — сами! — на основании законов о собственности, земле и аренде становились хозяевами средств производства.

Настало время, скажем иначе, для того, чтобы вырвавшись с помощью демократии людскую политическую энергию переключить на то самое главное, что способно решить многообразные наши проблемы, дать мощный стимулирующий и стаби-

лизирующий заряд всем областям жизни: экономической, политической, национальной, духовной, — на то, чтобы, используя законодательные нововведения о собственности, земле, аренде, люди становились арендаторами государственного имущества, «обрастали» своим имуществом и превращались в хозяев, собственников-товаропроизводителей, организуя и резко активизируя рынок, товарно-рыночное производство.

Повторюсь, ждать милости «сверху», от центральных министерств и ведомств, не приходится. Боюсь, что организованные на местах республиканские и региональные административно-управленческие структуры (новое законодательство, увы, дало для их развития известный простор) быстро догадаются: выпускать на рынок, давать «товарно-рыночную волю» подведомственным им органам — это подрубать сук, на который они только-только взгромоздились...

Так что судьба нашей экономики, всего общества зависит прежде всего от нас самих. И с этой точки зрения есть глубокий смысл в том, чтобы основную нашу энергию «перебросить» с митингования на то, чтобы добиться от министерств, ведомств, других органов не препятствовать коллективам трудящихся твердо осуществлять экономическую власть, реально и полноправно хозяйствовать на своем участке экономической деятельности и самим — самим! — решать достойно и ответственно вопросы своей хозяйственной, социальной, культурной жизни.

Да, хозяин не бастует; хозяин в условиях рыночной экономики плохо не работает; хозяин, добавлю еще, — субъект расчетливый, ответственный за свое «дело», свою судьбу, свое будущее.

А какой авторитет могут приобрести тут

руководители партийных органов! Если безоговорочно и решительно поддержат коллективы трудящихся, жаждущие обрести хозяйскую самостоятельность.

**РЕАЛЬНЫЙ ПУТЬ
ВОЗРОЖДЕНИЯ
ПАРТИИ СОЦИА-
ЛИСТИЧЕСКОГО
ВЫБОРА**

Действенный и, на мой взгляд, единственно надежный путь возрождения авторитета партии социалистического выбора, КПСС, — ее застрельщическая роль в борьбе за фактическое

обретение коллективами трудящихся экономической власти над средствами производства.

Ведь это как раз и есть исконно партийное дело! Дело, проистекающее из глубины ленинского понимания партии как партии рабочего класса, ленинских социал-демократических позиций.

Ведь рабочий класс в современную эпоху — это не «пролетариат, лишенный средств производства». Это, напротив, класс, становящийся реальным хозяином средств производства, идущий по пути образования свободных ассоциаций производителей, освобождения труда. А ведь именно социал-демократическая партия, исторической преемницей которой призвана быть КПСС, начала утверждать, и прежде всего в экономической и социальной сферах, марксистские принципы реального овладения производителями средствами производства.

Да, не состоялась красногвардейская атака на капитал, не получилось с внедрением непосредственно коммунистических принципов в область производства и распределения; более того, стали развиваться на этой почве тоталитарные политические начала. Но ведь и сам В. И. Ленин в конце жизни поставил вопрос о крутом изменении виденья социализма, таком изменении, которое бы

вернуло, как следует из самого хода ленинской мысли, социалистическое движение к его идейным истокам (а если посмотреть глубже — к «изначальному» Марксу), когда претворялись в жизнь и развивались социалистическая идея и, значит, принципы революционной социал-демократии.

Сейчас признана необходимость политического плюрализма, реального через Советы и президентскую власть сосредоточения политической власти непосредственно в государстве. Идут, причем во многом и снизу, процессы демократизации партии, ее организационного и кадрового обновления. Близка к решению проблема и с упорядочением партийного аппарата, с его сокращением, с концентрацией работы на чисто партийных функциях, без вторжения в непосредственно государственную деятельность, с ликвидацией привилегий и номенклатуры.

Но что и впрямь является проблемой проблем, главным пунктом, который действительно придаст бы партии значение политической силы, олицетворяющей социалистический выбор и современную социалистическую идею в марксистском ее понимании, сделал бы партию действительно партией рабочего класса, так это возрождение партии в ее революционно-ленинской форме и социал-демократическом содержании, ее ориентация на решительное преодоление отчуждения труженика от средств производства, власти, труда, его результатов.

Авангардная роль партии — в том, чтобы способствовать трудящимся в обретении ими реальной экономической власти над средствами производства (что является ключом и в обретении реальной политической власти), в продвижении общества к созданию свободных ассоциаций производителей, к освобождению труда. В этом и состоит реализа-

ция революционной социал-демократической миссии партии. Осуществись эта миссия, пусть и с «боями», с преодолением сопротивления ведомств, — и высокий авторитет партии будет обеспечен, и она укрепит свои позиции в политической жизни страны. Отвернись партия от этого, от всего позитивного, что выработано социал-демократическим движением, оставь все это другим формируемым сейчас организациям и движениям, и она останется в основном с недавним прошлым, со сталинизмом, с тем, что должно уйти в мрачное небытие.

**МНОГОПАРТИЙ-
НОСТЬ
В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛИСТИЧЕС-
КОГО ВЫБОРА**

Многопартийность — достижение цивилизации. Она предупреждает монополию власти и экономики — источник застоя, загнивания и самоуничтожения, вызывает политическую и эконо-

номическую активность, вырабатывает варианты решений, позволяет выбирать среди них лучшие, оптимальные.

Да и время для развертывания многопартийности в нашей стране в общем-то уже настало; и оно становится реальностью в сегодняшние дни. Политический плюрализм в интеллектуальной, идейно-духовной сфере — такова его логика — переходит в многопартийность. При этом разговор идет о многопартийности в условиях социалистического выбора (иначе перед нами окажется обычный режим либеральной демократии, что в общем-то и случилось в ряде стран Восточной Европы; ничего особого, требующего специального рассмотрения тут нет).

И нужно видеть те проблемы, трудности,

которые связаны с утверждением многопартийности именно в условиях социалистического выбора.

Во-первых, существует острая потребность, чтобы с достаточной полнотой и ясностью выкристаллизовалась современная социалистическая идея, вбирающая достижения цивилизации. Надо отдавать себе отчет в том, что в условиях, когда из-за провалов и преступлений военно-коммунистического режима, в чем-то справедливо связываемых с КПСС, последняя пока с трудом воспринимается массовым сознанием как носительница современной гуманной и демократической идеи. Само столкновение и конкуренция этой еще не вполне утвердившейся во всей своей полноте идеи с иными внешне престижными, броскими взглядами могут приобрести однобокий, деформированный характер и лишит общественные движения страны перспективы оптимального выбора исторически оправданного пути.

Во-вторых, было бы трагическим допустить, чтобы многопартийность и вытекающая из нее политическая конфронтация сразу же вылились в непримиримую, жесткую и жестокую борьбу за власть, за посты и рычаги управления в политической структуре, в национальный сепаратизм, что приведет к быстрому распаду всего общественного организма. А все это возможно при нынешнем состоянии социальной и национальной напряженности, уровне общей и политической культуры, юридической неурегулированности складывающихся здесь отношений.

И наконец, в-третьих, необходимо уже сейчас тщательно взвесить варианты политического плюрализма с тем, чтобы многопартийность приобрела разумно-деловой характер, не вылилась бы в политическое шоу, где успех решают не разум

и оптимальность программ, а многомиллионные денежные инъекции, закулисные «политические игры» и настырность команд претендентов и где все дело завершается в основном сменой «администрации» и лозунгов. Наверное, и в этом все есть что-то демократичное, но все же не настолько, чтобы оправдать такую многозатратную, дорогостоящую многопартийность (с которой, увы, подчас связываются сугубо персональные, амбициозные расчеты и претензии).

Думается, что все эти проблемы, трудности найдут решение уже в ближайшее время, в том числе когда будут выработаны законодательные основы многопартийности.

А как быть с сегодняшним, уже существующим политическим плюрализмом — с народными фронтами, политическими ассоциациями, партиями, объединениями и т. д.? Ведь они-то уже сейчас участвуют в политической жизни, политической борьбе.

Тут важно учитывать реальное положение вещей.

В силу сложившихся условий КПСС ныне — это действенная политическая сила. И многое в судьбе нашей Родины зависит от того, как быстро и эффективно осуществится в партии перестройка и она всецело станет носительницей гуманного, демократического социализма. К этому ведут развертывание в КПСС политической дискуссии, организационные и кадровые обновления, формирование конкурирующих платформ, учет всего позитивного, что реально обеспечивает указанный процесс.

Если такой, оптимальный, вариант перестройки партии реально осуществится и она фактически станет носительницей социалистического выбора

общества, то миссия иных политических организаций и объединений, поскольку не изменен выбор исторического пути, — быть оппонентурой общенационального политического курса, способствовать формированию и отработке идей гуманного, демократического развития, а в тех структурах, где отстаиваются иные идеи (допустим, идея капиталистического развития), — противоборствующим фактором, оттачивающим прогрессивные идеи, проверяющим их жизнеспособность.

Ныне народные фронты, политические ассоциации, партии возникают подчас на случайных основаниях, порой по принципу звучности и призывности соответствующих лозунгов и наименований, исторических аналогов. В ходе формирования действенного политического плюрализма, многопартийности мне представляется более оптимальным другой путь — путь постепенного формирования общественно-политических организаций, опирающихся на объективные экономические интересы, разные народнохозяйственные уклады, формы собственности.

Уже появились в политической жизни организации советских кооператоров, фермеров, арендных предприятий. Не за горами, видимо, образование общественно-политических организаций, объединяющих государственные предприятия. Не они ли являются основой политического плюрализма в нашей стране? Не они ли окажутся той реальной силой, которая вместе с политической партией, олицетворяющей социалистический выбор, будет выполнять функции не только политической оппонентуры, но и действенного участника политической жизни в условиях социалистической многопартийности? Я уже не раз высказывался по этому поводу и вообще-то не встречал сколько-

нибудь существенных возражений, и мысль о том, что подобные общественно-политические организации могут стать основой, несущей конструкцией плюралистической политической структуры, многопартийности социалистического общества, у меня в достаточной степени окрепла.

Вопрос же о переходе к многопартийности в современной обстановке чрезвычайно обострился. Показателем этого является недавний избирательный марафон. Практика свидетельствует о том, что отсутствие партийных программ на выборах не дает возможности избирателям надлежащим образом ориентироваться в бесчисленном множестве «индивидуальных платформ», политических альтернатив, и решающим фактором, определяющим выбор избирателей, становятся порой случайные обстоятельства, хлесткость выступлений против аппарата, личная внешняя привлекательность претендента, обещания несбыточных благ и т. д.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — САМОЕ ГЛАВНОЕ! ДА!

Труден процесс становления правового государства в нашей стране. Поначалу казалось, что объявление такой формулы само по себе изменит ситуацию в обществе. Что ж, эта формула и впрямь «дорогостоящая»: официальное и общее ее признание — свидетельство решимости идти по пути утверждения правовых начал в жизни нашего государства.

Но после долгих лет тоталитаризма мы все же остались только в самом начале многосложного пути создания правового государства. Эта формула «потянула за собой» необходимость крупных преобразований. И резкое понижение уровня императивной государственной власти в обществе (иначе постоянной будет угроза превращения ее

в «непокорного демона», страшного и беспощадного). И придание власти просвещенного, светского, не заидеологизированного характера (иначе на первый план неизбежно выступят партийные и иные «негосударственные» структуры). И строго разрешительный порядок деятельности государственных органов и должностных лиц (с тем, чтобы не было «законных» оснований для произвольных действий). И утверждение общедозволяющего порядка для деятельности граждан, общественных организаций по принципу «дозволено все, кроме запрещенного законом». И резкое возвышение суда в жизни общества. И еще немало другого.

Действительное правовое государство складывается из многих слагаемых.

Но, думаю, есть среди них самое главное, центральный пункт, ключевое звено. Это *права человека*.

Тут нужно покаяние. Многие из нас долгое время были «терпимы» к жестким преследованиям последовательных сторонников правозащитного движения, да и пренебрегали в нашей науке самой этой категорией «права человека», видели в ней отзвуки натурфилософских взглядов, не допускали саму возможность признания каких-либо значимых прав «вне государства» и т. п. Между тем категория прав человека — это само «сердце» демократического развития, единственный надежный показатель того, что общество и государство принимают демократию и человека как высшие ценности.

Категория прав человека должна быть признана в качестве определяющей юридической реальности, с которой соотнобразовываются (не могут не соотнобразовываться) и законодательство, и юриди-

ческая практика, и любые политические акции в стране.

Сейчас в нашем обществе все «за демократию». А вот по отношению к правам человека легко выявляется, кто есть кто. Приходится, например, слышать, что в борьбе с мафией, в борьбе с организованной преступностью надо действовать беспощадно — при чем тут, мол, какие-то процессуальные упущения, нарушающие права обвиняемых и подозреваемых и пр. Но позвольте, чем такой подход отличается от политики борьбы с троцкистами, со «шпионами и убийцами»? А в зарубежье — с «плутократами» и «евреями»? Во всех этих случаях допускается, считается оправданным умаление прав человека во имя каких-то «высоких» целей. И это не что иное, как тоталитарное мышление, ведущее к произволу и беззаконию.

Человек — существо в чем-то трагическое, само по себе уязвимое и незащищенное. И демократическое, гуманное общество должно дать ему твердые опоры в его нелегком и таком коротком существовании на Земле. Одна из них — собственность, прямое участие человека в производительной собственности. А другая опора, абсолютная и неизменная, — нравственно-политическая основа действительной свободы людей — права человека.

**В ПРЕДДВЕРИИ
ПОДГОТОВКИ
НОВОЙ КОНСТИ-
ТУЦИИ СССР**

Важнейшая роль в созидании гуманного социализма, в развертывании и углублении демократии принадлежит Конституции СССР.

Конституция — не просто Основной закон; это юридическая квинтэссенция, правовое кредо общества, решающий учредительно-политический акт.

Создаваемая Конституция — Конституция со-

циалистического правового государства. Она должна стать полнокровно юридической конституцией. В ней устои, основные начала гуманного, демократического социализма должны быть закреплены, выражены в четкой юридической форме.

В преддверии подготовки Конституции вот какие соображения хотелось бы высказать.

Во-первых, думается, ее исходный пункт, ее альфа и омега, стержневая линия — права человека. Наверное, было бы оправданным именно с них начать Конституцию, посвятив этому первую главу. Таким правам человека, как права на жизнь, на достойное существование, на личную безопасность, безусловную защиту судом, свобода выбора форм труда и его оплата в соответствии с количеством и качеством, и др.

Во-вторых, это структурированность власти. Не просто разделение властей (вещь элементарная, само собой разумеющаяся), а такая цивилизованная организация власти, когда была бы исключена ее концентрация, возможность узурпации, злоупотреблений ею. А для этого необходимо не просто существование «трех властей» (законодательной, исполнительной и судебной), но такое их соотношение, при котором каждая «власть» была бы суверенной, решала бы только собственные задачи и при необходимости могла бы умерить, поставить на место другую власть.

И в-третьих, вопрос, наверное, самый острый, болезненный, деликатный. Сейчас повсюду говорят о необходимости наполнения советской федерации реальным содержанием.

А не пойти ли нам в этом деле дальше? Ведь когда в 1922—1924 годах было провозглашено право союзных республик на свободный выход из состава Союза, то это право, как его ни трактуй, имело конфедеративный характер. И сейчас, в условиях обострения межнациональных отношений

и резкого подъема национального самосознания (когда в некоторых республиках возникли движения за отделение этих республик от СССР и даже предпринимаются шаги в этом направлении), не создать ли нам Союз, который был бы построен на принципах, близких к конфедеративным? Предоставить каждой нации максимум государственности, а затем шаг за шагом, в добровольных конституционно-договорных формах, используя международно-правовую юридическую культуру, осторожно, не торопясь создавать сообщество государств, строящих свою жизнь на началах гуманизма, демократии?

Вариант? Да, вариант. Он, разумеется, в чем-то уступает намеченной модели полнокровной федерации, в которую нужно только «войти». Но зато он может создать атмосферу доверия, социального мира, доброжелательности, максимального благоприятствования, когда переход к более отработанной модели, в том числе федеративной, окажется надежным, естественным и радостным. Тем более, что переход к рыночной экономике сделает процессы интеграции неизбежными и естественными.

Словом, будем думать. И еще раз думать. А потом решать.

КвК — книга в книге

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Нет, наверное, нужды убеждать читателя в том, что из трех «непокорных демонов» — экономики, политической власти, идеологии — наиболее ковар-

ным, беспощадным, многоликим и потому заслуживающим специального рассмотрения является политическая власть. Так что есть основание вернуться к нему (в связи с вопросами, освещаемыми в этой главе) и рассмотреть его особо, подробней. Любопытно, что мечтатель-социалист Кампанелла говорил о необходимости борьбы с тремя монстрами, апокалиптическими чудовищами, к которым он относил тиранию, софистику и лицемерие. Первое место в зловещей троице твердо занимает тирания — политическая власть с наиболее жесткими «демоническими» чертами.

О политической государственной власти как социальном феномене

Слово «власть» имеет несколько значений, смысловых оттенков. Ведь, в сущности, каждый «демон» — это властная сила. Экономика, ее ядро собственности — это экономическая власть. Идеология — тоже власть, господство идей и представлений над душами людей, над их разумом.

Для политической государственной власти характерно то, что она концентрируется в определенном аппарате и через аппарат, который обладает возможностями и средствами для того, чтобы делать свои веления общеобязательными, безусловными к исполнению, императивно проводить их в жизнь. Иными словами, политическая государственная власть — это всегда и государство как институт, т. е. система властных органов.

Теперь о самом феномене государственной власти. Именно феномене. Власть, осуществляемая организованным аппаратным принуждением, отличается рядом свойств (увы, в полной мере еще не понятых наукой), которые действуют жестко, непреклонно, «демонически».

Какими же свойствами («законами») обладает политическая государственная власть?

Вот основные из них:

неумолимое стремление к концентрации, абсолютизации, к самовластию (как это часто случается в истории: парламент — директория — самовластный диктатор);

несовместимость данной власти со всякой иной (всякая власть — и не только государственная — стремится к исключительности, предельной суверенности);

нетерпимость власти, когда изначально и резко отторгается то, что не согласуется с направлениями и характером ее функционирования (что, кстати сказать, зачастую совпадает с личностными качествами ее носителя; режим сталинщины — наиболее выразительный пример тому);

вездесущность, стремление охватить «все и вся», проникнуть во все поры жизни общества; это объясняет то обстоятельство, что зависимая в своей основе от экономики власть может и проникать в ее недра, доминировать над ней (что и было характерно для длительных периодов исторического развития: теократических государств, феодальных иерархий, тоталитарных режимов в наше время).

Не следует придавать «законам власти» некий мистический смысл. Их существование хорошо вписывается в общую схему функционирования общественного организма. Ведь для того чтобы выполнить свое предназначение — прежде всего служить экономике, — политическая государственная власть должна собрать свою силу в один кулак, быть максимально мобилизованной и предельно мощной. Здесь истоки тенденции к абсолютности, несовместимости с иной властью и всего другого, что можно назвать «законами власти».

Хотелось бы также обратить внимание на некоторые зависимости между свойствами власти. Возьмем

главную ее особенность — тенденцию к концентрации, абсолютизации. Власть подобна газовой туманности на первых фазах зарождения Вселенной, как это видится по одной из космогонических версий... Сначала аморфное пылевидное, туманное вещество, оно неумолимо конденсируется в тугие сгустки, которые затем превращаются в жесткое, сверхплотное тело, излучающее мощные потоки энергии.

И вот это «тело» (аппарат власти) тогда в полной мере раскрывает свои особенности («законы»), когда достигает достаточной, довольно значительной величины, своей «критической массы». Тогда-то особо выразительно проявляются такие свойства власти, как вездесущность, тенденция к концентрации, к утверждению себя в качестве некоей самодовлеющей силы, стремящейся возвеличить себя и своего носителя. В наращивании аппарата есть порог, с которого эти процессы резко усиливаются. Чем значительней и мощней аппарат, тем абсолютней и нетерпимей сама власть и тем она «агрессивней». Она жаждет все новых и новых сфер господства, все менее и менее склонна выпускать из-под своего влияния даже ограниченные участки жизни.

Обостренный, подчас предельно жесткий облик эти свойства приобретают тогда, когда власть становится заидеологизированной, когда она напрямую связывается с тоталитарной идеологией, покоряется ей, становится ее служанкой. Таковы, в частности, теократические государства. Да и у нас «государство диктатуры пролетариата» оказалось насквозь идеологизированным и отсюда фанатично-тираническим.

Но при этом нельзя упускать из виду, что политическая государственная власть становится «непокорным демоном» не только по отношению ко всему населению, к подвластным, но и по отношению к самим носителям власти. Задумаемся над следующими словами Ф. Энгельса: «Первоначально общество путем простого разделения труда создало себе особые органы для защиты своих общих интересов. Но

со временем эти органы, и главный из них — государственная власть, служа своим особым интересам, из слуг общества превратились в повелителей».

В повелителей общества! Люди, попавшие в орбиту политической государственной власти, превращаются в ее заложников. В «зоне власти» на них неизбежно распространяются, трансформируясь в известные личностные свойства, ее особенности, ее качества: стремление сосредоточить предельно возможную власть в своих руках, нетерпимость, преувеличение своего статуса и своей роли. Главное, что в «зоне власти» возникает неукротимая жажда обладания ею, вспыхивает жесткая, подчас беспощадная и кровавая борьба за власть. И если все это завязывается на личность эгоистическую, честолюбивую, безжалостную, да еще при отсутствии сдерживающих правовых и моральных факторов, жди беды — неумолимого сползания к личной диктатуре, к режиму самовластия, к тоталитарному правлению.

Но все это тогда, когда власть выступает как таковая, в своем откровенно обнаженном виде, и соответственно государство в целом понимается в таком авторитарном смысле. Ситуация резко меняется, когда государство становится светским, просвещенным, впитывает в себя демократические и гуманистические ценности и когда сообразно этому происходит обуздание негативных сторон власти.

Об обуздании негативных сторон власти

Итак, тенденция к абсолютизации, нетерпимость к иной власти, возможность бесконтрольно повелевать, распоряжаться людьми и богатствами, господствовать над обществом — это, как и другие свойства власти, пленяет, завораживает, подчиняет себе тех, кто является ее носителями, сталкивает их друг с другом в беспощадной борьбе, ослепляет в утверждении своего величия.

Коварные свойства политической государственной

власти были подмечены уже давно. Издревле ведутся поиски противоядия, сдерживающих условий и факторов с тем, чтобы то позитивное, что может принести власть в организацию жизни общества, не было перечеркнуто ее негативными свойствами.

Именно здесь, отойдя от стереотипов, хотелось бы сказать несколько добрых слов в адрес идеи анархизма. Это сейчас мы придали сугубо негативный смысл самому термину «анархизм» (впрочем, действительно не очень удачному). Теоретик анархизма, наш соотечественник, недостаточно оцененный нами, М. Бакунин поклонялся одному божеству — Свободе. Он, в частности, утверждал: «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; господство без рабства, открытого или замаскированного, немыслимо, вот почему мы враги государства». Этот обостренно крайний взгляд был искажен и произвольно трактуется у нас в духе анархистского беззакония и вольницы. Не развивая эту тему — отметив лишь беззаботное игнорирование нами грозного предупреждения большого русского мыслителя, — приведу выдержку из его трудов, показывающую, насколько близки его суждения идеям гуманного, демократического социализма. Вот она: «...Будучи приверженцами свободы, этого первого условия человечности, я думаю, что равенство должно быть установлено в мире путем добровольной организации труда и коллективной собственности, путем промышленных ассоциаций в коммуны и посредством добровольной же федерации коммун, но отнюдь не через верховенство и покровительственную власть государства».

И все же анархия даже в самом лояльном истолковании, а тем более в традиционной трактовке — путь к неконтролируемой стихии, неорганизованности и своеволию (когда неожиданно — неожиданно ли? — смыкаются крайности анархизма и крайние негативные черты государственной власти).

Как же быть?

Глубокий смысл имеют общепрогрессивные нача-

ла — просвещенческая идея светского государства, которое не сводится к одной лишь «обнаженной» власти в авторитарном ее значении, а представляет собой «орган для защиты общих интересов» («общих дел», по выражению К. Маркса) и в соответствии с требованиями новой эпохи, начавшейся с Просвещения, становится носителем гуманитарных начал.

Далее. Демократическая прогрессивная мысль давно уже выработала определенную систему организационных мер, призванных обуздать, «умерить» негативные стороны власти. Сюда относятся институты демократии, порядок разделения властей (законодательной, исполнительной, судебной), предупреждающий концентрацию и произвольное использование государственной власти, многофункциональная и регламентирующая роль права, способного путем разрешительного порядка ввести деятельность государственных органов и должностных лиц в строго законные рамки.

Но не это самое главное.

Опасность власти была четко осознана марксизмом. Марксизмом же был намечен оптимальный путь ее упорядочения. Отсюда идея отмирания государства после пролетарской революции, жесткая критика бюрократизма, обостренное внимание к опыту Парижской Коммуны, отказавшейся от постоянного аппарата. Пафос написанной В. И. Лениным в канун Октября книги «Государство и революция» в том, что государственная власть после революции должна отмирать, государство становится «полугосударством», чиновничий аппарат резко сокращается и теряет свое привилегированное положение, упраздняется постоянная армия и т. д.

Драматизм социально-политической ситуации после Октября заключается в том, что, вопреки теоретическим наметкам и ожиданиям, левокоммунистические, радикальные ориентации, революционная практика, невероятные трудности послеоктябрьского периода — гражданская война, интервенция, разруха — потребовали включения в общественную жизнь

мощной аппаратной государственной власти. Это и увело нас от намеченного марксизмом обуздания (умерения) государственной власти, решающим направлением которого было строгое лимитирование государственного аппарата, жесткое ограничение его предельными рамками («не больше»). Лишь в этом случае (да притом с максимальным использованием всех других инструментов: разрешительного юридического регулирования государственной деятельности, разделения властей, развертывания институтов демократии) возможно предотвратить проявление коварных свойств государственной власти, их разрушительное влияние на жизнь общества.

Возможно, идея «отмирания государства» (безусловно, верная в отношении государства как «машины подавления» — синонима авторитарной власти) нуждается в корректировке, уточнении, а быть может, и в пересмотре, поскольку имеется в виду светское, просвещенное государство, впитавшее гуманитарные ценности. Но сама идея «лимита власти» в соединении с положениями, выражающими прогресс демократической и гуманной мысли, несомненно конструктивна.

БЛАГОПОЛУЧИЕ ДУШИ

Венец социалистического развития

С чего приходится начинать

Долгожданная свобода. Дальше что?

Необходимые условия

Духовное многоцветье

Не утратить дух романтики
и гражданственности

Трудовая мораль

Возвышенное и Вечное

Книга в книге. *Размышления*

ВЕНЕЦ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Вопреки расхожим взглядам на социализм, хотелось бы вполне определенно сказать: высший и сокровенный смысл социалистического выбора — в благополучии души человека, в его нравственно-духовном здоровье, в счастье. Вот почему возрождаемый ныне социализм — это **ГУМАННЫЙ СОЦИАЛИЗМ**.

Нет слов, основа гуманного, демократического социализма — в свободной, эффективной и упорядоченной экономике. Его стержень — демократия. А вот венец социалистического развития — в суверенности неповторимого духовного мира, в высоком, исполненном оптимистического смысла душевном состоянии каждого человека, всех людей.

Да что там говорить! Коль скоро социализм, к которому мы стремимся, назван нами не только демократическим, но и гуманным и коль скоро суть социалистической идеи видится в устранении антигуманного отчуждения человека (человека!) от действительно человеческих условий его бытия, то в фокусе всего общественного развития неизбежно должен быть человек — его разум, мысли, мечты, душевный настрой, переживания, словом, его душевное состояние, мерилom которого является возвышенность человека, благополучие его души.

С ЧЕГО ПРИХОДИТСЯ НАЧИНАТЬ

Среди многих страшных последствий, которые оставил нашему обществу сталинский тоталитарный режим, наиболее горькое — это изуродованная, исковерканная душа человека, с деформированным нравственно-духовным миром, со скованным разумом (вспомним Марксово предвидение «грубого коммунизма», который породит бедного, грубого и не имеющего потребностей

человека). И такая деформация, характеризующая рожденную тоталитаризмом социальную структуру, фактическую стратификацию большого общества, вылилась в два основных, одинаково консервативно заряженных и неблагоприятных для человека среза его нравственно-духовного настроения.

Первый. Это настрой привилегированного слоя, укорененного в бюрократическом аппарате, ключевых структурах хозяйственной системы, теневой экономике, уверовавшего в незыблемость и «законность» своего привилегированного статуса, в постоянный «беззатратный» рост материального благополучия, в свою кастовость.

Второй. Это настрой большей части людей, относимых к разряду управляемых, из числа промышленных рабочих, крестьян и даже интеллигенции, деклассированных и люмпенизированных групп с ограниченными творческими устремлениями и потребностями, неподатливых к реформам, сопротивляющихся им, — настрой иждивенчества с настойчивыми потребительскими претензиями, нередко агрессивными импульсами.

Нет нужды еще раз говорить о том, насколько все это осложняет созидание гуманного, демократического социализма, утверждение рыночного хозяйства, свободной экономики. Сейчас разговор о другом. Фанатизм и классовая ожесточенность приверженцев «славного сталинизма» и необузданный, не связанный законом, культурой и моралью, циничный и всепоглощающий эгоизм, стремление к роскоши и расточительству дельцов теневой экономики не делают их действительно счастливыми, не способствуют их духовному возвышению.

Да и почва для возрождения и возвышения в таких группах людей, относящихся к разным,

полярным позициям, полюсам идеологического разброса, отсутствует.

Впрочем, не будем рисовать нравственно-духовную обстановку нынешней жизни одними лишь густо-черными красками.

Именно трудные, порой невыносимые, жестокие условия по какой-то парадоксальной логике рождают также непоколебимо стойких, жаждущих кардинальных перемен людей. Тем более, что огонь Октября, светлые идеалы марксистского мировоззрения и в самые суровые годы питали и сейчас питают этих людей верой и оптимизмом.

И еще один луч надежды — это надежда на людей с действительно позитивной трудовой ориентацией, прежде всего на тех, кто «включился» в отношения производительной собственности. На тех, у кого есть интерес к производительному труду, чувство ответственности за утверждение эффективной материальной основы, инициатива, предприимчивость, стремление к творчеству и многое другое, что прямо ведет к освобождению труда.

И еще одно краткое замечание — о социально-психологическом настрое, рождаемом товарно-рыночной экономикой, о чем в общем-то уже упоминалось. О непривычном напряжении производственной и рыночной активности, готовности идти на риск и страхе перед возможным поражением, безразличии к экономически слабому и проигравшему в экономической гонке, словом, о настрое жесткого, а то и жестокого, безжалостного эгоизма, голого экономического расчета. В странах с уже устоявшимся рынком крайности, грубые проявления подобного настроения в известной мере сглажены и уравновешены религией, системой милосердия и благотворительности, спонсорством. Но только сглажены и уравновешены (чего как раз

нет в нашей теневой экономике). Тем не менее и при таких противовесах они нет-нет да и прорываются наружу. Основное же — суровая «рыночная психология» подстегивает и подстегивает производителей, всех участников хозяйственной жизни, гонит и гонит их вперед в ускоряющейся экономической скачке.

При обсуждении путей нашего экономического развития пусть манящий блеск витринного товарного изобилия, зов безудержного потребительства не заслонят и отмеченную сторону жизни людей в рыночной экономике. И пусть это будет еще одним подкреплением высказанных ранее соображений о необходимости органичной интеграции рынка во всю систему отношений гуманного, демократического социализма.

ДОЛГОЖДАННАЯ СВОБОДА. Ныне «демон» идеологии, страшный «демон» сталинизма **ДАЛЬШЕ ЧТО!** в общем ушел из нашего общества. Да, разумеется, только в общем, в целом; видимые и невидимые его бастионы, островки остались.

Пришла свобода, свобода тоже, разумеется, в общем, в целом. Преимущественно в сфере гласности, свобода мысли и слова. Нет еще свободы в экономике (в той области, где она не реализовалась даже в странах либеральной демократии). Не конституировалась должным образом, не приобрела в полной мере цивилизованных форм свобода и политических отношений: тут много случайного, наносного, лично-амбициозного да к тому же связанного с господствующей пока административно-командной системой.

Но все же свобода внутреннего духовного мира

человека, свобода как результат освобождения от «демона» сталинистской идеологии наступила.

Ну и что же?

То «пространство», которое освободилось (или освобождается) от вездесущего присутствия и неумолимого диктата сталинской идеологии, стало заполняться не идеалами благородства и гражданского подвижничества, не жаждой искусства и творчества, а тем, что оказалось наиболее близким к изуродованной, искаженной, деформированной душе человека. Поэтому вовсе нет ничего удивительного и неожиданного в том, что в души людей и в людские отношения каким-то шквалом ворвались злость, нетерпимость, враждебность, недоверие, зависть, агрессивность, что на поверку явилось тем же «духовным сталинизмом», исподволь вновь вторгнувшимся в нашу жизнь.

Увы, это негативным образом отразилось и на политическом нашем бытии. Когда депутаты много дней никак не могут согласовать пустячный процедурный вопрос, а санкционированные и несанкционированные митинги превращаются в вакханалии злобы «к прошлому вообще», в иступленную ненависть к «аппарату вообще» и затем по улицам прокатываются неостановимые волны погромов, то вот она выплеснувшаяся в «обстановке свободы» нетерпимость. И не тут ли скрыт источник, казалось бы, непонятной остроты межнациональных конфликтов и столкновений?

Видимо, всем нам нужно четко понять: мы не выполним ни одной перестроечной задачи — ни в экономике, ни в политике, ни в культуре, — если наши души останутся вот такими, какими они вышли из сталинских времен. Ни одной! Скажем, переход к рыночной экономике на первых порах

неизбежно вызовет немалые трудности, столкнет людей с непривычной, порой с весьма жесткой реальностью. И здесь без крепкого единения, без общего национального согласия, без стремления к взаимопониманию, без высокой духовности, терпимости не обойтись. А такое единение, согласие в первую очередь требует духовного возрождения народа.

Эта тема — гигантская по своему содержанию и значению: она затрагивает национальные отношения, культуру, искусство, религию, просвещение и многое-многое другое. Ограничимся поэтому в последующем изложении постановкой лишь некоторых вопросов, которые прямо охватываются проблематикой книги.

НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ

Конечно, нужно начинать с твердого уяснения необходимости духовного возрождения нашего народа. Вместе с тем очевидно, что реально такое возрождение невозможно без наступления ряда условий. Основных из них, на мой взгляд, три.

Первое — достижение национального согласия о выборе пути социального развития. Не скрою, сверхзадача настоящей книги — внести посильный вклад в решение этой ключевой проблемы. Ведь иного направления развития, кроме как демократическое и гуманитарное преобразование общества, у человечества вообще в современную пору просто нет. Да и вглядываясь в программы формирующихся сейчас у нас партий и общественных движений, нетрудно заметить, что в большинстве своем по главным пунктам — а они как раз направлены на

гуманитарное и демократическое преобразование — эти программы сходятся. Значит, и нужно всем нам достигнуть национального согласия по этим ключевым вопросам. Да так, чтобы многопартийность, политический плюрализм, национальное возрождение не раздирали общество, не раскалывали его, а способствовали отработке и корректировке общенационального пути демократического, гуманитарного развития.

Второе — реальное действие, практическая работа. Объединим мы ныне основные силы и высвобожденную перестройкой энергию на создание регулируемого рыночного хозяйства, включимся эффективно в практическую работу — и вот она, реальная основа для национального духовного возрождения. Тем более, если будет взят курс не просто на «частную собственность» (вспомним, «дедовскую», уже пройденную в передовых странах), а на персонифицированную, коллективную, групповую, ту, которая все шире утверждается и в обществах, развивающихся на частнокапиталистической основе. Ибо при таком курсе, когда участниками хозяйственной жизни становятся трудовые объединения (свободные ассоциации производителей), создается наиболее благоприятная почва для устранения негативного из духовной жизни людей и утверждения в ней светлых начал, благородства и гражданского подвижничества.

И третье — резкое изменение взгляда на духовную культуру, на искусство, перенос на них центра общественного внимания. Поскольку без них — разумеется, не в крайне политизированных или грубо-примитивных формах — духовное возрождение и возвышение человека в принципе неосуществимо.

ДУХОВНОЕ МНОГОЦВЕТЬЕ

Преодоление существующей духовной опустошенности и ожесточенности — задача наисложнейшая и неотложная.

И все же нужно видеть перспективу. То, что должна дать возрожденная социалистическая идея людям в духовной сфере. **БЛАГОПОЛУЧИЕ ДУШИ**, раскрытие, расцвет всех духовных ценностей.

Один из решающих моментов здесь разносторонность, образно говоря, многоцветье, где каждый человек нашел бы ответ на свои духовные запросы. Впрочем, это имеет и более глубокие корни, связанные с самыми основами социалистической идеи. Хорошо об этом сказали Маркс и Энгельс: общественный антагонизм будет уничтожен «только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения и производительные силы всесторонни, и только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т. е. превратить в свою свободную жизнедеятельность».

Всесторонность и есть всесторонность. Тут все имеет значение, ничего не должно быть упущено, все важно, относится ли это к профессиональной деятельности, к вере, к сокровенной личной жизни.

И все-таки можно выделить, пожалуй, некоторые основные вехи, ориентиры в духовном возрождении, в достижении того, что условно названо «благополучием души». В общегуманитарном плане они уже упоминались, когда говорилось о светлых началах в человеке, о его благородстве, гражданском подвижничестве. Если же связывать их с социалистическим выбором, с содержанием социалистической идеи, да к тому же с учетом проблем, решаемых в экономической и политической сферах, то, быть может, следует выделить три

ориентира под такими условными названиями: «Не утратить дух романтики и гражданственности», «Трудовая мораль», «Возвышенное и Вечное».

НЕ УТРАТИТЬ ДУХ РОМАНТИКИ И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ Не хотелось бы, чтобы материал этой главы был воспринят читателем как идиллические рассуждения, что-то вроде мечты, что-то далекое от реальности.

Что ж, человек — существо противоречивое, трагическое, с непростой судьбой. Вот почему при неблагоприятных условиях жизнедеятельности, таких, скажем, которые наступили в нашем обществе в нынешнюю пору, в человеке, во всяком случае в немалом числе людей, проявилось, к сожалению, столь много отрицательного. А впереди еще грядет пора рыночной экономики, которая, создав в чем-то благоприятные предпосылки для духовного возрождения, может одновременно ожесточить людей, усилить в них эгоизм и безжалостность.

И вот в такой обстановке, думается, было бы очень важным не утратить, а точнее, возродить такой сильный фактор в жизни людей, как революционный настрой, революционный дух романтики и гражданственности. Нет, конечно же, не в крайних своих проявлениях, когда под лозунгом «до основанья, а затем...» торжествовало бы насилие и терялась человечность. А той романтики и той гражданственности, которые облагораживают людей, изгоняют из душ мелко-эгоистичное, подчиняют поступки служению Отечеству, преобразованию общества на демократических, гуманных началах, в согласии с самой сутью социалистической идеи. Словом, общечеловеческие идеалы и ценности. Не утратить, не потерять бы все это...

ТРУДОВАЯ МОРАЛЬ

К этому пункту хотелось бы привлечь внимание читателя. Несомненным плюсом, полученным от утверждения в предшествующие годы идеалов Октября, хотя и грубо исковерканных идеологией сталинизма, казарменными, военно-лагерными порядками, является непреклонная вера людей в начала справедливости (видимо, очень хорошо согласующаяся с исконно русской верой в правду, получившей идеологизированное выражение в обычаях общинного землепользования, а также в православии). С этой стороны формирование того компонента духовного мира людей, который выражен в идее справедливости и равенства, имеет благоприятные условия.

К сожалению, под воздействием военно-коммунистической идеологии идея справедливости и равенства приобрела оттенок монастырского аскетизма, грубой уравнительности: пусть у меня будет, как у всех, и пусть у соседа ни в коем случае не будет лучше, чем у меня. «Уравнение имущества» под девизом «грабь награбленное!» дважды — в гражданскую войну, а затем в 30-е годы при раскулачивании — сокрушительным смерчем прокатившееся по нашей стране, только укрепило этот уравнилельный лагерно-паечный «принцип».

Но ведь он противоречит, разяще не соответствует основополагающей справедливо деловой идее социализма «от каждого — по способностям, каждому — по труду». В силу разных наших способностей, разного участия и неодинаковой активности нашей в труде у *действительных тружеников обязательно должно существовать неравенство в имущественном положении, в мере, объеме и составе обладаемого ими и их семьями имущества.*

Имущественное неравенство — неизбежное следствие трудовой морали, морали, построенной на началах распределения по труду, о чем в свое время говорил К. Маркс. Важно лишь одно: подобное неравенство непременно должно измеряться с мерой и эффектом труда человека. И только!

Тут, естественно, неизбежны какие-то издержки: имущество, полученное по наследству, тем более по акциям; имущественный статус тунеядствующего члена трудовой семьи; ну и, конечно, нетрудовые доходы, лазеек для которых в последние годы не стало меньше... Издержки и есть издержки, с ними приходится мириться. Они, конечно же, бросают тень на все другое, светлое и благородное. Однако будем помнить главное: высшая социальная справедливость при социализме — это трудовая мораль.

На первый взгляд, трудовая мораль несовместима с революционной романтикой и гражданственностью. Но это лишь на первый взгляд, а точнее, при доминировании примитивных взглядов грубого уравниательства. В действительности революционный романтизм в том и состоит, чтобы утвердить правду и справедливость для трудового человека, для человека освобожденного труда. А это труд от души, по вдохновению, по принципу «самодеятельности». И такой порядок, при котором никто не может присваивать себе чужой неоплаченный труд. Следовательно, равенство людей, соответствующее сути социалистической идеи, наступает тогда, когда в обществе складываются равные возможности и каждый труженик «на равных» получает от общества только то, что соответствует количеству и качеству его труда.

**ВОЗВЫШЕННОЕ
И ВЕЧНОЕ**

Я уже писал, что человек не может жить без мечты. Теперь продолжу эту мысль — человек не может жить без Возвышенного и Вечного — того совершенного, что так облагораживает мечту.

Не настало ли время сказать и о религии?

В недавние годы мы замкнулись на известной формуле, что религия — это опиум для народа (кстати, кое-кто стал распространять эту формулу и на другие явления цивилизации: «право — опиум для народа», «искусство — опиум для народа», «мораль — опиум для народа» и т. д.). Что ж, в жестких классовых столкновениях, в революционных битвах у религии, видимо, может быть и такая функция. Жаль только, что доминирование военно-коммунистической, радикалистской идеологии привело к тому, что эта функция в наших представлениях как бы заслонила все иные, надо полагать основные, функции, делающие религию и по сию пору неотъемлемым элементом человеческой цивилизации.

Что это за функции? Наряду с тем, что религия представляет собой одну из форм общечеловеческих моральных постулатов и общей культуры, пусть в чем-то ограниченных и получающих мифическое выражение (а что в нашей жизни так или иначе не ограничено и не сопровождается мифами?), она во всех своих неисчислимых разновидностях является носителем и «представителем» *Возвышенного* и *Вечного* в жизни людей. Опять-таки, разумеется, в чем-то получающего мифическое выражение, но все же очень нужного людям как опора, надежда и утешение.

Хочу быть правильно понятым. Приведенные суждения вовсе не означают, что социалистическая

идея и религия каким-то образом могут быть соединены или что эта идея нуждается в религии, в «богоискательстве» и «богостроительстве» (хотя не вижу препятствий и к тому, что те или иные сторонники социалистического выбора в своей личной жизни исповедовали бы религиозную веру, конечно, не в реакционном и антигуманном ее виде, ведь есть и такие). Речь о другом — о том, что духовный мир социализма нуждается в Возвышенном и Вечном, облагораживающем жизнь людей.

Что должно быть отнесено к этому Возвышенному и Вечному? Разумеется, Свобода и Гуманизм. А что еще? Любовь? Прекрасное? Истина? Не знаю. И наверное, было бы опрометчивым вот сейчас, мимоходом что-то выделять и канонизировать в окружающем нас мире, особенно в самом чудесном, что только может быть в мироздании, — в жизни и разуме, уникальных и единственных для каждого человека. Скажу, пожалуй, лишь о гармонии человека с природой да о предназначении общечеловеческой морали (ее, как известно, можно почерпнуть и из религии), о духовной культуре, об искусстве. Именно они, надо полагать, животворящие обители действительно Возвышенного и Вечного для людей. И здесь свои сугубо личные и не бесспорные мысли: искренне жаль, что многое в нынешнем искусстве, перейдя грань органически свойственной ему гражданственности, подчас резко политизируется, уходит в мир политических страстей — явление, на мой взгляд, не менее губительное для истинного искусства, чем его примитивизация, натуралистическое огрубление в духе «массовой культуры».

И попутно одно замечание: если революционная романтическая гражданственность и трудовая

мораль реализуются в активных поступках человека, в его деятельности и деяниях, то Возвышенное и Вечное нуждается в успокоенности, в атмосфере мира и согласия, в мгновеньях прозрения истины и постижения прекрасного, в *созерцании*. И не такие ли мгновенья, не эта ли духовная жажда созерцания дает истинное счастье людям? Об этом — в заключение книги.

КвК — книга в книге

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Материал, содержащийся в этих фрагментах, напрямую связан с положениями главы. Ибо то, что может быть названо «душой», — это и есть человек — существо сложное и противоречивое, разум человека, эмоции, мир «собственных» представлений, идей, надежд.

Тут читателю придется вспомнить, что по логике развития мироздания вслед за жизнью появились две сферы — разум и общество... Скажу еще раз, это в какой-то степени условно выделяемые сферы, но все же очень отличные друг от друга, хотя и проявляющиеся через один феномен — человека.

О разуме и обществе как самостоятельных сферах мироздания

Итак, развитие жизни, ее форм закономерно подвело к рубежу, с которого начинается формирова-

ние первичных элементов разума и общества — следующего витка мироздания.

И вот с какой поистине драматической ситуацией здесь мы сразу же сталкиваемся.

Дело в том, что развитие Космоса и возникновение жизни отличаются однолинейностью, отсутствием вариантов, раздвоенности. Тут только один путь — от Космоса (неживой природы) к жизни. А когда начали формироваться разум и общество, пути развития разошлись, стали складываться две новые, отличные друг от друга по своей основе реальности — идеальная и социальная.

Самое удивительное в том, что процесс этот в общем-то единый, разум и общество складывались в глубоком взаимодействии, в нераздельном единении, да и проявляются они через единое — человека, его деятельность, трудовую и интеллектуальную.

Но в исторической плоскости пути развития разума и общества различны, причем по ряду направлений они настолько расходятся, что сама историческая ситуация в связи с иными негативными процессами, характерными для общества, — идеологической борьбой, политической конфронтацией и т. д., приобретает драматический характер. Применительно к человеку это выражается в глубоком раздвоении личности, в том, что человек изначально рождается как существо, обреченное на сложную — зачастую «на разрыв» — жизнь, а в отношении всего человечества — в глобальных проблемах, кризисах, грозящих катастрофами.

Попутно несколько слов о стереотипах — об устоявшихся представлениях, которые господствующее, а иной раз просто официальное или официозное мнение выдает за непреложную истину. Стереотипы часто принимаются за истину, каковы бы ни были факты окружающей действительности. Подчас стерео-

типы перерастают в мифы, довольно существенно воздействующие на сознание людей, на их разум.

Об одном из стереотипов подобного рода и хотелось бы сказать.

Он касается понятия «разум», которое нередко в ходе философского анализа вообще не выделяется, а поглощается более широким и менее определенным понятием «сознание». Так вот, стало уже стереотипом связывать разум только с положительной, прогрессивной стороной сознания, обозначать его одними плюсами: разумное — всегда только хорошее.

О разуме

Разум, с которым связано возникновение и существование идеальной реальности, — явление конкретно-индивидуальное, неотделимое от человека. Сознание же, хотя и может быть в известном смысле охарактеризовано как проявление разума, представляет собой более широкий феномен, относящийся к бытованию сообщества людей.

На разум существенно влияют биологические начала главным образом через подсознание. Поэтому можно условно выделить два уровня разума: а) низший, в значительной мере скованный древними слоями подсознания, неодолимыми требованиями, идущими от биологических начал, и отсюда остро эгоистическими интересами; б) высший, выражающий значительный отрыв от стихийных сил, прежде всего от биологических факторов, — уровень, где непосредственно действуют высокие социальные, духовные идеалы и ценности.

Разум достоин предельно высокой общей оценки. Вместе с тем безоговорочное одностороннее возвеличение разума не имеет достаточных оснований. Сила

разума, его значение и влияние на поведение людей, на жизнь общества могут проявляться двояко.

С одной стороны, разум, демонстрируя гигантские познавательные и практические возможности человека, в принципе, способен глубоко проникнуть в окружающий мир, вторгнуться в него и — что самое важное — обеспечить прогрессивное, гуманистическое развитие общества, реализацию высших человеческих идеалов и ценностей.

С другой же стороны, разум, обладая гигантской потенциальной мощностью, при негативных социальных условиях, при других неблагоприятных обстоятельствах может стать неконтролируемой, необузданной силой — ближайшим источником зла, произвольного социального развития, противоречащего объективным закономерностям и нуждам прогресса и приводящего к деформации жизни общества, к разрушительным последствиям.

Есть тут и преимущественно психический феномен. Это — жажда обладания, самолюбие и зависть, которые поражают людей и императивно определяют их интересы не только в зоне действия самих «демонических» сил — потребительской экономики, авторитарной власти и др., но и, так сказать, в соседних, сопредельных зонах. И тут соблазн и иллюзии, пусть и отягощенные грехом и пороком, нередко испепеляют души людей, толкают их на скоропалительные, безоглядные поступки. Отмеченный психический феномен, думается, многое объясняет, казалось бы, в непонятных поворотах жизни людей, а то и общественных движений.

И еще один момент. У каждого человека свой индивидуальный разум. Это центр личной индивидуальности, тот фокус, в котором преломляется многое, идущее от других элементов жизнедеятельности людей, общества, а затем преобразуется в виде

мощных импульсов, субъективных интересов, порой резко возбуждающих, влияющих на поведение. Разум не только дает возможность оценивать фундаментальные факты бытия человека, в том числе сам факт жизни, власть, неотвратимую смерть «я», но и является звеном, приводящим к подчинению человека субъективным интересам (страстям), включая те, которые построены на представлениях и идеях, неадекватно отражающих действительность, ее реальные потребности, а то и на произволе. В свободе разума, в его известной неограниченности, в возможности отойти от действительности, в господстве над ним его собственной основы, а также в его неотделимости от подсознания — ближайший источник трудной судьбы человека, драматизм ситуации, возникающей при коллизии разума и объективных требований бытия.

В соответствии с отмеченными особенностями для развития человека характерны два основных, то объединяющихся, то сталкивающихся стихийных процесса. Во-первых, неудержимый рост потребностей и индивидуальных интересов, обусловленных требованиями собственной основы общества — экономики, а также власти, внешних идеолого-мировоззренческих факторов. Во-вторых, вторжение в жизнь человека, прежде всего в его духовную жизнь, а через нее и в иные сферы, всего того, что идет от разума, его свободы, выражающих нередко неадекватные действительности и ее потребностям цели, не согласованные с истинными интересами человека и потому приводящие к многообразным негативным последствиям и деформациям. Человек становится рабом индивидуальных интересов, ориентированных на наслаждение, рабом вещей и деформирующих сознание идей, которые питают эгоизм, порождают взаимное отчуждение людей, моральную деградацию. В наибо-

лее развернутом, законченном виде эти последствия стихийного развития противоречивой природы человека проявились в обществе, построенном на частной собственности, что и породило смягчающие и стабилизирующие институты и механизмы в определенных формах религии, милосердия, благотворительности, меценатства.

Важным моментом является то обстоятельство, что сила разума оказывается фактически реализованной при превращении («переводе») разума в деятельность эффективно функционирующих групп и общностей людей, а значит, предполагает существование целесообразно организованной социальной системы.

Таким образом, взятый сам по себе, изолированно, разум не может рассматриваться как перспектива, как источник и основа будущей оптимально прогрессивной организации жизни людей. Противоречивость разума, его связанность эгоистическими интересами, невозможность его реализации без необходимых социальных условий, целесообразно организованной социальной системы — все это не дает оснований видеть в разуме как таковом перспективу оптимистического будущего. Именно тут главным образом и уязвимость утопических социалистических учений и просветительства.

К этому можно добавить то, что хорошо было раскрыто русской философией: ограниченность разума, взятого вне нравственной основы жизни людей, вне глубоких духовных начал, характерных для человека и людского сообщества. Надо полагать, что духовность, которая должна сыграть столь существенную роль в жизни людей в соответствии с социалистической идеей, имеет глубокие основания в гармонии, присущей мирозданию в целом, человечеству, человеку (об этом пойдет речь в последней главе).

Из всех мировых загадок человек — самая большая загадка. Его жизнь, поступки, судьба, то подвластные жестким, неумолимым законам, то произвольные и непредсказуемые, всегда ставили (и ставят сейчас) науку в тупик.

Вот некоторые самые общие соображения на этот счет.

В первую очередь представляется неоправданным все сложное в человеке сводить либо к одному социальному (классовому, национальному), либо к одному биологическому, либо даже — что более справедливо — к тому и другому вместе.

Здесь нужен более глубокий взгляд на вещи.

Человек оказался в самом ядре, в точке пересечения основных линий развития мироздания. Более того, на определенном этапе движение «двух реальностей» — разума и общества — пошло по двум особым, все более расходящимся направлениям, однако эти две разбегающиеся линии «проходили» и «проходят» через один феномен — человека. Человек становится олицетворением единства и конфликта в мироздании. Это делает человека глубоко трагическим существом; его духовный мир находится в «состоянии разрыва», в кризисе идентичности, в нарастающей коллизии между неумолимыми требованиями бытия, стоящими за ним жесткими законами, с одной стороны, и свободой разума, его саморазвитием — с другой. Всемирная литература, музыка, живопись — живые свидетели этой вселенской драмы. Той драмы, смягчить и снять крайности которой человечество всегда стремилось в разнообразных формах духовной жизни, религии, нравственности. И мне думается, не тут ли, в разрешении этой вселенской драмы, причем не только в духовной сфере, но и во всех проявлениях реальной

жизни людей, — историческое предназначение гуманного, демократического социализма?

Видимо, и при рассмотрении отдельных общественных явлений, институтов и ценностей цивилизации, в том числе тех, о которых говорилось ранее, необходимо опираться, наряду со всем другим, на только что отмеченное фундаментальное, мирозданческого порядка обстоятельство. Две иллюстрации.

Первая. Спрашивается, можем ли мы даже отдаленное будущее — эпоху положительного гуманизма и «царства свободы» считать бесконфликтной или, наоборот, такой, где возможны одни лишь «эксцессы»? Думается, нет. Даже в смягченном, облагороженном виде вселенская драма человека будет сопровождать его всегда.

Вторая. Надо полагать, по-новому раскрываются смысл и значение прав человека, которые являются не только юридической и нравственной, но и философской категорией, призванной стать опорой и надеждой в нелегком бытии человека в мироздании.

ГРЯДУЩЕЕ

Наше будущее

Альтернатива

Растерянность

Есть выбор!

Непростая ближняя перспектива

А что же дальше?

Три лика гармонии

Гармония человека с самим собой

Гармония человека с обществом

Гармония человека с природой

Книга в книге. Размышления

НАШЕ БУДУЩЕЕ

Каким будет наше будущее? Нет труднее вопроса. Даже в технике прогнозы редко-редко оказываются верными. А тут наше будущее, а значит, будущее страны, социальной системы.

Уже приводилось мнение современных гуманистов о том, что набирающий ускорение, галопирующий бег человечества по пути потребительского общества, либеральной стихии — это путь самоуничтожения цивилизации.

Сошлюсь еще на одно согласующееся с этим выводом высказывание А. Печчеи: «Достигнув апогея своего могущества, человек впервые с ужасом осознал таящиеся в нем опасности, вновь бьется над развитием самосознания всего рода человеческого, приспособлявая его к изменяющемуся миру». И тут же: «Он (человек. — С. А.) уже понял, что либо он должен измениться — как отдельная личность и как частица человеческого сообщества, — либо ему суждено исчезнуть с лица земли».

АЛЬТЕРНАТИВА

Постараемся до предела обнажить проблему. И тогда станет очевидным, что человечество стоит перед выбором:

либо идеология неудержимой, ничем не ограниченной экономической и либеральной стихии;

либо развитие идеалов свободы и на этой основе — гармонизация жизни людей, обновление и возрождение социалистической идеи, ее гуманного, демократического существа.

Первый путь манит сверкающим, обольстительным соблазном потребительства, либеральной вседозволенности, возможностями удовлетворения самых затейливых прихотей. Ну а последствия?

Когда они еще будут, да и будут ли вообще — меры по охране окружающей среды, по экологическому регулированию и воспитанию как будто бы становятся все более эффективными. Что же до бед остального мира, а тем более до «эксплуатации», «наемного рабства», «стихии частной собственности» — хватит нам идеологических пугал и сказок, порожденных марксизмом, хватит вообще всяких «измов»; есть либеральные порядки, есть «свобода от власти», и достаточно, чего еще? Нередок такой ход рассуждений людей, не желающих видеть, что именно в этих обстоятельствах и заключен механизм самоуничтожения цивилизации.

А второй путь? Путь социализма?

Вот ведь как получилось! Строй страны, первой вставшей на этот путь, обернулся кровавым тоталитаризмом, неэффективным, предельно централизованным хозяйством. Потом и другие страны, объявившие себя социалистическими, оказались предельно централизованными и диктаторскими, и там человек оказался еще более отчужденным от власти, от собственности, от своего труда и его результатов.

И надо видеть факты такими, какие они есть. В мировом общественном мнении сложилась и утверждается вот такая недобрая слава о социализме. Стали привычными утверждения: «провал коммунизма», «конец социализма», «смерть марксизма».

РАСТЕРЯННОСТЬ

С известной горечью и в то же время внутренним (про себя) оптимизмом приходится порой наблюдать за тем, как гуманитарная мысль Запада, не смея преодолеть сложившиеся и в чем-то оправданные стереотипы о социализме, бьется в поисках выхода из приближающегося тупика.

Мне уже приходилось ссылаться на данные опубликованного в Вашингтоне ежегодного доклада Института «Уорлдуотч» — одного из самых авторитетных среди тех, которые занимаются экологическими и социально-политическими проблемами. И вот какой знаменательный диалог произошел между директором упомянутого Института Лестером Брауном и корреспондентом журнала «Шпигель»:

»«Шпигель». Вы недавно сказали, что человечество проигрывает битву за планету. Вы остаетесь при этом мнении?

Браун. В настоящее время мы пока еще действительно проигрываем все битвы за спасение Земли. На протяжении нескольких лет усугубляются все тенденции, которые характеризуют состояние здоровья пациента. Нет ничего, что бы свидетельствовало об улучшении.

...«Шпигель». Вы забыли о промышленности. Она по-прежнему расширяется, и часто это происходит в ущерб окружающей среде. А ведь без роста промышленности сотни миллионов людей никогда не получат работы. Как решить такую дилемму?

Браун. Это чрезвычайно трудно. Нам не помогут какие-то частичные меры, нам нужны фундаментальные перемены во всей системе.

«Шпигель». А не могли бы вы быть немного конкретней?

Браун. В современных промышленных обществах материализм — желание присвоить как можно больше материальных благ — стал движущей силой развития. Я сомневаюсь, что эта корыстная система ценностей сможет пережить переход к экологически приемлемой мировой экономике.

«Шпигель». Как будет выглядеть новая система ценностей?

Браун. Ставя на первое место человека, мы меньше всего должны исходить из того, чем мы владеем, но из того, кто мы и что мы можем.

«Шпигель». Вы хотите отменить капитализм?

Браун. И при социализме царит материализм. Только там ему не удалось добиться таких успехов.

«Шпигель». Вы, кажется, мечтаете об утопии, которая бы заменила наше материалистическое общество.

Браун. У меня есть определенные представления, хотя, может быть, только в наметках. Мне видится такой мир, в котором люди снова будут прочнее ощущать свою связь с жизненными основами. Отрасли промышленности, занимающиеся вторичной переработкой, по большей части заменят добычу полезных ископаемых: солнце, ветер, вода дадут энергию. Если иметь в виду городское и региональное сообщение, велосипед будет значить больше, чем автомобиль. Новый человек...

«Шпигель». ...Вы в это верите? Социалисты тоже хотели создать нового человека.

Браун. Да, это не удалось. Но без новых замыслов, новых ценностей мы тоже потерпим неудачу.

ЕСТЬ ВЫБОР!

Да, выбор есть.

Битва за лучшее будущее человечества есть битва. Самые лучшие, самые сильные люди и идеи время от времени терпят поражение. И мы переживаем такой период истории человечества, когда терпит поражение социализм. Но терпит поражение не социалистическая идея в целом, а только одно из ответвлений социалистического движения, лидеры которого узурпировали

власть в своих странах, узурпировав затем права на идею и практику социализма. Точнее (как уже говорилось не раз), потерпел поражение прикрывающийся терминологией социализма утопический, леворадикальный военный коммунизм, отвергнутый В. И. Лениным в конце жизни.

Настоящий же социализм — вспомним и это — как итог и продолжение достоинств цивилизации в нашей стране по-настоящему еще не начинался. Великая свобода, основанная на том, что все люди становятся участниками отношений собственности, достигают освобождения труда, была лишь провозглашена Октябрем; в условиях нэпа только-только начали реализовываться в хозяйственной жизни ее начала. Но ведь все это и есть то, о чем говорится в только что приведенном отрывке из диалога: на первом месте человек ... ощущение связи людей с жизненными основами... новые ценности, последовательно гуманистические, истинно человеческие условия жизни людей.

Так что выбор у человечества существует. Стихийному развитию, ведущему в никуда, может быть противопоставлена подлинно социалистическая идея в том гуманном значении, которое присуще ему по самой его сути.

Не хочу судить безапелляционно. Тем более императивно, но линию на «социализацию» можно рассматривать в качестве наиболее общей тенденции, характеризующей мировые процессы (самая главная линия). Мы уже констатировали, что и под напором социальных требований, выражающих общечеловеческие интересы, происходят явления, приводящие практически к результатам, которые не противоречат и социалистическим идеалам в процессе перерастания неокапитализма в посткапитализм. Пока не ясно, правда, может ли все это

преобразовать стихийное развитие экономики в разумно управляемый процесс, коснуться самой частнособственнической экономической основы общества, дать людям наряду с достоинствами либеральных режимов также свободу в глубоком смысле, освобождение труда, включенность всех работников в отношения собственности. Но обнадеживающие оптимистические симптомы (возникновение и рост сектора коллективных предприятий с групповой трудовой собственностью) налицо, и это, думается, тоже подтверждает идею социализма в ее гуманном и демократическом значении, подтверждает, что она может рассматриваться как единственно надежная и строго последовательная мировоззренческая основа оптимистического будущего человечества.

**НЕПРОСТАЯ
БЛИЖНЯЯ
ПЕРСПЕКТИВА**

Какова же ближайшая перспектива? Не трудно предсказать, что в ближайшие годы триумфального шествия социализма по нашей планете не произойдет. Более того, если в теории социализма не будет крупных прорывов, если не будет подтверждена на деле его гуманная суть, его предназначение углубить свободу людей в сравнении с буржуазными демократиями, репутация этого строя может пострадать еще серьезнее.

Тяга миллионов людей, переживших ужасы тоталитаризма и экономические беды, к либеральным свободам, к «полным полкам» магазинов и комфортабельному быту объяснима и закономерна. Перед этим отступают любые «измы». Добавим сюда энергию приверженцев безудержного стихийного развития общества, у которых немало резонансов, а еще больше — веры и упорства, и мы

пойдем, сколь нелегкие испытания ждут социалистическую идею.

И все же будущее за ней!

Горько лишь, что, по-видимому, уже не только нашему обществу, но всему человечеству придется столкнуться с тяжелыми потрясениями, быть может, заглянуть в пропасть, прежде чем наступит трудное отрезвление. И дело не только в близости экологических катастроф, но прежде всего в утрате гуманных критериев, неизбежной в жестких условиях конкурентного потребительского общества. Придется волей-неволей вновь обратиться к идеям освобождения труда, углубления свободы, упорядоченной, саморегулируемой жизни — а ведь это и есть сокровенная суть социалистической идеи.

Но, может, мои не очень радостные прогнозы на ближайшую перспективу неверны?

Ох, как бы мне хотелось ошибиться! И ведь есть исторический шанс, есть основа для того, чтобы утверждение, развитие и воплощение в жизнь социалистической идеи осуществлялись уже сейчас.

Этот шанс — наше общество, мы все, мы с вами. Если бы нам с вами хватило мудрости и мужества, не поддаваясь эмоциям и соблазну легких решений, сосредоточить народные усилия на осуществлении социалистической идеи, вбирающей все достижения цивилизации, если бы на этом пути мы начали сейчас, сегодня, в ближайшие дни раскрывать позитивный потенциал социализма, пошли решительно к регулируемому рынку, демократии на основе закона, к возвышению личности, то все это, несомненно, уже в нынешнее время вспыхнуло бы ярким светом в конце затянувшегося туннеля.

**А ЧТО ЖЕ
ДАЛЬШЕ!**

Уж вовсе неблагоприятное дело и совсем не ко времени, трудному и предельно реалистичному, говорить об отдаленном будущем. Но все же краткий ориентировочный прогноз нужен и здесь. Надо же как-то конкретизировать современное видение социалистической идеи! Тем более, что перед лицом угрозы, нависшей над человечеством, раздаются слова «остановка», «упорядочение», «сдерживание» и им подобные.

Сначала об «остановке». Понятно, скачка человечества к непоправимой беде — безумие. Ну а остановка?

Просто остановка, остановка как таковая, остановка как «стоп», «ни шагу дальше!» — это смерть.

Это — прекращение движения вперед.

Это — конец прогресса.

Да и стоило ли вообще стремиться к свободе, к освобождению, уходить от всемогущества «непокорных демонов» для того, чтобы дальше было ничто. И нереалистичным, несбыточным, насквозь фальшиво-мечтательным было бы все это. Просто неосуществимым.

А ведь свобода для того и нужна людям, чтобы они могли раскрыть все свое человеческое, выявить и реализовать светлое и одухотворенное, заложенное в предназначении человечества!

И уж если рассматривать в каком-то смысле идею «остановки», то это было бы оправданно, пожалуй, в отношении природы (об этом — дальше), да и интерпретации основных положений общей концепции социализма. И нужно сказать вполне определенно: в отличие от концепций о настоящем и будущем общества, опирающихся на идею закономерности безудержного, нарастающего раз-

вития экономики и потребления, обосновываемая в этой книге позиция базируется на совершенно иной, в сущности, противоположной идее — на идее остановки губительной стихии, на идее необходимости упорядоченного, сдержанного развития человечества.

А что значит, зададимся вопросом, упорядоченное, сдержанное развитие?

Надо признать, что слова «упорядоченное, сдержанное развитие» сами по себе мало о чем говорят. Тем более, что и тут начинают маячить всякие сдерживающие факторы и регуляторы, которые, как показала история, таят в себе опасность возрождения жестких и неумолимых «непокорных демонов».

Больше определенности (и ранее об этом говорилось), пожалуй, в положении о подчинении общественного развития началам глубокой духовности, нравственности — всему тому высокому, светлому, что несет социалистическая идея с духовной стороны. Соединить достижения цивилизации с этими началами — и вот она, ясная и оптимистическая перспектива развития людей, общества, человечества. Во всем этом и состоит глубинный смысл гуманного, демократического социализма.

Но и здесь остается некоторая неопределенность. Что значит «подчинение»? Какими параметрами характеризуется упорядоченное, сдержанное развитие человечества в соответствии с социалистической идеей?

На этом пути нужен дальнейший поиск. И по-видимому, этот поиск может вывести на то глубокое и основательное, что заложено во Вселенной, в мироздании. В последние годы активно обсуждается предположение о заложенной в мироздании «организованности» или мысль, утвер-

ждающаяся не без влияния русской философии и ряда современных философских школ, об известных «разумных началах», свойственных всему сущему и познаваемых людьми через их чувства, духовно-нравственное освоение действительности.

ТРИ ЛИКА ГАРМОНИИ

Мне же представляется, что в понимании будущего развития человечества нам должно прийти на помощь самое, быть может, глубокое и сокровенное, что таит в себе Вселенная, — *гармония*. Не она ли, гармония, может стать ключевой характеристикой сдержанного, упорядоченного развития человечества, подчинения его духовным, гуманным началам?

Ведь в неповторимом, цикличном кругообороте вещества и энергии всего Космоса главное — это некая неуничтожимая согласованность, равновесие. Еще в большей мере свойство гармонии присуще всему живому, самой жизни, ее многообразным проявлениям.

Да и в жизни людей, общества гармония проходит сквозной, одухотворяющей линией, стержнем. Недаром она зазвучала гимном уже в сочинениях античных мыслителей и к ней в том или ином виде тянулись нити рассуждений мыслителей в последующие века.

Под известным углом зрения все красивое, возвышенное, радостное в жизни людей — это гармония.

Музыка — гармония: упорядоченное сочетание звуков, мелодия.

Любовь — гармония: неодолимое влечение души, стремящейся к единству, взаимности.

Справедливость — гармония: соразмерность, равновеликость, равное участие и мера.

Секрет, одухотворяющая тайна будущего, быть может, в том, чтобы гармония стала ключевым звеном в жизни людей во всех ее гранях: и в отношении человека с самим собой, и в отношении человека с обществом, и в отношении человека с природой. Это и есть «три лика гармонии».

**ГАРМОНИЯ
ЧЕЛОВЕКА
С САМИМ СОБОЙ**

Гармония для отдельного человека — это обретение смысла жизни, условий для достойного существования, для счастья. Человеческая жизнь, понимаемая не только как биологическое, но и как социальное явление, включает — и по мере прогресса общества в качестве все более доминирующего компонента — духовные и нравственные начала, интеллектуально-моральные ценности. Поэтому сохранение, утверждение, упрочение, продолжение жизни во все большей степени ориентируется на духовные и нравственные критерии, не имеющие при их позитивной характеристике (в виде интеллектуально-моральных ценностей) каких-либо границ развития.

Более конкретно смысл жизни человека выражается в естественном его существовании, которое находится в гармонии с ценностями цивилизации, социального прогресса и которое проявляется, в частности, в удовлетворении здоровых потребностей, личных интересов, в продолжении рода (дети, семья, нация), в творчестве, в постижении интеллектуально-моральных ценностей, в духовном обогащении Возвышенным и Вечным.

Мерилом смысла жизни человека является его *счастье* и *оптимистическая судьба*. В соответствии с этим одна из существенных проблем философии состоит в выявлении показателей счастья и опти-

мистической судьбы: каковы градация, шкала объективирующих их явлений и каково оптимальное соотношение со средствами их достижения.

Счастье и оптимистическая судьба могут быть охарактеризованы как состояние удовлетворенности жизнью и уверенности в благополучном будущем. Такое состояние объективно возможно в коллективистских жизнеутверждающих условиях, в условиях развивающегося демократического, оптимально разумного, гуманистического строя, строя, названного К. Марксом положительным гуманизмом.

Если уверенность в оптимистической судьбе должна быть для человека постоянной величиной, то счастье формируется и существует как контрастное состояние, ощущается как положительная реакция на завершение напряженной работы, преодоление временной неудовлетворенности и, следовательно, предполагает такую организацию бытия, при которой человек выступает как творец и труженик. И в то же время решающее тут — духовное, свободное бытие, постижение возвышенного, прекрасного, созерцание.

Из смысла жизни и главных его показателей — счастья и оптимистической судьбы, преломленных через жизнеутверждающие социальные условия гуманного, демократического социализма, — вытекают и другие характеристики человеческого бытия: добро, совесть, правда, истина, милосердие.

А теперь, после общих оценок, имеющих, как я предполагаю, в условиях гуманного, демократического социализма нравственно-психологический характер, несколько слов о гармонии человека с самим собой и отсюда о потребностях человека, его эмоциях и разуме с точки зрения умеренного, «гармонизированного» развития человечества.

По отношению к *потребностям* — это извест-

ное ограничение материальных запросов (да, да — ограничение!). Причем такое, при котором имеется реальная перспектива полного удовлетворения первичных человеческих потребностей, поддерживается интерес к здоровой жизнедеятельности, к напряженному труду и существует возможность неограниченного, в принципе, удовлетворения нарастающих духовных потребностей.

По отношению к *эмоциям* — это известное ограничение, тонкое упорядочение эмоциональной жизни человека, чтобы субъективные интересы (страсти) не смогли приобрести самодовлеющего, доминирующего и разрушительного характера, не ослепляли бы человека, а, напротив, были бы поставлены на службу ему (существенный момент — известный предел наслаждениям, в особенности тем, которые основаны на темных импульсах подсознания).

По отношению к *разуму* — это его освобождение от подчиненности нежизненным абстракциям, мифам, ложным идеям, устранение всего того, что влечет рост негативных субъективных интересов, слепую веру, умственную деградацию личности. И вместе с тем четкая ориентировка на основные характеристики человеческого бытия, в том числе направленность субъективных интересов на простую умиротворенность жизнью, на творчество, высокие духовные, моральные ценности, на постижение интеллектуальных и культурных богатств, созерцание, на все то, что дает благополучие души.

Все это, можно предположить, и приведет человека к гармонии с самим собой.

Отсюда — острая необходимость переориентации жизни людей.

С точки зрения идеальной модели, это главным образом решительное преодоление сугубо индиви-

дуалистической идеологии, оправдывающей стихийное неконтролируемое развитие и вместе с тем сознательная настроенность в общественной жизни и жизни каждого человека на идеалы и ценности, выражающие ее смысл: личное счастье, удовлетворение от общения с природой, физическое самосовершенствование, творчество, утверждение и накопление нравственных начал, общечеловеческих идеалов и ценностей. Помимо всего прочего такая переориентация означает действительную свободу человека и прежде всего его освобождение от жесткой диктатуры ненасытного потребительства, от жажды власти, а также от подчинения надуманным сверхзадачам (даже таким престижным, к примеру, как покорение Космоса), создание нравственного, духовного заслона от возрождения негативных процессов.

Как ни вспомнить в связи с этим пророчества Н. А. Бердяева. Он писал: «Будущее человечества зависит от того, будут ли соединены в мире движение духовное и движение социальное, будет ли связано создание более справедливых и более человеческих обществ с защитой духовных ценностей, с духовной свободой, с достоинством человека как духовного существа».

ГАРМОНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ОБЩЕСТВОМ   Здесь ключ к реализации всего того, что необходимо для гармонии человека и с самим собой.

Общество в идеале — это целостное и вместе с тем децентрализованное свободное, гуманистическое образование с минимумом внешних регуляторов, с безраздельным господством того, что образует права человека. Его первичную ячейку, сообщающую всему социальному организму силу и целеустремленность, образу-

ют, судя по всем данным, свободные ассоциации производителей.

О многом здесь говорит Марксово положение о строе положительного гуманизма. И еще, что властно диктует современная эпоха, — права человека, их абсолютность. Это — резкое выдвижение вперед человека, его высокого статуса, того, что относится к благополучию его души.

Но вот вопрос, от которого никуда не уйти: о товарно-рыночном производстве, о безостановочно работающем его «сердце», моторе эффективной экономики — рынке.

Будем видеть жизнь такой, какая она есть (это отличает научный, реалистический социализм от утопического, мифологического). Эгоистическое стремление, страсть к потреблению — это неотъемлемое свойство человека и человеческой жизни, один из тех атрибутов, без которых люди — не люди. Они олицетворяют ту активную, хотя и жесткую движущую силу, без которой человеческое общество ни существовать, ни развиваться не может.

Рыночная экономика немыслима без интереса к прибыли и без потребности приобретать новые товары. Но оставь ее без всего того, что делает ее «регулируемой», социальной, интегрируемой в систему гуманных отношений, — и идеалы гармонии и свободы разлетятся вдребезги. Впрочем, вспомним, что применительно к гуманному, демократическому социализму расчет нацелен на то, чтобы было достигнуто «умеренное» товарно-рыночное производство, в основе которого не безудержная стихия, а регулирующие начала. Причем существенный эффект «умерения» достигается в результате того, что рынок становится социальным, экологически чистым. Именно такое «умиротво-

ренное» товарно-рыночное производство уже во многом способно перестать быть «непокорным демоном», безостановочно подстегиваемой задыхающейся от неудержимого бега экономикой.

Необходимо, разумеется, и дальше, опираясь на зарубежный опыт, проводить в жизнь систему упорядочивающих, умеренно регулирующих, контролирующих рынок мер. И конечно же, нужна культура производственного интереса и потребительства (она, мне думается, шаг за шагом утверждается в странах с развитым товарно-рыночным производством). А главное, законы гармонии, уравнивающие эгоистические устремления и страсти с интересами общества, определяют строй положительного гуманизма — строй свободных ассоциаций производителей, освобожденного труда.

ГАРМОНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ

Вот тут — и, наверное, только тут — слово «остановка» должно быть употреблено в своем прямом значении.

Прогресс человечества остановиться не может. Но человечество должно остановить свою неудержимую экспансию в природу. И не тут ли вообще решающее в судьбе человечества? Не «покорение» природы, не ее «преобразование» и даже не «освоение», а установление *навсегда гармонии человека с природой*.

Главное уже делает здесь регулируемое товарно-рыночное производство, «умиротворенный» рынок. И должны войти в плоть и кровь общества такие принципы сосуществования, которые выражены в кратких формулах «взял — вернул», «нарушил — восстановил», «изъял — заменил», и аналогичные деловые правила в условиях прогресса,

и они в какой-то мере решают проблему гармонии человека с природой. Пора и «отдавать долги» — восполнять потери, локализовать и прекращать необратимо разрушительные процессы в природе, которые сейчас всюю идут на планете.

Во главе всего должен быть нерушимый императив: человечество не должно совершать ничего такого, что хотя бы в самой малости ухудшало природу, наносило ей даже ничтожный урон.

Вместе с тем, думается, гуманный, демократический социализм обессмертил бы себя, если бы он не только реализовал эти в общем-то очевидные, понятные принципы и императивы, но и включил бы их в Возвышенное и Вечное, призванное одухотворять жизнь людей.

Ведь только обновленный социализм с его духовностью, коллективистскими началами, гуманно-демократической устремленностью, способен предотвратить вселенскую катастрофу, столь стремительно надвигающуюся на человечество, и дать ему самое прекрасное, наряду с искусством, Возвышенное и Вечное — гармонию с природой.

И скажу еще. Даже в нынешнее трудное время оправдан поиск дальних форм гармонии человека с природой, вариантов содружества с ней. Может быть, таких, которые в своих футурологических гипотезах предлагал А. Д. Сахаров, полагавший, что нужно выделить два типа территорий в нашем переселенном индустриальном мире — «рабочую территорию» (РТ) и «заповедную территорию» (ЗТ), причем последняя, по словам академика, предназначена «для поддержания природного равновесия на Земле, для отдыха людей и активного восстановления равновесия в самом человеке». Или, быть может, целесообразней и органичней все

же Землю оставить Землей-природой с вкрапленными в нее полисами-коммунами, включающими одну или несколько взаимосвязанных свободных ассоциаций производителей...

КвК — книга в книге

РАЗМЫШЛЕНИЯ

В заключение — два небольших фрагмента, один из которых кратко подытоживает рассуждения о центральной идее философских заметок, а другой — содержит предположение, предельно гипотетическое, о пути развития мироздания в целом, что, быть может, послужит еще одним оправданием для названия всей главы — «Грядущее».

Кто придет после «непокорных демонов»?

Никто?

Да, никто. Вся суть развития общества по пути гуманного, демократического социализма в том и состоит, чтобы над людьми перестали господствовать чуждые, враждебные, непокорные силы, словом, чтобы было устранено антигуманное отчуждение людей от истинно человеческих условий жизни. Так что место «непокорных демонов» должны занять естественно выросшие из цивилизации, отвечающие природе человека начала и институты, которые обеспечивают всестороннее его развитие, благополучие его души, его оптимистическую судьбу и счастье.

Вот предположительно какие это начала и институты:

Социальная, экологически чистая товарно-рыноч-

ная экономика. Подчеркиваю — экологически чистая, гармонизированная с природой и плюс к этому социальная, включенная во всю систему гуманистических отношений. Такая, основными производителями которой станут свободные ассоциации производителей (что еще более должно усилить привносимые в экономику начала умеренности и разума).

Просвещенное, светское правовое государство — государственно-правовое, демократическое объединение свободных ассоциаций производителей, всех наций, всех граждан. Подчеркиваю — просвещенное, светское и потому с ограниченной, «лимитированной», функционально очерченной властью, призванной обеспечить гармонизацию общественных отношений и интересов. Такое объединение, в центре которого — фокусе всей государственно-правовой жизни — права человека, имеющие абсолютное значение.

Оптимистическое, гуманно-возвышенное мировоззрение, воплощающее истинную Свободу, идеалы положительного гуманизма. Подчеркиваю — гуманизма, начала Возвышенного и Вечного, всего, что даст людям благополучие души, уверенность в оптимистическом будущем.

Предположение о грядущем в развитии мироздания

Для начала еще раз напомним шаги-ступени, которые, как представляется, проделала Вселенная.

Первое, бесконечное и всеохватывающее, — это Космос. Мир Космоса. В его беспредельных просторах родилась жизнь — самоорганизованное вещество, с собственным бытием и собственной судьбой. А затем из жизни вспыхнул яркий огонь разума.

И вот тут произошло невероятное, по вселенским меркам трагическое. Однолинейно развивавшаяся Вселенная (Космос — жизнь — ...) на очередной ступени вдруг раздвоилась в своем развитии: вместе

с разумом, неотделимо от него получило свое собственное бытие общество.

Еще более невероятное: неотделимые друг от друга, эти две сферы (разум и общество) не только получили собственную жизнь и судьбу, но и стали как бы разбегаться, уходить друг от друга. Разум, опирающийся на свою основу — понятия, представления, идеи, — на волнах свободы «несется» к высотам абстракций и обобщений. Общество же, скованное «непокорными демонами» экономики, политической власти и идеологии, наращивает обороты в своем собственном социальном бытии и, не считаясь с предупреждениями разума (хотя то и дело используя его потенциал), все стремительней и безудержней осуществляет экспансию в природу.

И совсем уж невероятное. Эти две разбегающиеся сферы — разум и общество — так и остаются неотделимыми друг от друга: они живут и проявляются только в одном феномене — в человеке.

Вселенская драма человека, источник его трагедии — в этом.

Но в этом же — свет Надежды.

Именно потому, что две разбегающиеся сферы мироздания — разум и общество — реализуются через один феномен — через человека, в принципе можно начать их сближение (при решении ряда сложнейших, но все же осуществимых задач).

Для этого есть одна обнадеживающая объективная предпосылка.

Уже тот факт, что первоосновой общества стало материальное: производительные силы, экономический базис (самый неистовый «непокорный демон») — уже сам этот факт как бы намекнул на возможность сближения человечества с «материальным», на возможность включения его в общий поток развития мироздания.

Вместе с тем человек силой своего всемогущего разума, опираясь на адекватные и действенные общественные структуры, и еще более на духовные, нравственные основы общества, способен «развер-

нать» человечество, подчинить его развитие возвышенным началам гармонии — гуманности и справедливости — всему тому, что открывает людям идея гуманного, демократического социализма. Словом, в рамках философии демократического социализма открывается, пусть пока не во всем ясная, но с каждым днем становящаяся все определенной перспектива органического включения развития человечества в единый поток развития мироздания. Значит, перспектива Вечности Человечества.

Предположение? Да!

Фантазия? Да!

Но предположение и фантазия, которые имеют достаточно надежные философские предпосылки. Предпосылки, которые дают человечеству научные основы для Надежды и Оптимизма.

* * *

Несколько лет тому назад мне довелось побывать на земле Греции.

Я счастлив, что моей первой зарубежной страной оказалась как раз Греция — земля Древней Эллады. Пробыл я там не более десяти дней и, не очень отягощенный служебными заботами, много ходил, вглядывался, старался уловить и постигнуть то, что дается, наверное, только повседневным соприкосновением со страной, с ее настоящим и прошлым.

Всматриваясь в покатые холмы Древнего Города, в величие парящего в небе Парфенона, в невероятную пропорциональность олимпийского стадиона, в сказочность прибрежных островов среди морской темной синевы, в ласковость белесо-голубого неба, в неувядающую белизну поверженной статуи у афинского жилища на заброшенном раскопе, я ощутил, что именно здесь, в Греции, и прежде всего с глубокого единения высокого, неповторимого искусства и спокойно-величественной природы, начался тот поток Цивилизации, который я без всяких оговорок отношу к светлой и радостной полосе жизни человечества.

И тогда вспомнились мне строки о Греции из произведения любимого мною писателя и ученого Ивана Ефремова. Потом я их по живым впечатлениям увиденного и понятого перечитал. Вот они:

«Количество скульптур в храмах, галереях, на площадях и в садах... трудно вообразить. В каждой декаде века выделялись десятки художников, создававших многие сотни произведений... Общее количество художественных произведений, преимущественно скульптуры, накопленных за несколько веков процветания эллинского искусства, колоссально». И тут же: «Следует знать, что вся духовная жизнь того времени вращалась вокруг искусства и поэзии, в меньшей степени вокруг философии. Эллин не мог представить себе жизни без любования — долгого и многократного — предметами искусства и созерцания прекрасных построек».

Я понимаю, как значительно будут отличаться века грядущие от настоящего и тем более от прошлых веков, и все, наверное, окажется проще и прозаичнее, как ни насыщай будущее тем прекрасным, что создало человечество. И кроме того, как ни горько, никуда не уйти от потерь, о которых говорится в сознательно мною опущенной фразе из приведенного отрывка: «Ничтожная часть этого гигантского художественного наследия дошла до нас лишь в римских мраморных копиях. Металлические скульптуры в позднейшие времена были переплавлены невежественными завоевателями в пушки и ядра». Да и вообще сказанное И. Ефремовым — лишь штрих из картинки прошлого, зримо воссозданной писателем и ученым.

И все же...

И все же, когда я заканчивал эту книгу и размышлял о нашем будущем, в моей памяти неотступно всплывали поездка в Грецию и эти восторженно оптимистические и горестные мысли писателя.

Не потому ли, что там пусть и не очень отчетливо, но все же достаточно определенно промелькнуло человеческое предощущение Будущего?..

СОДЕРЖАНИЕ

От автора **5**

А был ли социализм? **7**

Тернистый путь прогресса **51**

Программы и реальность **91**

Магистральный путь **127**

Рынок – собственность – свободная
экономика **157**

Сила демократии и права человека **207**

Благополучие души **243**

Грядущее **265**

Сергей Сергеевич Алексеев

ПЕРЕД ВЫБОРОМ. ОБНОВЛЕНИЕ ИЛИ КАТАСТРОФА?

Художник *Н. Н. Аникушкин*

Художественный редактор *А. Б. Бобров*

Технический редактор *Т. А. Киселева*

Корректоры *Л. Г. Кузьмичева, М. В. Сладкина*

ИБ № 2520

Сдано в набор 24.05.90. Подп. в печать 14.06.90. А-07506. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Тип таймс». Печать офсетная. Объем: усл. печ. л. 11,61; усл. кр.-отт. 13,86; учет.-изд. л. 11,52. Тираж 30 000 экз. Заказ № 1378. Цена 60 коп.

Издание подготовлено к печати на ЭВМ и фотонаборном оборудовании в ордена «Знак Почета» издательстве «Юридическая литература». 121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, Калинин, пр. Ленина, 5.